ПЕСЕНКА ОЗОРНОГО ВЕТРА,

или подробная история злоключении одной ведьмы

Глава 1. О манне небесной и тонкостях обращения с ангелами.

Пожалуй, я с некоторым оттенком гордости могу назвать свой взгляд на жизнь оптимистическим. Я не отношусь к тем, кто в ответ на совершенно искреннее «доброе утро» сурово испепеляет поприветствовавшего его человека красными, как семафор, глазами и угрюмо бубнит под нос, что «утро добрым не бывает». Я также не из тех, кто после первой разбитой чашки тут же суеверно начинает шептать, за что же ему, прости-господи, такое наказание, и подбирает осколки с осторожностью истинного ипохондрика.

Я даже не имею честь принадлежать к числу тех несчастных, чьи врождённые сверхспособности включают в себя ловлю лбом всех попадающихся по дороге столбов; кто знает это и заранее запасается бинтами и зелёнкой, уже будучи умудрён многовековым опытом в справедливости того, что любые защитные шлемы и амуниция высшей прочности окажутся здесь бессильны.

И всё же даже для меня искренне добрейшее утро сего дня, – к слову сказать, понедельника, – оказалось омрачено неожиданно свалившимся на голову кирпичом. К счастью, ненастоящим.

– Я не согласна, – уже третью четверть часа мрачно упорствовала я в ответ неумолимым доводам заведующей кадрами Клары Батыевны Первомай. Первые залпы мне ещё с долей завидного успеха удавалось сдерживать.

– Флорина, от вас ничего особенного не требуется, – Клара Батыевна, похоже, перешла в смягчительное непротивление. – Только сопроводить группу участников к месту назначения и проследить, чтобы они обосновались в отеле.

– А основные издержки кто на себя возьмёт? – скрестила я руки на груди.

Ага. Знаем мы их. Сначала просто сопровождающие, а там как начнётся... то, сё, а вот здесь в столовой плохо кормят, а тут вот персонал грубит, а давайте куда-нибудь в другой отель, а может, мы у вас перекантуемся? Мы ж ненадолго... нет-нет, мы люди приличные, не курим, не пьём, стулья не сжигаем...

– Какие такие издержки? – наигранно удивилась Клара Батыевна.

– Какие-какие! А путевые-дорожные, – в том же духе отвечала я. – А ну как там из огнедышащих кто-нибудь окажется? Пока по месту назначения-то доберёмся, так, поди, кому-нибудь забор ненароком сожжёт или бампер обуглит! А мне что в таком случае делать прикажете, а? Я ж за них как бы, получается, ответственность несу!

– Все расходы и осложнения, сопутствующие процессу заселения туристов, берёт на себя Университет, – монотонно отвечала Клара Батыевна давно затверждённую назубок фразу.

– Университет?! Чёрта с два Университет палец о палец ударит, – вконец вышла из себя я. – Кому штраф платить придётся в случае неожиданного форс-мажора, я спрашиваю? А? А если людоеды? А если до-дарвиновские формы?!

– Тише, тише, Флорина, перестаньте так нервничать, – тон заведующей окончательно перешёл в свою увещевательную вариацию. – От вас требуется всего-навсего...

– Да помню я, – нервно отозвалась я, схватив со стола Клары Батыевны какой-то документ и начиная им обмахиваться. Ух-х, в жар бросило. – Сопроводить группу эмигрантов, продемонстрировав им истинное молдавское гостеприимство и услужливо указать на дверь столь же гостеприимного молдавского отеля. Я одного не понимаю: почему всем этим должна заниматься именно я? Я же откровенно отвратительно ориентируюсь в родном городе. Откровенно отвратительно нахожу общий язык с людьми, пусть даже вербально мы разговариваем действительно на одном языке! И в такой же степени отвратительно проявляю гостеприимство. У вас не нашлось более горячих энтузиастов на эту роль? Поверить себе не могу.

– вы единственная из русскоговорящих, кто сейчас свободен, а наши иностранцы – русскоязычные, – пояснила Клара Батыевна. – все ребята на курсе заняты подготовкой к выступлению… им некогда будет этим заняться.
– Ну конечно, а я как раз накануне грядущей сессии абсолютно свободна, – саркастически отозвалась я.
– Прекратите, наконец, паясничать, – нахмурилась Клара Батыевна. – Имейте в виду: это ваш единственный шанс сдать вашу курсовую.
– Что?.. – я опешила. – вы меня шантажируете?
– Я имею право не выставить вам оценку за семестр, – безжалостно заявила Клара Батыевна, – если вы не сможете защитить свою курсовую работу.
– А я не смогу её защитить? – на всякий случай уточнила я.

Клара Батыевна выждала небольшую паузу, делая многозначительный жест бровями.

– Думаю, нет, – и сдобрила преподнесённое мне только что блюдо ядовитой ухмылкой. Надо сказать, приправка ещё та.
– А если я пожалуюсь Мирославу Добрыньевичу? – ещё раз уточнила я, пытаясь хотя бы немного отсрочить неминуемую капитуляцию.
– Я полагаю, это вам не особенно поможет, – отвечала Клара Батыевна, и маленькие без того глаза её нехорошо сузились, будто целясь перед тем, как испепелить меня каким-нибудь последним секретным оружием.
– Так я и знала, – проговорила я, стоически принимая поражение. – Ну хорошо, будем считать, мы поняли друг друга. Когда там у них поезд прибывает?
– Завтра утром, ровно в семь-сорок, – доложила Клара Батыевна. – И большая к вам просьба: не опаздывать. Это всё-таки наши гости, проявите уважение и достойно покажите лицо Университета.
– Показала б я, что выражает то лицо, – буркнула я себе под нос.
– Что вы сказали? – нахмурилась заведующая кадрами.
– Ничего-ничего, – елейным голоском отозвалась я, расплываясь в фальшивой до очевидности улыбке и стараясь сделать эту очевидность как можно более ясной Кларе Батыевне. – Завтра утром буду прямо на вокзале, с точностью до всех числовых координат. Могу и приветственную табличку на себя повесить с обязательной эмблемой вУЗа, а для пущего эффекту даже закутаюсь в государственный флаг.
– Ну, Флорина, – покачала головой заведующая. – Смотрите, без ваших выходок! – она пригрозила.
– Это уж как придётся, – туманно отозвалась я. Клара Батыевна в отчаянном положении, иначе бы не стала тут со мной длинные каденции разыгрывать. видимо, на данный момент я действительно, в своём роде, её последняя надежда. Значит, можно позволить себе немножко вольностей. – Надеюсь, они там тоже не выкинут мне каких-нибудь внеплановых хроматизмов.

И вы, между прочим, добавила я про себя. Знаю я. Им дай только волю, понавесят на тебя, чего не лень. И выкручивайся, как знаешь… уж на что наш народ ловок – так это на выкручивания всевозможного рода, благо, условия жизни как раз вполне располагают развивать сей полезный талант.

– Не выкинут, – с нажимом заявила Клара Батыевна. – Это приличные люди.

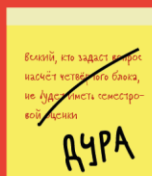
Мне показалось, что она едва не дополнила: «в отличие от некоторых».

– Знаем мы ваших приличных людей! – вспылила я. – Смотрите мне! Стулья они точно жечь не будут?! А то бывало уже всякое…
– Не будут, не будут, – заверила Клара Батыевна.

Я выдохнула, успокаиваясь. Ну, хорошо. Не будут, так не будут. Там посмотрим, но уж если что, церемониться ни с кем не стану. А то ведь так и случилось однажды: скинули как-то мне на голову заботу о целом выводке жар-птенцов («Они смирные, они смирные!» – твердил Кузька Кихотов); а они возьми да начни

КЛАРА ПЕРВОМАЙ

Заведующий кадрами

ни с того ни с сего мне ковры жрать да стулья для собственного эстетического удовольствия поджигать! Что творилось тогда – и вспоминать не хочу.

– До свидания, – сказала я, разворачиваясь и торопясь поскорее уйти, а то как бы в самом деле чего-нибудь ещё не навесили.

– Подождите минуточку, – раздалось за спиной. Пресвятая пентатоника! Видимо, я, как всегда, опоздала.

– Что такое? – едва сдерживая раздражение, вопросила я, поворачиваясь с самым рассеянным видом, как будто и в самом деле не понимаю, что мне сейчас готовится очередная... оркестровая яма. Или кирпич с неба. Или столб... уж лучше бы столб, я бы тогда на нём разгон психики попрактиковала, как когда-то давно учил Святогор, (по специальности мой наставник, по специфике происхождения – оборотень). Мне на данный момент как раз, кажется, не хватает какого-нибудь безропотного и желательно вовсе неподвижного предмета, на котором можно было бы безнаказанно выместить злость.

– Ещё кое-что, – важно сообщила Клара Батыевна, – так, словно вспомнила об этом буквально мгновение назад, и, разумеется, невзначай. – Есть одна персона, которой потребуется особое внимание.

Я упёрла руки в боки. Это было уже чересчур.

– Чего?! – я пристально уставилась в нагло вперившиеся в меня болотные, как у жабы, глазки Клары Батыевны. – Принцесска какая-нибудь? Ну уж нет, знаете что! Это уж вы сами как-нибудь, без меня! Я ведьма простая, выросла в условиях также предельно простых; а за особым вниманием обращайтесь к... да хоть к Кузьке Кихотову, ёлки-палки! Это он умеет принцессок как следует ублажать, а не я. Нет, с царственными особами вы уж, пожалуйста, без меня!

Клара Батыевна со всем вниманием выслушала мой жалкий отчаянный протест, а затем невозмутимо повторила:

– Вы должны будете встретить одного из представителей *отдельно*. Этого требует специфика её происхождения. Этикет, если хотите.

– А-а, ну точно принцесска, – распалялась я, недовольно расхаживая по кабинету. – Со всеми, значит, в одну телегу не хочет! Недостойные, значит! Брезгливая! А мной, низкой ведьмой, не побрезгует, интересно знать?

– Да нет, не побрезгует, – сдерживая смех, величественно промолвила Клара Батыевна. – Она – *ангел*.

– О-о, а-ангел, – протянула я едко, закатывая глаза. – Ну конечно! Мать-Тереза. Вы мне ангельскую пыль тут, пожалуйста, в глаза не пускайте: так я и поверю, что царственная принцесска без капризов на мою голову. И с чего это я должна её отдельно от всех встречать-провожать?! Тоже мне, этика отношений. Религиозная, что ли? Это какая такая религия проповедует подобное чванство?

– Да нет же, – терпеливо возразила Клара Батыевна. – Она *ангел* в самом прямом смысле этого слова.

– Это как это так в прямом? – насупилась я, и тут до меня, наконец, дошло. – У-у-у...

– Да-да, – покивала Клара Батыевна. – Надеюсь, теперь вам понятно, почему к этому представителю требуется специальный подход... в частности, прибывает она, *по специфике своего происхождения*, раньше, чем все другие, а именно: сегодня в восемнадцать-тридцать часов на Центральном автовокзале; и желательно, чтобы до завтра она находилась под вашим присмотром и опекой...

– У-у-у, – снова протянула я на волчий манер моего наставника-оборотня. – А я точно единственная подходящая кандидатура? Нет, мне, конечно, в моей практике приходилось поняньчаться немного с инфантом лягушачьего царства, царевичем-лягушонком Нафаней; но в том-то и дело, что Нафаня-то как раз – совсем другое дело, и вообще-то я...

– Сегодня. В восемнадцать-тридцать. На Центральном автовокзале, – свалились мне на голову три этих силлабических кирпича. Я едва удержала стремительно расплывающиеся частицы рассудка:

– А куда я её дену-то до завтра, принцесску эту вашу? Отельный номер у нас забронирован только для завтрашней партии, а значит, на сегодняшний день пока что недоступен!

– Приютите её на этот вечер у себя, она вас не стеснит, – мило улыбнулась Клара Батыевна.

Я мысленно сожгла на костре несколько тысяч злобных инквизиторов, насладилась звуками их предсмертных воплей, мольбами о пощаде и жалкой горсткой оставшегося пепла; затем вспомнила о системе расслабляющих дыхательных упражнений; следуя ей, шумно выдохнула и постаралась, как могла, не отразить на лице всю гамму испытываемых эмоций. Остаётся только гадать, как Клара Батыевна умудряется так предусмотрительно предсказывать всё, о чём я думала, входя в этот кабинет, и к чему моя душа тяготеет так же слабо, как тональности третьей, самой отдалённой степени родства друг к другу. Кое-кто поговаривал, что эта старая карга умеет читать мысли... судя по всему, сии мысли она выискивает выборочно и, кроме того, исключительно у недисциплинированных студентов.

– Что ещё? – поинтересовалась я сдержанно. – Гланды ей вареньем не намазать?

– Разве что исключительно с её разрешения, – любезно позволила Клара Батыевна. – Если только она допустит ваши пальцы к своим гландам.

– А, так значит, ей всё-таки палец в рот не клади, – сделала двусмысленный вывод я. – Ну-ну. Ангел, говорите? Какой масти? Белой али вороной?

– Масть у неё светлая, вас ждёт бубновая дама, – ухмыльнулась Клара Батыевна.

– Бубновая, говорите? – переспросила я. – Когда это вы на картах гадать выучились, Клара Батыевна? За такое дело цыганки обычно себе ручку позолотить просят, но я не буду, вы же понимаете.

Клара Батыевна побагровела, видимо, тоже сейчас проделывая в воображении какие-то инквизиторские манипуляции; однако я уже выходила из кабинета, от греха подальше решив поскорее ретироваться, не будучи настигнутой праведным гневом.

Денёк-то сегодня предстоит хлопотный. Да и всю неделю, как видно. Так ведь и говорят: как встретишь понедельник... С добрым утром, ведьма!

***

А теперь начнём-ка с самого начала. ведь я, кажется, до сих пор не представилась многоуважаемому читателю моих беспорядочных летописей?

Зовут меня Флорина. Я – потомственная ведьма родом из Молдавии. Живу я там же, откуда родом... соответственно, тоже в Молдавии. Живётся здесь на самом-то деле неплохо. С переменным успехом, конечно. Было бы вообще отлично, если бы жизнь мою ежедневно не омрачали нудные будни, – «нудни», как их лаконично называет моя родная тётка, тоже потомственная ведьма, но несколько иного профиля; – будни, проводимые мной в милейшем заведении, именуемым Запредельным Университетом Достойных Достижений, что, в свою очередь, лаконично и вполне справедливо зашифровывается аббревиатурой ЗУДД.

Чем занимается Университет? Ну, как и все Университеты, обучением и выпуском уже университетски подкованных студентов. Но, как, возможно, уже угадал достопочтимый читатель, студенты мы не совсем обычные.

Проще говоря: активная молодёжь магико-мифического мира. Сложнее говоря: магически гиперактивные представители типа хордовых (а в некоторых отдельно взятых случаях и не только хордовых) на планете Земля; в том числе класса млекопитающих; в том числе отряда приматов, к коим относится и общеизвестный вид Человека Разумного; а в нашей университетской классификации – ещё и Человека Сознательного. Будучи людьми Сознательными (во что порой верится довольно смутно, особенно наблюдая некоторых уникумов, представляющих наш Университет), все мы в той или иной степени желаем чего-то Достигнуть, дабы стать ещё и Людьми Достойными. в коей доблестной затее, как предопределено, данный Университет и должен нам всем активно помогать.

Я, например, на данном этапе изучаю изящные музыкальные структуры с их положением во времени и пространстве – и искренне, могу вас заверить, желаю достигнуть мастерства в этом благородном деле. Выражаясь короче, ведаю музыку, а через музыку пытаюсь изведать и саму себя. Чтоб вам было до конца понятно: термин «ведьма» вовсе не обязательно подразумевает достигшую крайней степени сварливости ветхую, как мир, старуху со скверными кулинарными способностями. «Ведьма» происходит от слова «ведать»; а значит, таковое звание вполне способна заслужить среднестатистическая девушка лёгкой весовой категории, обладающая сравнительно неплохим характером и даже некоторыми способностями как в области ведения домашнего хозяйства, так и в научной.

Коей я, собственно, пока что и являюсь. Впрочем, идя от противного, среднестатистическая ведьма на склоне своих лет вполне может превратиться и в дряхлую старуху, достигшую крайней степени сварливости, обладательницу скверных кулинарных способностей, – или же способностей, как таковых отсутствующих вообще, – но, искренне надеюсь, я избегну этого печального удела.

Пока что я нахожусь в самом начале пути; можно сказать, только раскрываю свой ведьминский дар и, что важно, стараюсь его должным образом *осознать*.

А проще всего говоря, я – теоретик. Музыковедьма. Попутно я также стремлюсь познать искусство полифонического изложения заклинаний строгого стиля письма; сложения гимнов и сказаний в древнейшем стиле под гитарный аккомпанемент; и, кроме того, ежегодно участвую в спортивных соревнованиях по гонкам в ступах без помела.

Да нет, не скажу, что учиться в Университете так уж плохо. Частенько здесь бывает довольно весело.

Но чего уж я вправду не люблю, что ненавижу всеми фибрами своего сознательного, бессознательного и иже с ними суперэго; что способно довести меня до точки кипения мгновенно, почти без затрат энергии и при этом с коэффициентом полезного действия, близким к ста процентам, – это бесполезная, бессмысленная и почти беспощадная общественная деятельность.

Так случилось, что в этом году нашу крохотную страну то ли по прихоти, то ли по каким-либо иным соображениям решил почтить своим присутствием всемирно известный и безмерно талантливый ведьмак Самуил Неказистый. Почтить, разумеется, решил не просто так, а с намерением дать свой открытый мастер-класс, который длиться будет аж целую неделю. Что именно это будет за мастер-класс, никто ещё не знает, так как Самуил Неказистый всегда был личностью весьма разносторонней и при этом загадочной; однако неизвестность, как водится, только распаляет всеобщий интерес. Масштаб события в рамках страны колоссальный, учитывая то, что ради такого дела у нас предполагается слёт мифических существ со всего света... где их планируют разместить, правда, я себе до сих пор ещё не представляю, ну да это и не моя забота.

В числе организаторов, разумеется, выступает и наш Университет. Встреча гостей, благоустройство места проведения мероприятия, организация положенного случаю патетического приёма звезды, ну и так далее. Многие из студентов приглашены, – дабы придать основному действу разнообразия, – выступить со своими номерами.

Я со своей стороны, разумеется, намеревалась поглазеть на сие великолепнейшее событие. Такой известный ведьмак и вдруг решает поделиться своим опытом со всеми... ну, конечно, не совсем даром. Вернее сказать, совсем не даром... То есть нет, правильно, конечно, делает, – всякий труд должен вознаграждаться. В любом случае, это пропустить нельзя.

Да и весело будет, раз столько народу приезжает. Хочется на других посмотреть и себя показать, как говорится.

Так вот, поглазеть-то я планировала, то есть принять во всём этом самое пассивное участие. Выступать меня, разумеется, никто не звал. Кому нужны мои гимны древнейшего стиля? А с другой стороны, такое

положение дел меня известным образом устраивало: одной заботой меньше. Хотя бы курсовую дописать успею, думала я...

И вот теперь – в один миг – всё оказалось перевёрнуто с ног на голову.

– Другие ребята заняты, – ворчала я себе под нос, приближаясь к автовокзалу. – Они, видите ли, выступают. Ты, видите ли, единственная русскоязычная. Ну конечно! Чуть что, так сразу Флорина. У кого ещё уйма свободного времени? Я же тут вообще по целым дням сижу, семечки щелкаю, ваньку валяю. Нет, ну неужели совсем никого другого не нашлось? Взяли бы Кузьку Кихотова, что ли, в самом деле, – он хоть разговорчивый. Или лучше Сеньку Балаура. У Сеньки Балаура, как у настоящего Балаура[1], три языка, и все без костей; правда, и без смыслового содержания тоже... Курсовую она мне, видите ли, не даст защитить! – я крепко выругалась, обильно сдобрив речь музыкальной терминологией сомнительного значения. – Ещё и какого-то ангелочка подсунули в нагрузку. Поди знай, чего там за ангел... возиться ещё с ней, с принцесской.

Терпеть не могу капризных принцессок. Ну ничего, попробует только мне хоть что-нибудь выкинуть, пусть пеняет на себя. И пусть Клара Батыевна тоже пеняет, сама виновата, нечего было мне такие глупые задания давать.

Я огляделась по сторонам. Как она хоть выглядит-то, интересно? Никогда не видела живых ангелов. Ну, мёртвых вообще-то тоже, конечно, – хотя постойте-ка, они же, наверно, должны быть бессмертными... А, в общем, шут их знает. Сейчас разберёмся.

Она, наверно, тоже не видела живых ведьм до меня. Хотя чем я таким особенно отличаюсь от обычных людей? Да ничем. Я посмотрела на пальцы своих ног, обутых в босоножки. Ну, разве что мизинец на моей левой почему-то чуть подлиннее, чем безымянный будет.

Я вздохнула, снова поднимая глаза. И это называется не опаздывать! Ну и где сия царственная особа? Неужели потерялась? Вот ещё незадача, ищи-свищи её теперь!

В зале ожидания почему-то было почти пусто. От скуки я стала рассматривать стены, изукрашенные занимательной наскальной росписью, запечатлевшей здесь след пребывания человека разумного ещё, пожалуй, советского периода времени. Впрочем, с моим знанием хронологии, к которому имеют место регулярные придирки моих педагогов, я могу крупно ошибаться. Вполне вероятно, что всё это является творчеством ещё доисторического молдавского человека.

В ожидании я решила выпить кофе из автомата, услужливо подвернувшегося поблизости. Автомат, однако, почему-то весьма недружелюбно воспринял слегка помятую временем купюрку в пять леев, извлечённую мной из кармана, и всё выплёвывал её назад. Я тихо ругалась под нос, терпеливо засовывая бумажку обратно. Где же этого ангелочка черти носят? Вечер уже, а меня, как всегда, ждёт тысяча и одна работа. Да только за этот час, потраченный на дорогу сюда, я могла бы сочинить целую песню, которая бы воспевала и дивный запах кофе, и настенную живопись, и мусорные кучи, устилающие дорогу к автовокзалу...

– Ага! – восторжествовала я, когда автомат, завершив издавать странные звуки, всё же разродился небольшим пластиковым стаканчиком, в который не спеша стал вливать кофе. Тоненькой-тоненькой струйкой... бр-р, а пены-то сколько напустил. Опять придётся пить вместо эспрессо какую-то сомнительную облачную массу. Ну да ладно...

– Тьфу!.. – я внезапно отпрянула. Автомат, видно, всё-таки меня невзлюбил, потому что пластиковую палочку, которая выдаётся для размешивания сахара и прочего содержимого стакана, он напоследок прямо-таки запустил в меня катапультой.

– Спасибо большое, – проворчала я, с некоторой опаской извлекая стаканчик с крохотной, – ну а чего я хотела за пять леев, – порцией прогорклого пенистого кофе, сдобренного вдобавок чересчур обильной дозой сахара и ни за что ни про что вымещенной на мне злобой автомата. Я вздохнула и, морщась, отпила глоток гадкой

[1] Лаур-Бэлаур – персонаж молдавских народных сказок (родственник Змея Горыныча)

CEAI CU LAMAIE
CEAI CU LIME
APA POTABILA
SUC MULTIFRUCT

смеси. Ну, ничего. После того, как мне когда-то в далёкую и прекрасную мою пору детства приходилось едать яств, состряпанных лучшими кулинарами нашей школьной столовой, даже это зелье казалось чуть ли не манной небесной.

Кстати бы о небесности. Где всё-таки шля...

– Японский сторожевой дирижабль! – выдала я, когда пластиковый стаканчик каким-то образом ухитрился выскользнуть у меня из рук. Что ж такое-то?! Мало того, что автомат ложками плюётся, так ещё и стаканчики у него какие-то не в меру бойкие! Там и так кофе хватило бы всего на два глотка... ну да ладно, не особенно и жалко этого варева.

– Не ругайтесь, пожалуйста, – раздался вдруг где-то над ухом тихий, вкрадчивый голосок, – это неприлично.

Я обалдела, даже перестав отряхивать с футболки кофейную пену. Это что, никак, моя Совесть со мной заговорила?

– Да припозднилась ты что-то, – пробормотала я, поворачивая голову с целью всё-таки отыскать источник звука. В потусторонние голоса я, даром что ведьма, не верю. И заставить меня поверить, думаю, сложнее, чем самого Станиславского.

И не зря не верю: ибо источник звука всё-таки самым чудеснейшим образом вдруг нашёлся.

– Извините, я не хотела, – прямо передо мной, виновато потупив огромные, распахнутые настежь голубые глазищи, внезапно материализовалась тощенькая, маленькая, даже ниже, чем я с моими метр-шестьюдесятью, девчонка.

Я подняла брови.

– Да ладно, чего там, – промолвила я. – Сама же на себя эту дрянь опрокинула, ты не обращай внимания, девочка. – Я тут же потеряла к ней интерес, снова занявшись процессом очищения одежды от останков почившего кофе, ожидая, что голубоглазое чудо полюбуется-полюбуется, да и уйдёт. Но девочка почему-то не уходила. Я снова посмотрела на неё, на этот раз попристальней.

Девочка была щупленькой, это факт. А ещё щуплее, пожалуй, были две тонкие пшеничные косички, свисавшие у неё с головы наподобие каких-то прутиков. Странное дело: почему-то давно заметила, девчонки в Молдавии в основной своей массе либо очень-очень щупленькие, либо очень-очень полненькие. Золотая середина, если и существует, то, как истинное золото, встречается крайне редко... Но вот эта какая-то и вовсе субтильная, аж косточки просвечивают. Ничего себе. Что это за жертву Бухенвальда к нам приволокло? А ведь ещё и тащит за спиной чего-то: здоровый такой футляр. Очень напоминающий, к слову сказать, скрипичный... Мэ-эй, надорвёшься, девонька, он же тебя вдвое толще. Впрочем, при всей дистрофии данной личности, она каким-то чудесным образом умудрялась при передвижениях даже сохранять прямоту; а то я уж заопасалась, что под тяжестью скрипки, – или чего у неё там, – того и гляди, переломится в пояснице. Но нет... вроде бы пока цела.

– Чего тебе? – благодушно поинтересовалась я, рассматривая сей прелюбопытный экземпляр живой природы.

– Я... это... ну... – замялась тщедушная скрипачка.

– Ну? – я терпеливо глядела на неё. – Потерялась, что ли? Тебе куда надо? Ждёшь тут кого-нибудь?

– Ну... да, жду, – наконец, выдавила из себя она и, кажется, даже перевела дух. А потом вдруг взглянула на меня очень решительно... я имею в виду, даже на то, чтобы на меня взглянуть, ей, как видно, потребовалось несоизмеримая доля решимости. Вот до чего дистрофия доводит. Три слова сказала – уже устаёт! Ну, дела... нет, с вашими диетами, девки, вы пропадёте. Кашу надо по утрам кушать!

– А кого ждёшь? – мягко подтолкнула я. – Ты спроси, может, я видела, давно уж тут сижу. – Я немного нервно бросила взгляд в сторону. Может, тот ангел небесный где-нибудь здесь тоже сидит, мелькнула вдруг у меня мысль; смотрит на меня исподтишка и насмехается? Эта внезапно пришедшая в голову догадка так разозлила меня, что я заскрежетала зубами, на мгновение забыв о присутствии девочки. Однако оную, как видно, моя

гримаса очень напугала, поскольку анорексичное создание тут же слегка отпрянуло, трепыхнув мелькнувшими в воздухе косичками.

– Извини, – я повернулась к ней, примирительно улыбнувшись. – Так кого ждёшь? Потерялась?

– Я... ну в общем, это... – она вздохнула, взмахнув длиннющими ресницами, окаймлявшими небесные очи, а затем несмело сделала шаг в мою сторону: – Я вас тут жду...

Я уставилась на неё, тоже моргнула несколько раз, желая удостовериться, что это не соринка у меня в глазу, а затем несколько оторопело произнесла:

– Так чего меня ждать-то. Я уже здесь вроде бы. Я так понимаю, ты и есть тот самый... ангел. Да? – я ещё раз бегло осмотрела диковинную девицу. Ну конечно. Кем же она ещё может быть? Только вот, кажется, представляла я себе ангелов немного по-другому.

– Да, это я, – своим тихим и вкрадчивым голоском подтвердила девочка, боязливо пододвигаясь ко мне ещё на шаг. – А я думала, ведьмы другие.

Я так и прыснула. Ну вот! Очередной чтец мыслей?

– Это какие же? – весело спросила я. – Даже интересно.

– Ну... стра-ашные, – протянула девочка, даже как-то вытягиваясь при произнесении этого слова.

– Ты это, не усердствуй тут, – предостерегла я, с опаской осматривая её хрупкую фигурку на наличие целостности после этих рискованных действий, – смотрю, напрягаешься сильно, когда говоришь. Вас там в Раю чего, не кормят вообще, что ли? Или ты всегда такая была?

Ангелок ещё раз махнула ресницами.

– Всегда... была, – наконец произнесла она. Я покачала головой.

– Так нельзя, – со знанием дела заявила я. – Ничего, откормим. Ну что, пошли? Вроде бы больше ждать нам с тобой некого.

– Пошли, – согласилась девочка и засеменила со мной рядом. – Извини, что я опоздала... ты долго ждёшь?

– Долго, – призналась я. – Поди, и транспорт у вас там барахлит, что ли? А? Осадки мешают небесной колеснице небеса бороздить?

– Да нет, – чуть пожала плечиками девица, (я опять было испугалась, что она сейчас переломится надвое), – я тоже уже давно приехала.

Я слегка удивилась.

– А чего тогда сразу не подошла ко мне? – спросила я. – Не признала, что ли? Вроде бы ауру ведьминскую сегодня с утра хорошо прочищала, до блеска, чтоб издалека видно.

– Не-е, – протянула ангелок, – я просто...

– Что просто? – я остановилась, слегка нахмурившись. Девочка замерла, кажется, снова перепугавшись. Ну дела! Мало того, что жертва Бухенвальда, так ещё и шуганная какая-то. Свалилась же на голову... манна небесная!

– Я боялась к тебе подойти, – робко прошелестела маленькая скрипачка, снова виновато опуская глаза. Дивные ресницы веером завесили сосущую, как у Есенина, синь.

– Чего?.. – я так и опешила, а затем расхохоталась. – Пресвятая пентатоника! Ну ты и явление, ей-богу. И где вас таких берут только... Ладно-ладно, пошли, да не бойся: я не кусаюсь. Кусательствами у нас вампиры промышляют, а я к таковым не отношусь. Ну? Идём!

– Идём, – согласилась ангелок и опять затопала рядом. При каждом шаге футляр за её спиной нещадно хлопал девчушку по задней стороне колен; она то и дело пыхтела, поправляя его.

– Эй, – сказала я, – может, помочь? Тебе, поди, тяжко.

– Да нет, я ничего, – тоненько проговорило чудное ресничное, – мне совсем не тяжело...

– Ладно, будет, будет, – недовольно остановила я. – Или не доверяешь? А, знаю. У тебя в этом футляре, небось, не скрипка, а автомат. Ты ангелочком-то только прикидываешься, а вот все отвернутся, и ты так – р-р-раз! – достала автомат, как крутой мафиози, и: «всем лежать!» – на последней фразе я почти правдоподобно изобразила какой-то прокуренный штробас. Ангелок пугливо сжалась, визуально сделавшись ещё меньше футляра. Я подумала, что, возможно, у них на Елисейских не приняты подобные шутки.
– Как звать-то хоть тебя? – спросила я, чтобы перевести тему.
– Лирой, – вкрадчиво сообщило ресничное. Я вздохнула, снисходительно улыбаясь.
– Самое что ни на есть ангельское имя, – заявила я. – Ну а я – ведьма Флорина! Будем знакомы, – я хотела было протянуть руку, а потом тут же одёрнула себя, на всякий случай решив, что стресса для ангельского существа на сегодня достаточно. Вдруг ещё ненароком силу не рассчитаю и эдакую её фарфоровую ручку в пыльцу превращу…
– Красивое имя, – произнесла девочка, внимательно глядя на меня своими широко распахнутыми глазками. – Как будто цветок.
– Имя как имя, – фыркнула я. – Ты мне всё-таки футлярчик-то дай. Дорога неблизкая, боязно мне что-то за тебя, ещё переутомишься, заболеешь, зачахнешь.

И вообще того и гляди помрёшь, чуть не добавила я, с опаской оглядывая тщедушное тельце, затем встала на остановке и принялась высматривать маршрутку.
– Я выгляжу такой слабенькой? – как будто удивилась ангелок. – Это не так..
– Я охотно верю, что у себя дома ты способна выжать даже двухтонные штанги, состоящие из цельных облаков, – сказала я, – но на грешной земле всё, увы, несколько по-другому. Давай сюда свою скрипку.

Ангелок у меня за спиной вздохнула, а затем бесшумно сняла футляр и осторожно вложила мне в протянутую руку. Я не глядя взяла чехол и лихо закинула за спину. Лёгонький! – с удовольствием отметила про себя я, аж жмурясь от удовольствия. Моя гитара, конечно, тоже не сравнится с весом двухтонных облачных гирь, но всё-таки даже после неё подобные дивные ощущения в области спины воистину неисчерпаемы.
– А как ты узнала, что это скрипка? – наивно задала вопрос ангелок.
– Так чего тут гадать-то, – отвечала я. – Не контрабас ведь. Да и имечко у тебя музыкальное. Тоже на мастер-классе выступать будешь?
– Буду, – прошелестела Лира и снова тихонько вздохнула. Я повернулась к ней:
– Что, переживаешь?
– А… ага, – согласилась ангелок, часто-часто заморгав ресничками.
– Не переживай – переживёшь, – благодушно заявила я, слегка хлопнув её по плечу. Ну и костлявая! – Так, а вот и наша маршрутка подошла. Запрыгивай.

Нет, подобных чудес со мной ещё жизнь не выкидывала. И как прикажете с этим дитём обращаться? Её ж первый встречный ветерок сдует. Пф-ф! Небесное создание!

Если сейчас все ангелы выглядят исключительно так, видимо, у них там в Раю совсем дела плохи.

***

Весь дальнейший отрезок вечера прошёл довольно мирно. Я же, как истинный исследователь, неожиданно приобрела возможность теснейшим образом соприкоснуться с инакомыслящей культурой. А именно, ангельской. Соприкосновение это также прошло в весьма мягких чертах, без лишней суеты, за баловством плюшками во время ужина (я ведь обещала, что откормлю это ресничное млекопитающее, а то вернётся там к себе на небеса, – скажут, что у нас живут плохо, за державу станет обидно). Попутно я непосредственно и ознакомилась с тем, каковы ангелы во плоти, чего любят и чего категорически не выносят. В процессе данного ознакомления выяснилось, что: а) ангелы любят чай и буквально не мыслят без него как

настоящего, так и дальнейшего своего существования; б) также в их привычки входит помалкивать, пока их мнения не спросят (пометка «важно»: не спросят *несколько раз подряд*), – что само по себе неплохо, но, перерастая в крайнюю степень робости, становится уж вовсе непривлекательно; в) ангелы не любят кушать и регулярно забывают это проделывать, хотя лично я довольно слабо представляю себе, как можно непроизвольно, именно *непроизвольно*, по забвению проигнорировать элементарный приём пищи, и до какой же степени должен быть искажён основной инстинкт выживания у подобных особей; и, наконец: г) что ангелы ужасно, просто чудовищно, до самого мельчайшего зубного тремоло и нервных припадков под успокоительные пары валерианового корня боятся выступлений на сцене.

– Как тебя вообще с небес на землю-то такую спустили? – спросила я, посмеиваясь и делая глоток кофе из своей чашки. В противовес ангелам, я абсолютно не переношу чайные субстанции и даже самые дальние их производные. – Не побоялись, что тебя здесь какие-нибудь излишне инициативные серые волки проглотят вместе со скрипочкой?

– Ну, – сказала ангелок, – опыту велели набраться. Да и к тому же... – она замялась, как-то странно начав теребить ложечку у себя в руках. Ложечка была маленькая, чайная, но мне почему-то показалось, что для её тоненьких пальчиков даже эта малость тяжела, как здоровенный валун.

– Что? – я подняла бровь. – Судя по твоему виду, складывается впечатление, что тебя сюда и впрямь сослали за какой-то свершённый в прошлом тягчайший грех. Признавайся, где банки грабила?

– Не грабила я. – Лира тихонько вздохнула, продолжая изучать ложечку. И чего ей так приглянулось, никак, у ангелов столовых приборов нет?.. Подарить, что ли? Чем бы дитя ни тешилось. А то всё грустная она какая-то: пару слов скажет, потом отвернётся, смотрит куда-то и вздыхает.

– А чего тогда? – допытывалась я. – Ну не убила ж? А? Или маньяка в тёмном переулке подкараулила какого? А потом футлярчиком р-р-р-раз... – я замахнулась рукой с воображаемым орудием убийства, представляя себе, что я сам Раскольников.

Ангелочек испуганно посмотрела на меня и затрясла головой, – косички так и замелькали.

– А чего ж тогда стряслось? – удивилась я. – Ну? Чего ты всё молчишь? Ты скажи, я ж говорила, не вампир я, не кусаюсь.

– А между прочим, вампиры не все злые, – внезапно сообщила Лира, задумчиво подперев буйну головушку кулачком размером с напёрсток. – Я знаю одну вампиршу, она очень хорошая...

– Хорошая или нет, – прервала я, – а я всё ж из другого теста. Но тоже незлая, можешь не вздрагивать так каждый раз. Ну? Так чего у тебя приключилось? Смотрю, закручинилась ты что-то. Ну, хочешь, ложечку тебе подарю? У меня ничего, у меня ещё много таких.

Лира посмотрела на меня своими ясными глазками.

– Я знаю, что ты добрая, – произнесла она и неожиданно просияла. Тут уж я сама чуть не подскочила. Этот ребёнок умеет улыбаться? Удивительно!

– Я потому и попросила, чтобы меня к тебе направили... сюда, – продолжала ангелок. Ну, дела. Так за мной, значит, ещё и наблюдали там, свысока. Вычисляли. Я скептически вскинула брови, но постаралась не выказывать своего недовольства. Где наша не пропадала... По крайней мере, девочка попалась вроде бы неконфликтная, – и то сойдёт.

– Думаешь, от всех тебя тут защищу... защитю...? В общем, ты меня поняла, – проговорила я, задумчиво оглядывая Лиру. – Ты смотри, я и сама тот ещё злой волк бываю.

– Не-е, – покачала головой ангелок. – Ты – хорошая, – она так уверенно это заявила, что я уж и сама почти уверилась. Однако тут же тряхнула головой, чтоб вернуть себя в реальность:

– Ты мне зубы-то не заговаривай. Давай выкладывай напрямик, чего у тебя там за проблемы. А то сейчас ещё выяснится, что за тобой ватага чертяк каких-нибудь вдогонку гонятся. Я, конечно, кой-какие приёмчики знаю, но ты смотри, моя ведьминская сила тоже свои пределы имеет.

А вообще-то я особо с чертями никогда и не зналась, задумалась я. И озадачилась. А ну как и вправду девчонке какая опасность грозит. Ну, Клара Батыевна, я всё это вам ещё припомню!

– Нет-нет, – торопливо заверила Лира, – просто я… ну… в общем, я на сессии провалилась. Меня сюда и прислали… говорят, выступишь здесь на мастер-классе, экзамены и… и зачтут. вот… – Она поникла и снова начала интенсивно елозить пальчиками по узорчатой поверхности моей чайной ложки.

Я помолчала несколько мгновений, пребывая в глубочайших раздумьях.

– вот оно как, – обалдело произнесла я наконец. – Экзамены, значит… а ты, девочка, из какого класса, позволь полюбопытствовать?

– Я учусь на первом курсе, – печально отвечала ангелок. – Снежно-облачной Академии.

– вот оно как! – ещё раз повторила я. – Ясно… – Я с некоторой толикой азарта научного исследователя-экспериментатора изучила внешность сидящего передо мной снежно-облачного существа, сделала какие-то странные выводы, а затем от этих странных выводов вновь впала в глубочайшее раздумье.

– И много тебе ещё осталось учиться? – спросила я, чтобы хоть как-то разрядить начинающую накапливать пресловутую снежную облачность атмосферу. Сдаётся мне, эта Лира ещё и температурными погодными колебаниями ведает: в комнате как-то и впрямь похолодало. Ну-ну! Только ещё погоду портящих явлений мне здесь не хватало! Ненавижу, когда холодно.

– Шесть лет, – с тоскливой покорностью ответствовало небесное создание и вновь увяло. Мне стало её жалко:

– Да ладно тебе. Зато потом будешь красивые облачка делать. Беленькие. Тебе, кстати, беленький цвет вполне себе подходит, он… э-э… глаза твои подчёркивает, вот.

– Правда? – Лира нехотя подняла личико и недоверчиво на меня взглянула.

– Конечно! – легко отозвалась я. – И не боись, сдашь ты свой экзамен. Если там ваша небесная братия меня потом спросит, – как очевидца и главного свидетеля, – я их всех там так заверю, что они уж точно уверуют в твой гениальный снегодеятельный талант.

– Ух-ты… – выдохнула ангелок, уставившись на меня с какой-то смесью немого восхищения, восторга и бескрайней, чуть ли не благоговейной признательности. – Ты на самом деле так скажешь?..

– А то! – подмигнула я. – И ты мне тут не кисни, пожалуйста. Облачка, они, конечно, красивые, я против облачков ничего не имею, но только морозов мне тут всуе напускать не надо, девочка-Снегурушка. Будешь ещё печенье? Бери-бери, мину угрюмую подсластить.

– Спасибо, – произнесла Лира, вежливо, но как-то всё ещё робко беря из стоящей на столе вазочки песочное печенье, которое я про себя почему-то люблю называть «хребтами». Очень уж похоже оно на хребты, – я имею в виду те, что являются несущим элементом у позвоночных животных. А уж вкусное!

Пока Лира жевала печенье, я опять размышляла. Завтра ведь мне ещё, как назло, в самую рань опять тащиться на вокзал, чтобы встречать остальной багаж веселья мне в нагрузку. Сколько их там?.. Клара Батыевна на сей вопрос отвечала как-то туманно, – видно, меня опять ждёт какой-то подвох, – но вроде бы, насколько я поняла, не больше пяти экземпляров. Поверить не могу, что согласилась заниматься подобной чепухой… будто без меня не могли управиться. Ну да ладно, быстренько отмучаюсь, отвезу их всех в отель в другом измерении – и ладушки. А там можно и отдыхать… в смысле, к сессии готовиться. Курсовая-то моя ещё не до конца дописана, мне там осталась одна очень важная глава, как раз по поводу ладотонального тяготения на относительно сильных долях в песнях катающих камни горных великанов…

Жаль, правда, будет с этой расставаться, как-то я к ней уже даже успела привыкнуть, подумала я, искоса глядя на Лиру, которая, осмелев, уминала уже, кажется, пятое или шестое по счёту печеньице. Правильно, ешь-ешь, а то на сцену выйдешь и свалишься там от физической немочи.

Надеюсь, её и вправду не растерзают там… упыри-вурдалаки.

Ну да ладно. Будет.

– Спать пора, – заявила я, поднимаясь из-за стола. – Мне, по крайней мере, потому что завтра рано вставать. Не знаю, конечно, как там у вас, ангелов, заведено, но думаю, и тебе после переезда отдохнуть не помешало бы как следует.

– Хорошо, – легко согласилась Лира, тоже вскакивая. – А где мне можно будет лечь?

– А лечь… так, минутку, сейчас придумаем, – нахмурилась я, быстро соображая. Впопыхах ведь и совершенно позабыла, что с мебелью у меня в доме ситуация несколько форс-мажорная. Точнее даже будет сказать: форс-минорная. А именно, преобладает модный нынче минимализм… вплоть до аскетизма. Ничего, сейчас сделаем.

– Вот что, – сказала я, для пущей весомости поднимая вверх указательный палец. – Ложись-ка в моей комнате на раскладушке. А я уж себе какое-нибудь ложе сама наколдую.

– Да я ничего, я могу на полу, – тоненько и тихо попыталась возразить Лира, но я погрозила ей:

– Никаких «на полу»! Ты что? Белены объелась? Или облачков своих снежных! Заболеешь ещё, а мне потом отвечать. Ты мне тут, пожалуйста, без этих вот самопожертвований в духе всяких там Сонечек Мармеладовых. – Не знаю, конечно, известно ли что-нибудь этой бедной девочке из области творчества Фёдора Михайловича, но, видимо, раскольниковские воспоминания для меня сегодня даром не прошли.

Я, круто развернувшись, зашагала в комнату, чтобы привести в исполнение свой суровый приговор.

А именно, собиралась я, как и положено любой народной бабе-яге: главного героя накормить, напоить, да и спать уложить. Чем, собственно, и занялась.

Глава 2. Упыри и вурдалаки – сотоварищи… мои?![2]

Я устало стояла на вокзале. Сегодняшний столь ранний подъём не очень способствовал повышенной мозговой активности.

– Так, – вяло произнесла я, критически оглядывая собравшееся вокруг меня великолепного свойства общество. – Все ваши благородные лики, господа, мне совершенно незнакомы, так что произведём, что ли, перекличку по списку. – Я извлекла из кармана помятый блокнотный листок, подобный тем, какие я беру с собой в магазин, когда не могу удержать в голове несметное количество необходимой утвари. – Значит, поехали… во-первых, у нас здесь имеется в количестве одного экземпляра: кикимора Василиса, царевна Тьмутараканьская из Белоруссии. Есть такая? – Я подняла глаза поверх списка и вызывающе, а, по-моему, со сна даже и несколько злобно вгляделась в лица. Лица, в свою очередь, тоже глядели на меня довольно сонно, не слишком жизнерадостно, но в целом, что порадовало, без выявления неподобающей агрессии. И то хорошо.

– Я – царевна Василиса Тьмутараканьская, – заявила невысокая девица с глазами оттенка отборной болотной мути и длинной массивной тёмной косой до пят. Всё, как и полагается, подумала я, оглядев экспонат номер один и оставшись вполне удовлетворённой полученными выводами.

– Великолепно, – отозвалась я. – Ты только косыньку-то подбери, Рапунцель, а то сейчас весь мусор ею подметёшь. Чистота, она, конечно, залог здоровья, но не такой ценой. – Василиса поджала губы, однако величественно промолчала. Я хмыкнула себе под нос и продолжила:

– Дальше. Упырь Мустафа из дружественной Республики Коми. Есть таковой?

---

[2] Группа Пикник: «Упыри и вурдалаки – сотоварищи его»

Делегация:

-кикимора Василиса, царевна Тьмутараканская (Беларусь)

-упырь Мустафа(Дружественная республика Коми)

-вампир Дуняша(Широкие сибирские просторы)

-чертяка Феофан Задунайский(Задунайское княжество)

-Мнилло Отрепьенко, лихо трёхноздревое простодушное(-) (отметить, как предводителя делегации)

P.S Ещё раз настоятельно прошу отнестись к данному делу с подобающей представителю университета серьёзностью.

Помните о семестровой оценке.

(facepalm.jpg)

– Присутствует, – флегматично отозвались мне. Я снова подняла глаза от бумажки, изучающе смерила взглядом следующего представителя, не поверила и ещё раз перечитала соответствующую строку в списке, сравнивая её с только что полученной визуальной картинкой.

– Упырь Мустафа... – задумчиво проговорила я. – А вы точно упырь Мустафа? Документы у вас какие-нибудь с собой есть, удостоверяющие личность? Кстати, – я оглядела присутствующих, – это ко всем относится.

– А что, так непохож? – усмехнулся мне светлолицый, светлоокий, светловолосый высокий юноша истинно арийской внешности... пресвятая пентатоника! Если бы все вурдалаки выглядели именно так, я думаю, фанатов у них было бы килограмм на миллиард побольше, чем у Брэда Питта.

– Можно ли поинтересоваться, – как можно деликатнее осведомилась я, – Мустафа – это ваше имя с рождения? Отцом-матерью данное, или, может, это сценический псевдоним какой?

– Да нет, не псевдоним, – пожал плечами упырь, – просто так уж вышло: корни у меня татарские.

– Понятно, – с лёгким удивлением произнесла я, искоса ещё раз бегло оценивая взглядом северянина-упыря восточного происхождения. – Хорошо, так и быть, поверю без паспортных данных. Дальше... дальше у нас идёт вампир Дуняша, обитательница широких сибирских просторов. Присутствует Дуняша?

– Ой, можно уже, наконец, закончить весь этот фарс с фейс-контролем? – недовольно наморщила носик девушка самого, пожалуй, заурядного из всей компании облика. – Здесь Дуняша; Василиса тоже, упырь Мустафа и чёрт Феофан. Всё? Можно расходиться? Или вам взятку надо дать, как таможенникам, чтобы пропустили через границу?

Я сурово прищурилась, неторопливо воззрившись на выскочку. Карие глаза, каштановые волосы, кожа вполне нормального оттенка с некоторым количеством чуть заметных веснушек в областях обеих щёк и носа; росту чуть повыше среднего, на вид лет пятнадцать. В этом типичном подростке, пожалуй, ничто и не выдавало вампиршу. Всё, как в стандартных фильмах ужаса: «ничто не предвещало беды»... Да нет, эта ничем, кроме гонора, как видно, не примечательна, равнодушно отметила я про себя.

– Ты мне этот тут не дерзи, – предупредила я. – Оно, конечно, понятное дело, что у вас, вампиров, кровь бурлит, да ещё и таких малолетних; только пыжиться да ёжиться так не надо. Спешка – она в деле никакой не помощник, а даже и наоборот. Во всём порядок нужен. – Я вернулась к листку. – Значит, делаю вывод, что вампирша Дуняша в количестве одной копии также наличествует. А кто у нас будет чертяка Феофан Задунайский, можно полюбопытствовать? – Я снова обратила испытующий взор к присутствующим.

– Феофан – это у нас я: был, есть и буду есть! – сообщил, неожиданно воодушевляясь, костистый кучерявый молодец в каком-то очень ярко выраженном национальном костюме, (только вот хоть убейте, не вспомню, как же всё-таки называется эта национальность), и залихватски сдвинутой набок казачьей шапке.

– Он у нас такой, вечно только и жрёт, – недовольно отметило дитя сибирских полей Дуняша.

– Это я поняла, – сказала я. – Не жарко вам в головном уборе-то, Феофан – Задунайского княжества хан?

– Ну так уж и хан! – хохотнул чёрт, неожиданно срывая шапку и со всего размаху хлопая её оземь. Дуняша опять поморщилась, царевна Василиса Тьмутараканьская лишь искоса удостоила буйствующего своим царственным взором, а флегматичный Мустафа, похоже, никак не отреагировал на сей эмоциональный кульбит.

Моё же тяготение ко сну было, очевидно, столь велико, что абсолютно не позволяло пробиться сквозь себя и крохотной толике хоть какого-либо подобия удивления.

– Дур-рак, – процедила Дуняша, отодвигаясь от Феофана и изо всех сил хмуря бровки.

– Замечательно, – вяло подытожила я. – Ну, короче говоря, добро пожаловать и всё такое, для сбережения времени опустим официальности. Все на месте, значит, можно и идти, сейчас приведу вас в отель и милости просим... хотя нет, стоп, погодите-ка... тут вот в списке ещё кое-кто. – Я наморщила лоб, в десятый раз пробегая глазами список и уже почти не понимая смысла читаемого. – Ага. Вот... Некто: Мнилло Отрепьенко,

лихо трёхноздревое простодушное; родина… прочерк почему-то. Есть среди вас лихо? – я ещё раз пытливо изучила каждого из перечисленных, желая удостовериться: может, у кого из них лихо под пальто схоронено. – Трёхноздревое, простодушное. Да ещё и бездомное, к тому же. Ну? – я выжидательно поглядела на них.

– Нет уж, это не к нам, – гордая вампирша сибирских кровей всё продолжала картинно дуться, выказывая своё искреннее негодование.

– У Лиха насморк второй степени тяжести, – величественно сообщила царевна Тьмутараканьская Василиса Кикиморовна, – и воспаление третьей рудиментарной ноздри.

– Так? – подтолкнула я, не оценив весь трагизм ситуации. – И что, вы хотите сказать, что Лихо не приехало с вами? Оно, между прочим, тут почему-то предводителем всей вашей шайки значится, – я пригляделась к каракулям, оставленным мне Кларой Батыевной на бумажке.

– К несчастью, не приехало, – язвительно отозвалась Дуняша, разводя руками.

– Замечательно, – устало вздохнула я. – Одной проблемой меньше. Поехали, отель вас уже ждёт… а мне ещё одно существо тем временем надо будет к вам свезти.

– Ещё одно?! – тут же возмутилась Дуняша. – Нет, ну вы посмотрите, какая наглость! А что, вы хотите сказать, что в отеле всем нам не полагаются отдельные номера?

Я начала злиться.

– Нет, не полагаются! – рявкнула я. – Язычок свой на клыки намотала, и за мной в отель – шагом марш!.. Если всё ещё хочешь изведать истинное молдавское гостеприимство, – проворчала я себе под нос.

– Вот уж гостеприимство так гостеприимство, – снова съязвила Дуняша, но я бросила на неё такой взгляд, что она тут же приумолкла.

– Полетели, гуси-лебеди… – вздохнула я и махнула за собой рукой.

***

– Что значит: без провожатого группа не принимается?! – выходила из себя я, активно жестикулируя и едва сдерживая искушение проломить зав-кадровский стол на расстоянии каким-нибудь особо ударным заклинанием. Ангелок за моей спиной тихо и перепуганно жалась к стенке.

Препроводив труппу бродячих нечистых, я, естественно, вернулась к себе домой. Во-первых, там у меня досыпала столь сладкие утренние часы ангел Лира, – ибо из тщательного инструктажа, производимого мне заведующей кадрами, я так толком и не поняла, что мне с этим особенным кадром делать и когда отдельно в отель отводить. Да и жалко стало будить ребёнка так рано, поди, вчера-то умаялась. Таким образом, нужно было позвонить Кларе Батыевне и ещё раз уточнить указания по поводу вышеназванного ангела; числа, месяца и точного времени отправления её по известному адресу (здесь я имею в виду адрес нашей отечественной кишинёвской гостиницы – «Турист», а вернее сказать, её *расширенной* версии в ином измерении), а также, – во-вторых, – и похвалиться в честь успешно, казалось бы, выполненного задания номер один… Как выяснилось, хвалиться было нечем, уж лучше бы я помалкивала.

– Кого могла, того приняла! – продолжала я орать в телефонную трубку. – Весь удар на себя, можно сказать, на грудь приняла! Что вы теперь-то от меня хотите, если не нашла я там Лиха? Нету Лиха! Так, мол, и так, подхватило Лихо насморк, и воспалением третьей рудиментарной теперь мучимо. Что вы мне теперь прикажете делать, самой в это Лихо переодеться?!

– А ведь неплохая идея, – задумчиво пробубнил с того конца (будто с того света) голос Клары Батыевны. – Вы и будете провожатой русскоязычной группы.

– Какого чёрта?! – орала я в трубку. – Я не обязана этим заниматься!

– Без провожатого группа не допускается к мастер-классу. Такие порядки, – неумолимо сообщила Клара Батыевна. – А вы как раз местная, поможете им лучше сориентироваться.

– Да какого… – от возмущения у меня перехватило дух, и я даже не смогла подобрать приличествующие случаю выражения, крепость которых бы удовлетворила меня достаточно. – Я ж этих ребят вообще первый раз в жизни увидела! Не собираюсь я с ними нянькаться, у меня своих дел по горло…

– Без провожатого группа не допускается к мастер-классу, – как испорченный патефон, повторила Клара Батыевна. – А значит, и вы не допускаетесь к выпускному экзамену по Статистике и Мерам Измерения.

– Я?! – вскричала я.

– Да, вы, Флорина, – всё так же спокойно отвечала заведующая кадрами. – Обещаю, что некоторые вопросы обязательно коснутся содержания прошедшего мастер-класса. Но если ваша группа не будет допущена к нему, то и вы лишаетесь возможности получить необходимые знания… А чтобы получше ознакомиться с представителями, можете поселиться вместе с ними в отеле. Поживёте некоторое время бок о бок: и вам польза, и им. Обмен опытом, так сказать… в мои студенческие годы… – пустилась она в воспоминания.

– Так, а ну-ка обождите-ка, – прервала я хлынувший было поток ностальгии. – Что значит поселиться вместе с ними? в одном номере?! в Бета-измерении?! А куда я на это время свою квартиру дену? Что за ерунду вы мне тут предлагаете? Нельзя ли это как-нибудь без совместного проживания обойтись!

– вам решать, – загадочно отвечала Клара Батыевна. – Думаю, вам не очень удобно будет бегать туда-сюда по измерениям, чтобы следить за группой и при этом успевать заезжать домой…

– Да что я, в конце концов, сторожевой цербер?! – вскричала я. Лира на заднем фоне сделала какое-то порывистое движение, словно вознамерилась юркнуть под стол. – Я, значит, круглосуточно возле них теперь сиди! всю неделю!!! Ночевать хоть дома я имею право?!

– Это уж на ваше усмотрение, – холодно заметила заведующая кадрами. – Где и с кем вы ночуете – ваше личное дело. Моё дело предупредить вас, что свой допуск к экзамену я вам ещё не дала, так что подработать на этой неделе гидом для группы иностранцев – в ваших же интересах. Кроме того, вы-то как раз и проследите, чтобы они не выходили за пределы Бета-измерения, что иностранцам строжайшим образом воспрещается. Желаю успеха. – в трубке раздались гудки.

Я схватила телефон, при этом сдёрнув его со всех шнуров, которыми он, точно пуповиной, был привязан к питающим его энергоресурсам; затем со злостью швырнула в угол. Телефон разбился; Лира испуганно вскрикнула. Я же молча прикрыла глаза, последовательно проделывая семь глубоких вдохов и выдохов и стараясь ни о чём не думать. Мне нужно было принять решение.

– Пошли, – сказала я Лире, открывая глаза, но не оборачиваясь. – Делать нечего, еду с тобой. Эй… что такое? – я всё-таки поглядела на неё через плечо, неожиданно услыхав за спиной всхлипы. – Ну вот, только сырости мне тут не хватало!

Бедное дитя, видимо, вконец устрашившееся всей мощи моего гнева, трепетало мелкой дрожью, роняя из глазок крупные голубые, под цвет, слезинки. Я тяжело вздохнула.

– Перестань, – сказала я. – Ты чего, в самом деле? Я ж не на тебя тут ору. Ну, со мной бывает, иногда начинаю на всех орать. Эй, ну прекрати. Хочешь вот конфетку?

Пять минут мне потребовалось на увещевание и, так сказать, услащение неиссякаемой печали моего ангелочка. Засим бескрайнее горе дитяти, к моему большому облегчению, всё-таки было кое-как утолено. Пресвятая пентатоника! Я ж не думала, что они там все такие чувствительные. Видно, впредь придётся почаще сдерживать себя.

– Пошли собираться, – сказала я, – в гостиницу едешь.

– А ты? – всхлипнуло небесное создание. – Я без тебя там не останусь. Бою-усь… – она снова тихонько заныла.

Я закатила глаза.

– Квинтовые круги ада, – пробормотала я под нос. – Никуда я не денусь, успокойся ты. Реветь больше не будешь?

– Не буду, – Лира энергично помотала косичками. – Ты только не уходи. С тобой спокойнее…
– Квинтовые круги ада, – ещё раз повторила я. – Ну всё, всё. Закидывай чехол за спину, да пошли. Да… – я поглядела на свой рюкзак, задумываясь о том, все ли необходимые мне вещи я туда утрамбовала. – Да. Идём! Куда идём мы с Пятачком, – большой-большой секрет…

Верно всё-таки говорят: как утро понедельника встретишь – так и всю неделю проведёшь.

Ну да ладно, хорошо хоть, что родилась я не в понедельник.

***

Я размышляла.

Может, Клара Батыевна в чём-то права, данный опыт – именно как опыт – может даже оказаться полезным. Ну, поживу с недельку в компании этих злодеев, так авось, научусь наконец по-волчьи выть.

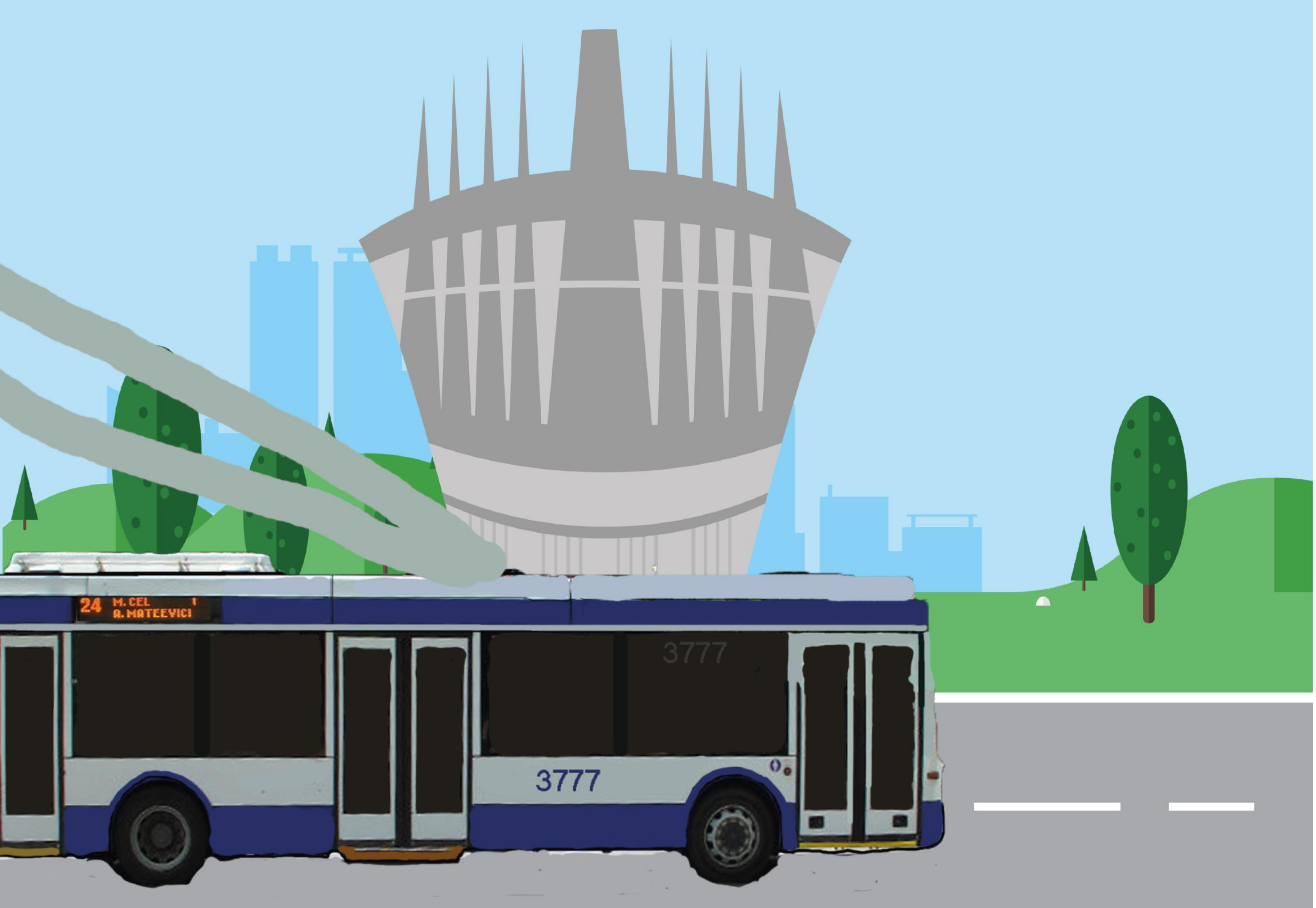
Надо, конечно, ещё курсовую заканчивать, но может статься, работа в экстремальных условиях как раз и быстрей пойдёт. А что условия мне обещаются экстремальные – в этом я не сомневаюсь. Одного взгляда на всю эту ватагу кошмаров биохимика-фантаста достаточно, чтобы предугадать все возможные удивительные приключения, сопряжённые с одним их присутствием вблизи.

И вон это чудо природы как одно среди них оставишь? Я покосилась на Лиру, которая задумчиво глядела в окно маршрутки своими широко распахнутыми глазёнками-пуговками, обеими ручками обхватив свою скрипку и трогательно прижимая к себе. Да её одна эта вампирша прямо со смычком живую заглотит.
– Эй, – слегка потормошила я, – пора выходить.
– А? Уже? – она очнулась от своих раздумий.
– Уже, уже, – сказала я. – Просыпайся, спящая красавица. – Призвав всё мастерство древнеегипетских змей, я стала потихоньку просачиваться сквозь толпу к выходу из маршрутки, стараясь одновременно следить, чтобы моего небесного ангелочка там позади не расплющило в небесное облачко. Честно говоря, в часы особой забитости транспорта никогда не перестаю удивляться потрясающим возможностям этих жестяных банок быть изнутри больше, чем снаружи. Я хочу сказать, народу порой всё набивается, набивается, и вроде бы кажется: ну всё, больше уже не влезет, – ан нет, таки влезает. И можно уже даже не держаться за поручни, не опасаясь ни резких поворотов, ни колдобин на дороге… В тесноте, как говорится, да не в обиде. Нам с Лирой просто сказочно повезло: всю дорогу нам удалось проехать сидя.
– На остановке, пожалуйста! – крикнула я.

Отдуваясь, мы вышли. Летняя жара, да ещё и в часы пик, делает вылазки в город практически невыносимыми.
– Вот оно какое, наше лето… – скороговоркой пробормотала себе под нос я. – Ну, солнышко, здесь тебе и обитать целую неделю. Не небесный дворец, конечно, но думаю, для начала сойдёт… – Я задумчиво поглядела на здание гостиницы «Турист», кое мне уже сегодня довелось посещать всего несколько часов назад, а затем, повернувшись к ангелочку и постаравшись улыбнуться как можно более ободряюще, повела её за собой. Границу измерений мы перешли, на удивление, довольно легко.

Администрация встретила меня уже немного настороженно. Мол, чего это я всё к ним привожу каких-то странных личностей. Но я, изо всех сил излучая приветливость, нимало не смущаясь, поинтересовалась, можем ли мы занять здесь какой-нибудь недорогой номер.

Номер нам занять милостиво позволили, притом по удивительной случайности смежный, располагающийся аккурат дверь в дверь супротив того самого, где, как мог догадаться пытливый читатель, уже имели несчастье обосноваться вышеперечисленные члены колдовской шайки вурдалаков, повешенных на мою самоотверженную ответственность.

24 M.CEL 1
A.MATEEVICI
3777
3777

– Пошли, поздороваемся, – сказала я, вертя в руках разнотонально звенящие ключики. – Как я понимаю, последующие дни, – особливо начиная с завтрашнего, коим является среда, а значит, и дата начала мастер-класса, – нам всем придётся общаться довольно тесно. Лучше будет заранее узнать о сотоварищах самое плохое.

– Почему же плохое? – удивилась Лира.

– А сейчас и узнаешь, – пообещала я, открывая дверь номера. – Вот то-то сейчас они все удивятся, а!

Ангелок не успела ответить, ибо я с присущей мне порывистостью уже толкнула дверь, вламываясь внутрь.

– Пр-ривет! – жизнерадостно прорычала я, с удовольствием обозревая застывшую вокруг картину маслом. Кикимора Василиса царственно восседала в кресле, точно курица на своём гнезде, храня какое-то аристократически сосредоточенное выражение лица; чертяка Феофан не менее величественно занимал соседствующий с креслом стол, дрыгая ногами (покой Василисы это, по-видимому, нисколько не смущало). Упыря Мустафу мой приход, похоже, оторвал от философских размышлений о сути или тщете бытия, так как он было замер в стоячей позе с руками, сцеплёнными за спиной, однако тут же, потеряв интерес, начал снова размеренно и обстоятельно бороздить просторы помещения. Взбалмошной вампирши Дуняши пока что в близлежащих плоскостях, к некоторому моему удовлетворению, не обнаруживалось.

Лира тут же юркнула мне за спину.

– А это снова я, – заявила я. – Не ждали?

– Твоя энергия ощущалась ещё с нижних этажей, – беспристрастно сообщила царевна Тьмутараканьская Василиса, безмятежно покоившаяся в кресле и, как видно, в данный момент занимавшая свою царственную особу очищением длинных маникюрных ноготков от избытков тины болотной. Из её уст, впрочем, это не прозвучало комплиментом, но я совсем не расстроилась.

– Ты мне это тут не дерзи, Василиса, – предупредила я, грозя пальцем и тем временем разуваясь. – Нам теперь с тобой, Василиса, вместе жить. Как и со всеми остальными, – я оглядела всю честную компанию. Честная компания отреагировала весьма скупо, так и оставшись в пределах принятых доселе скучающих положений. Похоже, никакого энтузиазма они не испытали, но, впрочем, и я тоже.

– Значит, никто не против, – констатировала я, оглядев публику. – Тогда принимайте новых жильцов. И знакомьтесь с новой боевой единицей, – я выпихнула из-за спины притаившуюся там Лиру.

– Опа-на! – вдруг выдал чертяка Феофан, спрыгивая со стола. – Так где ж это единица новая? И где боевая? Ха! Ха-ха-ха... – он зашёлся в приступе какого-то безумного, почти дьявольского смеха. Лира почему-то пристыжено съёжилась, видимо, испытывая сильное желание провалиться сквозь землю... ну, или, в её случае, взмыть в небеса и провалиться сквозь тамошний покров снежных облачков. То есть, как бы наоборот упасть.

– Она ж... – продолжал хохотать, прямо-таки давиться Задунайский чёрт, – она ж не то что оружие – пиликалку свою держать, как следует, не умеет.

– Можно было в этот раз и промолчать, Феофан, – тихо и обиженно проговорила, наконец, ангелок; вид у неё был такой, словно вот-вот расплачется.

– Что-то я не пойму, – нахмурилась я, – вы что, друг друга уже знаете?

– А как же! – подтвердил Феофан. – Это ж сеструха моя! Ну здорово, сестрёнка, давненько не видались!

– И век бы ещё не видеться, – совсем уж упавшим голоском выдавила Лира.

– Ну-ну! Вот это настоящая сестринская любовь, – покачал головой чёрт. – Ай-яй-яй, Лирочка, ай-яй-яй, душенька, ну и где же теперь всё твоё ангельское терпение, где же высокие принципы, всепрощающая мораль? А я знаю! Да вот она, вся мораль! Вот! – Феофан сделал неприличный жест, продолжая хохотать, точно в каком-то истерическом припадке.

– Скажи мне, пожалуйста, деточка: как это так вышло, что твой брат – чёрт? – негромко осведомилась я у Лиры, пребывая в отдалённо культурной степени шока.

– Долгая история, – вздохнуло небесное дитя. – Феофан, когда же ты перестанешь меня дразнить и издеваться? Так делать нехорошо.

– Ха-ха! – снова хохотнул чёрт. – Будешь ещё учить меня? Кто, ты будешь? Нечего меня учить! Без твоей морали как-нибудь проживу. Жил, живал и буду жевать! – он снова зашёлся в приступе хохота, очевидно, придя в восторг от собственного остроумия.

Я нахмурилась ещё больше.

– Во-первых, *Феофил*, ты мне это тут тоже не дерзи, – заявила я увесисто. – Вынуждена сообщить, что, за неимением Лиха, я тут у вас теперь как бы основное главенствующее лицо. Лицо абсолютно незаинтересованное, спешу заметить. Поэтому миндальничать ни с кем не буду, сопли с третьей рудиментарной подтирать и всё такое. И всякого рода произволов тут тоже не потерплю. Мне, если хотите знать, всё это дело ровно так же не по душе, как и вам, но мне пригрозили непринятием моей курсовой работы и, разумеется, последующей за этим несдачей экзамена. Посему, будучи реалистом, я имею в намерениях добросовестно исполнять свой долг перед отчизной. Посему также вышеупомянутые сопли прошу намотать на кулак, – я выразительно поглядела на Лиру, – а вышеупомянутые произволы прекратить, – такого же красноречивого взгляда удостоился призадумавшийся чертяка Феофан. – И да воцарится всеобщий мир и гармония. Андерстенд?

– Много говоришь и не по делу! – заявил чертяка. – Ты давай попроще как-нибудь.

– Хорошо, попроще так попроще, – развела я руками. – Выражаясь наиболее понятным тебе языком, Феофан... не шали, вот что. – Произнося эти слова, я одновременно составляла в уме одну нехитрую магическую манипуляцию. Результатом чего явился последующий немедленный, совпавший с концом моей фразы, взлёт Феофана к потолку. Взлетел он лихо, точно схваченный каким-нибудь великаном за шкирку нашкодивший котёнок; а искривлённое, с учётом фактора неожиданности, лицо чёрта дополняло картину вполне достойным образом.

– А-а-а!.. – проскрипел задунайский гость. – Всё-всё, перестань, больше не буду.

– Младшим не будешь дерзить? – я сдвинула брови, резко поддёрнув чёрта в воздухе задней частью корпуса вверх.

– Не буду!.. – активно извиваясь, пропыхтел нечистый. – Отпускай, змея подколодная...

– Во-от как! – протянула я, наслаждаясь процессом. – А старшим дерзить будешь? – Я перевернула Феофана вверх ногами и забавы ради повертела вокруг своей оси шесть раз по часовой стрелке и шесть раз против.

– Не буду!!! – завопил Феофан. – Отпускай, говорят, – голова кружится...

– Прощения проси, – потребовала я. – У меня и у сестрёнки.

– Не буду, – тихо отвечал чёрт.

– Ну нет так нет, – я пожала плечами. – Тогда счастливо оставаться, что ли. Мы на базар – лампочки покупать, чтоб потом тебе в уши вкручивать. Будешь у нас тут теперь заместо светильника висеть.

– Не посмеешь! – храбро возмущался Феофан. – Это произвол!..

– Ну, может и произвол, – сладко улыбнулась я, – а только я здесь сейчас начальство. Чего хочу, того и ворочу. Требования с моей стороны минимальны: чистота, порядок и, если не мир, то хотя бы молчаливое ненападение. Не будете слушаться – вам же хуже. Понятно?

– Понятно, – прохрипел Феофан. – Отпускай уже, мочи нет.

– Точно отпускать? – переспросила я. Чёрт интенсивно закивал, нелепо дёргаясь в воздухе всеми четырьмя конечностями.

– Ладно, – позволила я. – Так и быть, я же не зверь. – Я отменила заклинание, и чертяка, как был, обрушился на пол головой вниз. Василиса брезгливо подобрала ножки; Феофан сел и заохал, потирая сразу три здоровенных шишки, без промедлений взросших на чёрной кучерявой макушке. А что, подумала я, какой же чёрт и без рогов? Даже странно, ненатурально как-то. Так что, можно сказать, я ему помогла, усовершенствовала стиль.

– Ой, – Лира прижала ладошки к губам. – Ну зачем так.. ему же больно.

– Ничего-ничего, потерпит, – отозвалась я. – Не будет в другой раз не по делу дерзить.

Феофан злобно поглядел на меня, затем продолжил целительные растирания шишек.

– Потолок испачкал, – задумчиво отметил упырь Мустафа, своим философским взором уставившись вверх. Мы с Лирой поглядели тоже. И действительно: прямо на потолке, в опасной близости с абажуром люстры, красноречиво отпечатались следы феофановских пяток.

– Та-ак, – протянула я, – придётся теперь кому-нибудь всё это убрать. – Я оглядела присутствующих: царственная Василиса старательно делала вид, что не расслышала или не поняла намёка; хозяйственный Мустафа задумчиво чесал затылок, глядя поочерёдно то в потолок, то куда-то в сторону; Лира продолжала пугливо прижимать пальчики к лицу. – Феофан, управишься?

Чёрт всё ещё сидел на прежнем месте, неуклюже потряхивая головой, словно силясь отторгнуть от неё какой-то посторонний мусор, и недовольно тёр макушку.

– Эй, – примирительно произнесла я. – Давай, что ли, травку какую приложу.

– Благодарствую покорно, обойдусь, – угрюмо отозвался чёрт, злобно сверкнув на меня красновато-карими глазами. Я, однако, проигнорировала данный агрессивный жест.

– Ты, брат, раньше времени не благодари и не покорствуй, – предостерегла я. – Дай взгляну хоть.

– Ага, как же, ещё, небось, дырку просверлишь и лампочку вставишь, – предусмотрительно отозвался чёрт. Видимо, его это замечание сильно взволновало.

– Да поздно, поздно для лампочки: ты уже падшая люстра, – усмехнулась я, – да и потом, я думаю, у тебя тогда через эту просверленную дырочку все мозги и вытекут. Давай посмотрю, не боись, я медицинский курс проходила.

– Трупики резала? – ощерился чёрт, однако не воспротивился, когда я подошла и стала осторожно ощупывать боевое ранение, слегка прикасаясь пальцами.

– А как же, и трупы тоже... а потом вела возвышенные беседы с их бессмертными душами, – произнесла я, задумчиво оценивая размер ущерба, нанесённого целостности феофановой головы. – Ну в общем, так, больной: жить вам дозволено. Можно сделать мягкую перевязку из успокаивающей травяной настойки, – или же воспользоваться традиционным методом многочасового держания головы в наиболее благодушно настроенном к вам сугробе. Что предпочитаете?

– Так это мне ещё, выходит, выбор дан? – хмыкнул чёрт. – Тогда уж выбираю травки.

– Не хотите – как хотите, – я развела руки. – Между прочим, благодушно настроенные сугробы способны на довольно быстрое и эффективное излечение. Но только благодушные, и исключительно при правильном с вашей стороны поведении. Хорошо, сейчас посмотрим, чего можно сделать... – я оставила травмированного Феофана и подошла к своему рюкзаку, ныряя в его необъятные карманы. Как и общественный транспорт, мой рюкзак частенько поражает меня своей способностью быть изнутри больше, чем снаружи. Иногда я даже подозреваю, что там тоже сокрыто другое измерение. К сожалению, Учение о Параллельно-Перпендикулярных Пространствах в недавнем прошлом было безжалостно изъято из университетской программы без каких-либо внятных разъяснений; а я, в силу пребывания в то время на младших курсах, так и не успела добраться до этой любопытной науки.

Как бы там ни было, перерыв содержимое всех карманов во всех возможных плоскостях распространения рюкзака в пространстве, я с горечью обнаружила, что необходимые мне ингредиенты отсутствуют.

– Вот чёрт, – произнесла я и тут же поймала на себе вопросительный взгляд Феофана. – Да не ты. Нету травки. Придётся опять обратно домой ехать... – я тяжело вздохнула, осознавая, что за весь день это уже третий вояж по повторяющемуся маршруту. Небезызвестный Хоббит и его «туда и обратно», думаю, не идут с этим ни в какое сравнение. Во всех смыслах.

– Да ладно, чего там, – нехотя подал голос Феофан, решая сменить гнев на милость. – Обойдусь.

– Ну уж нет. Ты мне это тут не дерзи, – зачем-то погрозила я. – Вы мне лучше вот что, следы с потолка как-нибудь подметите. И чайник заодно поставьте, где-то через полчасика. Я приеду и целебный отвар приготовлю. – Я ещё раз тяжко вздохнула, затем начала обуваться.

– Можно я с тобой? – пискнула Лира.

– Охота тебе по городу мотаться, – зевнула я. Вся дневная усталость вдруг разом навалилась на меня. – Посиди тут, отдохни.

– Да я ничего, я не устала, – тихо промолвила ангелок.

– Ну как знаешь, – согласилась я. – А вы, гуси-лебеди, тут не балуйте. Я сегодня ещё вернусь, и если...

– Нет, ну это просто возмутительно! – в комнату вдруг влетела (к счастью, влетела фигурально, без помощи характерных нетопырьих крыльев), лёгкая на помине вампирша Дуняша. Встретившись со мной глазами, она на мгновение застыла, похлопав ресницами, но тут же сориентировалась: как следует выпятила нижнюю губу и скрестила руки на груди.

– Что опять? – охотно поинтересовалась я. – Али кровь вам не сладенька, свет-Дуняша, душенька-вампир? Али людишки худосочные всё попадаются, и пососать-то из них нечего?

Вампирша поглядела меня с благородной ненавистью и полным презрением, а затем всё-таки удостоила ответом:

– В здешней уборной совсем нет жидкого мыла. Только кусковое! Я не собираюсь мыть руки после миллиона людей, которые пользовались им до меня. Откуда я знаю, чем они там занимались!

– Действительно, – глубокомысленно заметила я, – чем же таким можно заниматься в туалете? Даже представить себе страшно.

– А ещё, – продолжала, не замечая моей иронии, Дуняша, – оно же страшно раздражает кожу! У меня после кускового мыла каждый раз кожа становится сухая, как наждак. Это возмутительно! Я пожалуюсь администрации, что у них там антисанитарные условия. Подумать только, и сушилки для рук тоже нет!

– Уму непостижимо, – покачала я головой. – Арестовать их всех за такое мало. Знаешь чего, вампирушка: ты тут пока посиди, а я за полицией сбегаю. Идёт?

В выражении лица Дуняши незамедлительно произошли качественные изменения.

– Идёт, – поджав губки, произнесла она и аккуратно опустилась в кресло чуть поодаль невозмутимой Василисы. – Только ты не тяни, поскорей возвращайся.

– Всенепременно, – пообещала я. – Уже лечу созывать сюда всю эскадрилью. Лира, идём, если ты ещё не передумала.

– Нет-нет, я с тобой, – тут же откликнулось небесное создание, боязливо косясь на новоприбывшую вампиршу.

– Превосходно, – констатировала я, доставая из рюкзака лёгкий плащ и натягивая на плечи. Уже повечерело, и, признаться, по дороге сюда я ощущала некоторый озноб. – Тогда идём. Всем не шалить, я скоро вернусь.

– А мы что, правда пойдём в полицию? – тихо спросила меня Лира, когда мы, выйдя из отеля и снова перешагнув границы измерения (кои отпустили в этот раз уже даже как-то неохотно), направлялись к остановке.

– Нет, конечно, – отмахнулась я. – Делать мне больше нечего, кроме как всяким истеричкам потакать. Нет. Мы сейчас – опять ко мне домой, за аптекарским набором для твоего брата.
– Ой, а что же ты ей скажешь, когда мы вернёмся? – испугалась ангелок.
– Да она к тому времени уже десять раз забудет, – усмехнулась я. – И найдёт ещё десять тысяч других проблем.
– Думаешь? – усомнилась Лира.
– Конечно! – уверила я. – А если и не забудет, то, в принципе, я не слишком-то буду переживать. О, а вот и наш транспорт подъезжает… Сейчас быстренько добудем лекарство.

Лира тихонько вздохнула. Я повернулась к ней:
– Я так понимаю, твоя горячая готовность выскочить из отеля на сомнительную ночную прогулку в большой степени связана с нежеланием находиться вблизи дражайшего родственника.
– Ну… – ангелок замялась, ковыряя носочком туфель горные породы, – ага. И не только. Там все какие-то… страшные.
– Да ты не переживай, – сказала я. Мы влезли в переполненный троллейбус. Я живо протиснулась в укромный угол возле окна и втащила за собой Лиру. К счастью, без скрипки это создание теперь сделалось более подвижно, как и я без объёмистого рюкзака.
– А как ты узнала, что Феофан боится высоты?.. – снова тихо поинтересовалась ангелок.
– Я? – удивилась я. – Да я не знала, в общем-то. Само по себе родилось, интуитивно.
– Да? – Лира помолчала.
– Ну да, – я пожала плечами (насколько это позволяла теснота окружения). – А почему он боится-то?
– Не знаю, – сказала ангелок.

Я тоже помолчала.
– Ну, наверное, это даже логично, – заметила я, – подобные штуки мне как-то приходилось проворачивать, когда надо было защищаться от банды горных троллей и гномов.
– Ой! – Лира снова прижала пальчики к губам и в волнении начала грызть ногти.
– Да, случилось однажды такое дело… – задумчиво произнесла я, уносясь в воспоминания. – Так вот. Основная проблема этих троллей и гномов заключается в том, что они все поголовно безнадёжные акрофобы. Высоты боятся. Посему победить их становится очень легко: слевитировать в нужный момент нужного троллишку, как фигурку смахнуть с шахматной доски, – и до свидания. Мольбы о пощаде до победного конца. Они ж воплощения Земли, Земной Элементали. Потому и силу черпают оттуда, и, как видно, находиться вдали от земли-матушки также не любят. Твой брат – конечно, не тролль, а чёрт, но тоже сгодится. Черти ж вроде бы граждане подземные… – я задумалась. Кто-то где-то говорил, что на самом деле Ад тоже находится в небе. Мне же, честно говоря, всё-таки мнится, что точный адрес Ада на земле мне даже почти известен.
– А я тоже высоты боюсь, – сказала вдруг Лира, помолчав.
– А-а, так значит, это у вас семейное, – поняла я. – Вам бы всей семьёй к психотерапевту, что ли. Он бы ваши проблемы и решил. Сейчас очень модно стало к психотерапевтам ходить… – я замолчала, снова уплывая в какие-то дебри и хитросплетения мыслей… Неторопливая троллейбусная качка вполне располагала к полусонным думам.

В сущности, завтра от меня требуется только препроводить всю честную компанию к месту действия, да и всё. Чего они там дальше без меня чудить будут – их проблемы, – в самом деле, не нанималась же я им в сторожевые драконы; да и не сказать, чтобы всё это сонмище индивидуумов имело хоть что-то сходное с грудой несметных сокровищ. Проведу я их всех туда, короче говоря, а сама быстренько умотаю курсовую дописывать. Мастер-класс подождёт, он ещё целую неделю идти будет, а сделал дело – гуляй смело. Поэтому все дела я люблю завершать как можно быстрее и раньше. Там мне всё равно только одна глава осталась,

нужные материалы уже давным-давно собраны, - так я её завтра возьму, да и допишу спокойненько. Я как раз всё успею, если только никто меня весь день не будет беспокоить... всего-навсего один день.

- Флорина... - позвали вдруг меня тихо. Я вздрогнула, понимая, что начала засыпать:

- Ась? Что такое, я совсем не сплю, нет. – Усилием воли заставляя слипающиеся веки разомкнуться и возвращая картинке перед глазами фокусировку, я внимательно вгляделась в Лиру. Что-то не нравится мне этот её усиленно виноватый вид. Я уже успела, кажется, расшифровать, что подобные виды свидетельствуют у неё о том, что мне сейчас преподнесут на подносике с голубой каёмочкой очередное стихийное бедствие. Которое, соответственно, надо в обязательном порядке решать.

- Ну, чего опять стряслось? – нахмурилась я. – Тебя укачало?

- Нет, - возразило небесное создание и внезапно тяжело поникло головой. – Я забыла тебе кое-что сказать.

- И что же? – я насторожилась, ощущая, что все мои защитные – да и нападательные к тому же - инстинкты на всякий случай ожили и пришли в полную боевую готовность. Лира поникла ещё больше, собираясь с духом, а потом выпалила:

- Я боюсь, что все узнают, что я ангел!

***

- А ты не можешь мне сразу перечислить список всех своих фобий, чтоб я уж заранее знала, что к чему? – недовольно бурчала я, когда мы уже мерно покачивались в троллейбусе на обратном пути.

Лира пристыжено молчала, разглядывая свои пальцы.

- И что мне теперь с тобой делать, - вздохнула я и, подперев голову кулаком, замолчала.

Прояснялась же передо мной картина следующего характера. Ежели Лира, дитя небесное, будет так трепетать перед представителями земного царства, она и до своего концерта-то не доживёт. Непринятие индивидуумом самого себя ведёт к невозможности его адаптации в социуме. Что, в свою очередь, может привести к совсем уж плохим последствиям... Пресвятая пентатоника! По-видимому, с ними со всеми я уж мало-помалу сама становлюсь семейным психологом.

- Тебе когда выступать? Завтра? – спросила я.

Лира шмыгнула носом и кивнула. Я тяжело вздохнула, закатывая глаза, затем отвернулась, снова предаваясь размышлениям.

Ангел боится быть ангелом. Это нечто.

Я ещё могу понять, когда быть собой боится вампир, вурдалак, ну или, скажем, оборотень. Есть у меня на примете один знакомый представитель человековолчьих... или волчьечеловеческих, тут уж в зависимости от предпочтений. Так вот, оборотни, чтоб вам было понятно, довольно-таки часто страдают родственными с шизофренией психическими отклонениями, - как раз именно в силу непринятия, а то и вовсе отторжения своей второй натуры и специфического альтер-эго. С этим справиться довольно непросто, но возможно. Однако здесь колоссальную работу над собой, которую никакой психолог за тебя не совершит, приходится проделывать самому индивидууму, страдающему от раздвоения – а в некоторых случаях и растроения – личности... Но всё это я ещё могу понять. Здесь вторая натура, как правило, довольно часто портит индивидууму качество жизни, его взаимоотношения с социумом, приводит к проблемам трудоустройства, - и прочая, прочая, прочая... Мой знакомый оборотень, правда, разрешил вопрос довольно радикально, перебравшись жить в глухое безлюдное место, дабы никого не стеснять и случайно не нанести вреда в минуты своей физиологически обусловленной повышенной активности. Он там, в общем-то, не скучает: всегда есть чем заняться, да и собратья-волки при необходимости обеспечивают необходимой толикой общения (в коей он, в силу темперамента, не слишком-то часто и нуждается), ну и я то и дело заглядываю, мешаю работать и развлекаю бессмысленной болтовнёй.

Но то мой знакомый; не у всех есть такая возможность – это во-первых...

Во-вторых... пресвятая пентатоника. Чего ей-то стыдиться?! Небесное создание! Ей разве что нимб время от времени полировать да крылышки выглаживать – и всё, готово, выходи в люди, вперёд и с песней, точнее, со скрипичной сонатой, или чего у неё там... Это тебе не оборотень, которому я каждые полтора месяца готовлю специальную настойку, облегчающую приступы сопутствующей зубной боли при регулярных перевоплощениях; а если ему потребуется зачем-то покинуть дом, готовить приходится зелье уже другого склада, без которого выход в свет совершенно немыслим. Шаг в сторону – ни-ни, какое-нибудь небольшое отступление от режима - всё, пропал!

Это тебе называется просто: трусость, подумала я, с недовольством переводя взгляд на Лиру. Однако очередной её вид крайней степени виноватости, сочетаемой с бескрайним смирением и готовностью платить за все свои грехи, как и ожидалось, несколько смягчил меня.

– Горе ты луковое, – только и вымолвила я, вздыхая и снисходительно оглядывая моё удивительное ресничное из отряда небесных млекопитающих. Лира подняла на меня огромные глазки цвета лазоревых колокольчиков и произнесла:

– А ты точно никуда не уйдёшь? Мне без тебя с ними всеми страшно будет.

Я снова издала тяжёлый протяжный вздох, возведя очи горе.

- Да куда денусь, - сказала я, - меня ж Клара Батыевна потом инквизиции предаст, если я за вами тут должным образом следить не буду. Не уйду, не уйду, прекращай только смотреть на меня так жалобно, я сейчас точно прямо здесь слезу пущу.

- Не буду, - обрадовалась Лира, наконец, светлея и убирая с лица выражение вселенской скорби.

- Вот и прекрасно, - устало заключила я, прислоняясь к оконному стеклу и закрывая глаза. Спать хочется, сил нет. А этот троллейбус ещё, как назло, всегда едет какими-то мерными толчками, словно по волнам плывёшь...

И чего такого во мне нашла, думала я сквозь сон. Ну надо же. «Без тебя страшно будет»... а со мной, значит, безопасно. Ну-ну. Видно, так и придётся опять кого-то под свою опеку брать... Что ж у меня за судьба такая, вечно со всеми нянькаться? Иногда мне начинает казаться, словно я для всех этих ходячих несчастий какой-то эдакий большой и притягательный магнит. Знать, слишком добрая я ведьма. Пора становиться старой злой каргой с полным отсутствием кулинарных способностей и антигуманистическим складом ума.

***

Разбудило меня чьё-то робкое тормошение в области плеча. Почему-то со сна мне примерещилось, будто меня заставляют забрать какую-то совершенно ненужную мне вещь, я активно сопротивляюсь, а мне всё продолжают пихать в руки отвратительный, бессмысленный спутанный узел.

- Мне не надо... - пробормотала я, открывая глаза и просыпаясь: прямо передо мной зависли в воздухе огромные обеспокоенные голубые глаза. – Чего?

- Мы, кажется, скоро приедем, - встревоженно оповестила меня ангелок. Я подскочила, окончательно приходя в себя: да, так и есть! Чуть не пропустили остановку.

- Выходим, - заторопила я, когда створки троллейбусных дверей разъехались в стороны. Гнусавый женский голос, как всегда, в некоторых местах почему-то плохо проговаривая букву «р», объявил: «Strada Cosmonăuților. Urmează stația – Strada Eugen Doga. Stimați pasageri, păstrați curățenia în salonul troleibuzului și pe străzile orașului»[3].

- Ну, вот ты и выучила уже дорогу от моего дома к отелю, - пробормотала я, быстро идя вперёд. – Понятия не имею, конечно, как тебе это может пригодиться практически, но факт остаётся фактом. Ого-го, уже целых

[3] Улица Космонавтов. Следующая остановка – улица Евгения Доги. Уважаемые пассажиры, соблюдайте чистоту в салоне троллейбуса и на улицах города. – (молд).

восемь часов… Надеюсь, на сегодня беготни больше не предвидится. Пошли, посмотрим, чего там наши чуда-юда учудили.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в номер.

– Ну, пожалуйте, раненые; необходимый инвентарь доставлен, сейчас займёмся исцеляющими процедурами, – провозгласила я, скидывая босоножки и шлёпая босиком по полу, точно заправская лягушачья нянька. Обстановка в номере за время моего отсутствия поменялась не слишком сильно: Василиса – теперь уже на пару с Дуняшей, – как и прежде, царственно восседала в кресле, Мустафа в глубочайшей задумчивости бродил вокруг да около, точно учёный кот по цепи кругом; ну а Феофан расположился где-то в уголке, тихонько творя там какие-то свои невнятные дела, но на вид вроде бы присмирев. На середине комнаты я, однако, остановилась, нахмурившись: следы на потолке возле люстры так и остались там, невразумительно чернея неопрятным бельмом, точно нарочно оттеняемые светом режущих глаз энергосберегающих ламп.

– Это что ещё такое? – осведомилась я у окружающих. – Почему потолку не вернули исходную тональность первой степени родства?

– Чего? – недовольно буркнул из угла Феофан, отвлекаясь от своих потаённых занятий.

– Почему следы не убрали, – расшифровала я. – Ждёте, что я буду этим заниматься? Не я тут потолок пачкала, не мне и убирать. Ну? – я угрюмо оглядела присутствующих. – Кто возьмёт на себя данную ответственную миссию?

Кикимора Василиса по-прежнему не шелохнулась, сохраняя на своём царственном лике печать прежней неизбывной скуки. Вампирша Дуняша, точно нахохлившийся петух, восседала на ручке кресла, задрав ногу за ногу и обиженно вздёрнув нос к вершинам небывалой высоты; упырь Мустафа остановился и, точно как несколько часов назад, начал вдумчиво изучать наличествующие на потолке позорные пятна, точно решил с точностью до миллиметра рассчитать покрываемую ими площадь. Лира со страхом жалась ко мне; Феофан что-то неразборчиво хмыкнул из угла.

– И что это всё значит? – я скрестила руки на груди. – Феофан, а ну взял ноги в руки и полезай на стремянку чистить потолок.

– Не-а, – хитро отвечал чертяка, в упор глядя на меня бесстыжими глазами.

– Высота, – тихо шепнула мне Лира.

– А, ну да, – вспомнила я. – Ты ж у нас акрофоб.

– Акро-кто? Сама ты циркачка, – доложил Феофан, – и травок твоих мне не надо, сам без них как-нибудь управлюсь. – Он внушительно потрогал подобные трём рогам шишки на макушке, затем вновь обратился к своим делам мировой важности, разворачивающимся, судя по скрюченной позе чёрта, где-то прямо у него на коленках.

Я разозлилась.

– Ах вот оно как, – сказала я. – Ну значит, и чёрт с тобой. В смысле, сам с собой будешь, как сам с усами. В следующий раз добровольно помощи попросишь – не дождёшься, не помогу. – Я швырнула пакет с травами куда-то в сторону царящей на кресле Василисы, – на один миг в невозмутимом лице её обозначилось даже нечто вроде удивления; по крайней мере, невозмутимость была хотя бы на доли мгновения нарушена, – подобрала с полу свой здоровенный рюкзак и угрюмо поволокла за собой в коридор. Лира, смиренно вздыхая и тоже захватив свою скрипку, поплелась за мной и рюкзаком. У порога я развернулась, злобно оглядев всю нахальную компанию, затем вышла, стараясь как можно громче хлопнуть за собой дверью.

– Русскоязычная группа, – ворчала я, раскладывая вещи в соседнем номере. – Царствуй, лёжа на боку. Собрались, тоже мне, Емели на печи. Неудивительно, что там никто работать не хочет. Не буду за ними убирать ничего, никто меня не заставит. Пусть хоть сам Мирослав Добрыньевич приползёт и на коленях меня будет молить… – на мгновение я замерла с развёрнутой простынёй в руках, так и представив себе эту картинку:

сам декан нашего факультета стоит передо мной, молитвенно воздевая руки и ласково упрашивая, суля невиданные богатства и привилегии. Я расплылась в блаженной улыбке, тут же, правда, постаравшись выбросить из головы заманчивое видение, и продолжила расстилать постель.

– А Дуняша так и не вспомнила про полицейских, – тихонько заметила Лира, держа в руках кончик наволочки нежно-голубого (вот так неожиданность!) оттенка.

– Да пусть бы только попробовала рот открыть! – я сердито швырнула в угол кровати подушку. – Дорогие вы мои... – Я устало рухнула на кровать. – Сейчас пойду в душ, смывать с себя разочарования минувшего дня.

– Ох... ну ты что? – Лира огорчилась. – Не расстраивайся так..

– Да я не расстраиваюсь. – Я чуть пожала плечами. – Это я так, просто устала, не бери в голову. Не хочешь в душ?

– Нет-нет, ты иди, я потом, – ангелок слегка улыбнулась. Я снова пожала плечами, извлекла из рюкзака полотенце, мыло и прочие принадлежности и прошествовала в ванную. В отличие от некоторых вампирш гиперхолерического склада поведения, мне хватило ума взять с собой личное туалетное мыло.

Я вздохнула, расслабляя уставшее тело под тёплыми струйками воды. Что-то мне подсказывает, набегаюсь я ещё с этими представителями, – так уж хоть водно-ароматическая терапия будет, в случае чего, доступна. Как известно, человек вечно может смотреть на огонь, воду и... ну да. Работать эти братцы-кролики, я так понимаю, абсолютно не расположены. Слишком высокие особы, терцквартаккорд вашей родственной тональности. Ладно, завтра видно будет. Лишь бы скандалов не закатывали, – что-то настораживает меня эта вампирша истероидного подтипа. Остальные вроде как ничего, даже с Феофаном, при желании, общий язык найти можно... Я выключила воду.

– Иди, Лир, – сказала я, выходя из ванной и сонно пошатываясь. Тёплая вода вконец разморила меня. – Что такое?..

Небесное дитя, уютно свернувшись калачиком на краю матраса, тихонько посапывало. Я вздохнула, качая головой. Затем осторожно слевитировала юного агнца божьего, как полагается, головой на её голубенькую подушечку и мягко накрыла сверху такого же оттенка одеяльцем. Тоже ведь притомилась небось. Достаточно сегодня с нас обеих, пора и честь знать... Я завела будильник на семь утра, забралась в постель и выключила свет.

Ангелок что-то пробормотала во сне. Я же уставилась в темноту: спать, соответственно законам подлости и вопреки испытываемой мной усталости, мне совершенно расхотелось.

В дверь неожиданно кто-то поскрёбся. Я насторожилась, однако подумала, что мне, возможно, это чудится. В самом деле, кому может прийти в голову ломиться в нашу дверь... я перевернулась на бок. Скрежеты, однако, отнюдь не прекратились: мне даже показалось, будто кто-то намеренно и целенаправленно выцарапывает на той стороне двери не то какие-то колдовские руны, не то какой-то колдовской ритм... Почему-то вспомнились странные произведения современных композиторов, которые однажды демонстрировали нам в Университете. Углубляться в подробности я не стану, ибо уже почти ничего не помню: сила искусства в тот раз повлияла на меня настолько, что из зала я выходила, охваченная нервной дрожью и с трудом сдерживая подступающий приступ тошноты; однако с тех самых пор в мой лексикон вошёл красноречивый термин – симфония скрипа. Так вот, нечто подобное этой самой симфонии раздавалось, по-видимому, в данный момент с обратной стороны двери нашего номера.

Вставать мне не хотелось, но я подумала, что чуткая на внешние раздражители Лира может проснуться и тут же на месте умереть от разрыва сердца; а за потерю ценных кадров, разумеется, отвечать потом мне. Так что я, превозмогая силу земного тяготения, всё-таки оторвала голову от подушки, приняла сидячее положение, затем поднялась с кровати и подошла к двери. Дверного глазка, само собой, не имелось, так что возможностью предвидеть опасность я не располагала. Ну ладно, придётся действовать наобум.

Я резко распахнула дверь. В коридоре, как и ожидалось, никого не было. Я вздохнула, близоруко щурясь на потоки света, вливающегося со всех сторон в мои глаза, и подумала о том, в каких отношениях, интересно, состоит с ним вампирша Дуняша и что испытывают её очи и веснушчатая вампирская кожа по утрам. Постояв и немного поразмыслив, я пришла к выводу, что ничего особенного. Я повернулась, чтобы вернуться в номер, однако тут разглядела на полу возле двери некий предмет. Пресвятая пентатоника! Это же моя сумка с травами. Интересно, кто её сюда принёс? Неужели Феофан? Ну-ну. Не поверю, будто у кого-то взыграла совесть. Я подобрала сумку, на всякий случай заглянула в неё, удостоверившись в том, что меня не ожидает какой-нибудь неприятный сюрприз; после чего, оглядевшись по сторонам, зашла обратно в номер и плотно затворила дверь. Ладно, Феофан, так и быть, ты прощён. Посмотрим на твоё дальнейшее поведение.

Я уронила сумку на пол, кое-как наощупь добралась до кровати, стараясь не перевернуть по пути несколько стульев и не врезаться в посторонний недружелюбный предмет, как это обычно для меня характерно, и наконец погрузилась в сон.

Глава 3. Кантодельвенто, или звучное итальянское имя для группы со славянскими корнями.

Разумеется, никакой курсовой мне на следующий день заниматься не пришлось. И никаких исследований в области ладотонального тяготения художественных свистов пролетающих в горах камней, разумеется, произвести не получилось.

Довелось же мне вместо этого с самого утра совершенно бездеятельно просиживать в кресле и добрых полтора часа проводить в наблюдениях за тем, как одно небесное создание с уже знакомой мне скоростью обращения вокруг оси наматывает круги по комнате.

– Да успокойся ты наконец, – говорила я, слегка усмехаясь. – Ничего страшного с тобой там не сделают. Кушать тебя никто не будет, нарезать кусочками или даже шинковать на вегетарианский салат для людоедов.

Небесная остановилась и посмотрела на меня.

– Почему на вегетарианский?.. – рассеянно спросила она.

– Потому что костлявая ты больно, – охотно пояснила я, – и мелкая. Им такое на один зуб.

– Кому?! – ангелок резко побледнела.

– Ну людоедам, – невозмутимо отозвалась я. Лира внезапно схватилась за голову и осела на пол.

– Мне конец, – тихонько захныкала она. Я тяжело вздохнула, демонстративно закатив глаза к потолку, а затем встала с кресла, подошла и присела рядом с ней на корточки.

– Ну чего ты, – ласково улыбнулась я. – всё будет нормально. Перестань нервничать.

– Не могу-у, – Лира в отчаянии взглянула на меня. – Я их всех там боюсь! Заранее.

– Ага, это чтоб потом не так страшно было, если ты туда придёшь, а там сплошные гоблины пещерные, тролли да исчадия ада, – покивала я. – Ну-ну, хватит уже. Нет смысла волноваться о том, чего ты не можешь контролировать. Во-первых. Во-вторых, никто там с тобой ничего делать не собирается… это всего лишь люди. Такие же, как и мы. Ну, может, кто-нибудь чуточку потолще или чуточку постарше. Так и что? Любви все возрасты поко… хм, в смысле, нет, не то хотела сказать… – я озадаченно почесала в затылке. – Неважно. Ну и в-третьих! С тобой там буду я, забыла? А я тебя там от них от всех, если вдруг чего, защитю… защищу… ну,

ты поняла. – Я поднялась с корточек, принимая воинственную позу. Лира, однако, не прониклась и продолжила постанывать.

– Ну и что мне с тобой теперь делать? – я вздохнула, всплеснув руками. – И в-четвёртых... Кстати о троллях и гоблинах. Где там шляется твой брат?

– Не знаю, – безжизненным тоном ответствовала Лира. – Он куда-то по своим делам ушёл... друга повидать, который у него здесь живёт, кажется.

– А Василиса с Дуняшей?.. – я немного обеспокоенно поглядела в окно. – Всё-таки как бы уже пора немного выводить себя из профнепригодного вида. Бр-р, ну в смысле, собраться уже наконец-то всем и что-то начать вместе делать. Мы же, как-никак, на этом мероприятии одна группа... русскоговорящая. Или что-то в этом роде, – пробурчала я себе под нос. Клара Батыевна, разумеется, не оставила мне на сей случай никаких комментариев. Проводить-то я их всех провожу, но нынче выяснилось, что все эти группы по национальностям имеют какой-то особый смысл... Да и вообще, всё-то у них там как-то сумбурно, непонятно и неорганизованно. Терпеть не могу, когда нет никакого чёткого порядка действия. Даже с этими выступлениями творчески активной молодёжи. Кто, где, когда, в какой день... Тьфу ты. Вон Лира тоже ещё даже не знает ничего, – может, ей прямо завтра и играть.

А тут ещё все, как назло, разбежались куда-то в самую рань. Не дозовёшься! А ведь основное действо скоро начнётся. Я, разумеется, проснулась сегодня гораздо позже, чем надо (сказалась вчерашняя сверхурочная нагрузка). Вот и не успела должным образом проконтролировать. А с этой что взять... я покосилась на Лиру. Эта вон саму себя организовать как надо не может, не то что других.

– Василиса с Дуняшей должны скоро прийти... – Лира поднялась, как-то задумчиво уставившись в пол. – Они обещали...

– Обещали... как же, – хмыкнула я. – Эх, одна только надежда на Мустафу. Сдаётся мне, этот упырь из всего нашего небольшого сообщества – самый разумный человек. Может, хоть он будет сидеть смирно, дисциплинированно, с достоинством... И там, где ему сказали.

По крайней мере, этот ни разу ещё не по делу не шумел. Истинный ариец!

– У него сотрясение мозга, – тихонько напомнила Лира. Я тут же скривилась. Точно, как я могла запамятовать эту трогательную историю, о которой меня, не успела я сегодня проснуться, тут же со всем подобающим трагизмом поспешили известить. Дело в том, что Мустафа, страдая, видимо, тяжёлой формой угрызений совести (прямо как Лихо трёхноздрёвое с его ноздрёй) ночью, тихонько, никому не мешая и никого не трогая, достал где-то поломанную стремянку, влез на неё с веником к потолку и уже было собрался заботливо замести обезображивающие его следы, оставленные там поганым Феофаном; как вдруг благородная миссия торжественно оборвалась: какая-то особенно подлая перекладинка в стремянке немедленно подкосилась, хрустнула, сломалась, и самоотверженный Мустафа был низвергнут на грешную землю. В коей злополучной операции вышеупомянутым упырём и было получено лёгкое сотрясение мозга. Как бы там ни было, а травки мои сегодня всё-таки кое на что сгодились; однако триумф омрачало нынешнее препечальное состояние Мустафы.

– Ну вообще великолепно, – проворчала я. – Один ушёл к своим друзьям-бесятам, бес ему в ребро; другие две курицы сидят и штукатурятся, – ой-ой, тут даже тебе и спонтанные стихи, ну надо же какой ужас; – четвёртая, – я выразительно поглядела на Лиру, – уже второй час сидит тут и ноет, ноет, ноет, и портит товарный вид своих великолепнейших глазок, которыми в перспективе там должна будет во всех стрелять, – эй-эй, ну не пугайся, я не в том смысле про «стрелять»... А пятый, так и вообще теперь без мозгов остался. Вот и с кем теперь работать, вашу родственную тональность?! – я недовольно огляделась по сторонам, пытаясь хоть что-то сейчас сообразить.

– Не ругайся, – тихо попросила ангелок. – Это неприлично.

Я перевела свой недовольный хмурый взгляд на неё, поочерёдно возвела очи горе и долу, потом шумно вздохнула и плюхнулась в кресло.

– Ну уж простите, вырвалось, – я устало прикрыла глаза. Затем взяла со стола какую-то бумажку и слегка помахала на себя, пытаясь хоть немного расшевелить этот стоячий воздух, – всё-таки до неприличия жарко у нас, в Молдавии, летом бывает. А впрочем, в моей стране и не такое случается...

– Ничего, всё хорошо, – Лира примирительно улыбнулась.

– Да нет... правда, погорячилась я что-то, – заметила я, усиленно обмахиваясь бумажкой. – Не придут, так и не придут. Какая, в сущности, разница... – мне вдруг действительно стало всё равно. И чего я, в самом деле, так надрываюсь, будто мне одной больше всех надо? Для них мастер-класс, им выступать. Не придут, опозорятся, не получат свои кредиты, или как там нынче по Болонской системе...

– Они точно сказали, что придут, – возразила ангелок. Я чуть пожала плечами, снова прикрывая глаза и облокачиваясь о спинку кресла.

– И всё-таки я боюсь. – Лира присела на стул рядом со мной. – Я не знаю, как я вообще выйду на эту сцену... Я совсем не умею себя вести...

Я покосилась на неё.

– Да чего уметь-то, – изрекла я. – выходишь, играешь. Наслаждаешься процессом.

– Но там же будет так много всяких разных существ! – взгляд, брошенный Лирой, был до того полон отчаяния, что я даже невольно прониклась сочувствием. – А если я что-нибудь сделаю не так? А если они там увидят, что я ангел, и захотят напасть... Я бою-у-усь... – она опять обхватила голову, согнувшись в скорбно-патетической позе.

– Да ладно тебе, – нетерпеливо проговорила я. – Ничего такого страшного не будет. Я знаю. Доверься моей интуиции... – Я замолчала, снова расслабляясь и глядя в небо.

Сегодня потрясающе ясный денёк.

– Слушай, а может, ты туда вместо меня пойдёшь? – небесное создание вдруг с надеждой посмотрело на меня. – А что, ты же тоже музыкант, а выступать тебя не позвали... выступи за меня, а?

– Ты чего?! – я тут же вперила в неё взгляд. – Смертушки моей хочешь, что ли?

– Почему?.. – Лира округлила глаза.

– Потому! – передразнила я. – Как ты себе это представляешь?! Я же не скрипачка! Я максимум гитаристка. Да и вообще, не умею я толком играть, потому и пошла на теоретика. С чем, правда, в настоящий момент у меня тоже всё складывается довольно туго... вообще-то, если уж так суммировать, то в целом я только и могу, что длинно и музыкально ругаться или устраивать беспрерывные трёхчасовые монологи на философско-психологические темы сомнительного характера. Нет-нет, и не уговаривай. – Я скрестила руки на груди. вот ещё чего выдумала, на меня свои обязанности навешивать.

Нет, с одной стороны, выступить, оно, конечно, было бы очень соблазнительно... У меня прямо вдруг так и зачесались руки, и где-то на дне отложенных на потом, до лучших времён, мечтаний всевозможных оттенков зашевелилось, запульсировало едва различимое: ну давай же, давай, почему бы нет, тебе ведь этого хочется...

С другой стороны, Лире должны зачесть её экзамен. Почём мне знать, кто там её сверху наблюдает и какие выводы делает? Нет, так рисковать мы не можем. Да и не собираюсь я выступать от чужого имени... Я – это я. Нет, решительно отрезала я. Если уж выходить на сцену, так будучи собой, а не кем-то ещё.

– Я ведь не могу притворяться ангелом, – примирительно произнесла я. – в списках наверняка написано, что ты ангел, и объявят тебя там как ангела. А я не он. Я ведьма. взбалмошная и неорганизованная. Нет, дорогуша, придётся тебе уж самой как-нибудь.

– Понятно, – ангелок печально поникла.

– Может, тебе это, Мустафу лучше попросить? – усмехнулась я. – Он посерьёзней как-то.

Ангелок подняла на меня свои чистые, почти прозрачные глаза.

– Я не знаю, как объяснить, – сказала она. – Ты больше подходишь.

Я слегка приподняла бровь.

– Ты в самом деле так считаешь? – усомнилась я. – Интересно, какими же такими талантами я, по твоему мнению, обладаю, чтобы замещать целого ангела. Смотри не пожалей как-нибудь о своих словах.

– Я не пожалею, – твёрдо заявила Лира. Я только хмыкнула, задумавшись. Небесное создание тоже, кажется, пребывало в каких-то тяжких размышлениях. Наверно, придумывала, как бы ей всё-таки избавиться от ответственности.

– А жалко всё-таки, – произнесла она, – что я не могу притвориться кем-нибудь другим.

– Другим? – переспросила я. – А тебя саму куда девать-то? Что, неужели быть служителем неба – так страшно? Не поверю.

– Не-е, – возразила Лира. – Другие вокруг – страшные... Я их боюсь. Тут ведь везде, куда ни глянь, – нечисть... А я...

– Мда-а, – протянула я. – вот ведь незадача какая получается. – Я задумалась. С другой стороны, что я знаю об их райской жизни? Может, и в самом деле страшно после всего того, что они там на своих снежных облачках ведают, сюда, на грешную землю спускаться. Да ещё и сразу же в одну компанию с честной нечистью угодить. Не повезло девчонке.

– Да ладно, – тут же попыталась утешить я. – Никто ведь о таких вещах с первой встречи и не спрашивает. Да и нечисть тут ходит мирная. Что ты так переживаешь? Не съедят же тебя, в самом деле.

Лира помолчала, собираясь с духом.

– Маму мою сюда однажды отправили, – сказала она вдруг, – шла она через лес... Лесные черти увидели, что она ангел, схватили, заколдовали, чтобы не могла двигаться и... убили.

– Я не знала, прости, – произнесла я, потрясённая услышанным. Так вот ты какая, ангел Лира. Сиротинка, выходит.

– Всё в порядке, – она подняла на меня свои ясные глазёнки. Я тяжело вздохнула, ощущая, что, попроси она меня сейчас хоть о чём угодно вот с этим самым взглядом, – я бы, не задумываясь, согласилась. Хоть с неба звёздочку. Впрочем... это она и сама, без меня, наверно, может, – куда мне уж тут с небесными-то тягаться...

– Ну хорошо, – проговорила я. – Ладно. Давай придумаем тогда, что ли, за кого можно тебя выдать. Я, честно говоря, в мировой мифологии не очень разбираюсь.

– Ну-у... я могу сказать, что я эльф, – тут же нашлась Лира. – Или какая-нибудь дождевая фея. А крылья я просто показывать никому не буду, это нетрудно...

– А ну как почувствует кто-нибудь? – я всё ещё глядела на неё с сомнением. – Там ведь, чай, тоже не дураки собрались. Василиса вон меня с порога пронюхала, говорит, аурой своей больно просвечиваю, – а ведь это только я, твоя-то ещё поочевидней сверкать будет. Да и наш Мирослав Добрыньевич вот... светило науки, – я его знаю, сам меня обучал кой-чему, по теории натаскивал; – сомневаюсь я, что он-то и не раскусит. И потом, куда ты денешь этот свой... как его, над головушкой висящий, почти как месяц, который под косой блестит.

– Нимб, – подсказала Лира. – Да ведь это ещё легче. Мы нимбами вообще только на небесах и пользуемся.

– Ага, он самый, – отмахнулась я. – И всё-таки, понимаешь ли... по-моему, небесная аура – не такая уж незначительная штука, чтоб её можно было вот так легко скрыть!

– Ну... – неопределённо протянула ангелок. – Может, никто не станет особенно присматриваться ко мне, если будут думать, что я рядовая фея? Да и... если небесную ауру сильно не проявлять, может, они и не почувствуют. Мы ведь там в магических способностях состязаться не будем? – её немного передёрнуло. Я не

выдержала и всё-таки слегка усмехнулась. Нет, правда, и как её такую вообще сюда, в грешный мир, выпустили?.. И где до этого содержали, – в стерильной банке какой-нибудь, в питательном растворе?

– Не будем, не будем, – заверила я. – Ладно, шут с тобой. Сиди под прикрытием. Что-нибудь придумаем. – Я снова начала глазеть в окно и задумалась. Мне-то, в самом деле, какая разница?.. Моё дело – сторона.

– Ура-а-а-а, спасибо! – Лира вдруг набросилась на меня с объятиями. Ничего себе, от кого научилась так душить?! Явно не в своей снежно-облачной школе на небесах. – Ты моя любимая ведьма!

– Э-э... ну... как бы и не за что, – произнесла я, пребывая в состоянии какой-то небольшой прострации. – Ты только всё равно смотри это, осторожнее... с нимбом. А то ведь рассекретят, – и что тогда будешь делать?

– Не рассекретят, – беспечно отвечала ангелок и, наконец, выпустила меня. Я перевела дух.

Нет, ну ребёнок ребёнком... Первый курс, тоже мне!..

– Лира, – я сурово поглядела на неё, – ты смотри мне. Напросятся, чую, чьи-то крылышки на приключения. А потом будут расхлёбывать. И полетят эти соловьиные крылышки жаловаться, естественно, ко мне.

– Ну-у... – она покраснела и потупилась.

– Вот тебе и «ну», – сказала я. – И вообще... ты собираться-то собираешься? Как-никак, у нас осталось всего полтора часа, а добираться к месту действия, чай, не самолётом вип-класса. В этом измерении они не летают.

– Ой, и вправду, – сразу заторопилась Лира. – Хорошо, я сейчас! Я быстро. Подожди чуть-чуть... – она тут же вскочила и куда-то понеслась. Я тяжело вздохнула, снова начиная обмахиваться бумажкой.

– Жди меня, и я вернусь, – глубокомысленно произнесла я. – Ну-ну, дождевая фея ты наша.

Эх-х, чует моя пентатоника, добром всё это не кончится.

***

Примерно через час мы уже скучали возле здания заброшенного кишинёвского цирка, где, собственно говоря, и было назначено произойти знаменательному событию. Нынешнее аварийное состояние сего цирка, как видно, не слишком-то беспокоило организаторов; ну, правда, конечно, кто-нибудь из магистров там всё как следует подшаманит, и ничего видно не будет. Нет, реставрация цирка – это для наших университетских раз плюнуть. Лично меня же сейчас больше беспокоили бродячие собаки, которые, как подсказывает горький опыт, в изобилии шныряют где-то в близлежащих округах.

Я украдкой покосилась на ребят.

Как ни удивительно, но на сегодняшнее открытие мастер-класса действительно собралась вся наша группа, во что я, признаться, в последние часы не особенно верила. К Василисе с Дуняшей я была несправедлива, – наштукатурились они отнюдь не по-куриному, – если б я, не приведи господи, когда-нибудь в детстве ненароком увидала таких кур, полагаю, у меня бы осталась глубокая психологическая травма на всю жизнь. Ладно, зато подоспели вовремя... ну-у, Василиса подоспела вовремя. С Дуняшей-то пришлось как раз понервничать, потому что прибежать она успела в самый последний момент, – когда мы уже подумали, что семеро одного не ждут, и пора бы нам отчаливать, иначе опоздаем.

Мустафа тоже прибыл в срок, правда, был он какой-то ещё бледный. Ну да впрочем, он же упырь, – ему, значит, положено так.

Бесоватого братца Лиры мне пришлось подвергнуть небольшим воспитательным процедурам. Хвостик я ему заочно наколдовала, аккуратненький, поросячий. Поэтому, дабы избегнуть позора, – как мне смутно почему-то кажется, перед некой представительницей полу прекрасного, – ему пришлось экстренно возвращаться домой и требовать у меня срочной каст... кхм, в смысле, удаления сего экзотического органа. Что я с лёгкостью и проделала, взамен на договорённость о его присутствии на данном мероприятии, разумеется. А что? Я же обещала Кларе Батыевне, что постараюсь их всех удерживать в пределах Бета-измерения.

Лиру мы общими усилиями отдирали от дверных косяков, за которые она попутно умудрялась цепляться, – хи-хи, разумеется, не случайно, а очень даже нарочно; – пока Мустафа, со всей ему присущей мрачновато-патетической харизмой не произнёс одно-единственное слово (ух-ты, и как это ему так удаётся?! надо б у него пару уроков по сценречи взять, что ли); после чего отдирать ангельское существо пришлось уже от него, а точнее, наоборот, – его от взбесившегося нежданно-негаданно ангельского существа... Никогда бы не подумала, что она умеет проявлять такие интересные эмоции. Мустафа всего лишь назвал её душенькой.

В данный момент все разбрелись по разным сторонам света: Дуняша и Феофан у склона, где раньше был стадион, стоят, обсуждают что-то, вероятно, разнообразие видов туалетного мыла в гостинице; царственная Василиса в компании своей косы сидит невдалеке на скамеечке, греется на солнышке; задумчивый и несколько рассеянный сегодня ввиду неполадок физиологического характера упырь Мустафа, видимо, изучает архитектуру здания. Ну а Лира, разумеется, возле меня, ни на шаг не отходит.

Неужели в самом деле так боится? Вроде бы пока бояться нечего. Ну, про наш цирк поговаривают, конечно, будто бы тут призраки водятся, в силу особенности места его расположения. Мол, построен был цирк на месте бывшего городского кладбища, ходят там по ночам в подвалах неупокоенные души, стенают, охают, цепями клацают. Только мне родители говорят, что это всё чушь, и на самом-то деле городское кладбище вовсе не тут было, а подальше, и что сказки это всё сказывают люди небрежные. Чтоб цирк, значится, не ремонтировать.

Я поглядела на цирковое здание. Некогда гордый его анфас украшала небольшая скульптурная композиция из двух весело приплясывающих клоунов, – мне они почему-то напомнили вдруг двух привратников-сфинксов. Один клоун всё ещё продолжал веселиться, как паяц из небезызвестной драматической песенки; состояние духа второго же оставалось неведомым за неимением у клоуна головы. Вот так. У сфинксов вот нет носа, но хотя бы есть голова.

Открытие мастер-класса начнётся ещё не скоро, но это ничего. В принципе, даже хорошо, что мы приехали за полчаса; Мирослав Добрыньевич как раз и просил прибыть немного пораньше, насколько это возможно.

Разумеется, вблизи здания ещё никого не было. Мы самые первые. Как всегда, не в ладах со временем, ворчала я про себя, – то опоздаю на полчаса, то невообразимо раньше прихожу. Интересно, где сейчас, собственно, виновник торжества, звезда мирового масштаба, всемирно известный ведьмак?..

Знала я о Самуиле Неказистом весьма немного. До неприличия. Пожалуй, если уж так честно сказать, не знала почти ничего, кроме того, что он очень знаменитый и талантливый ведьмак.

Между прочим, давеча я поведала обо всех своих неприятностях моему закадычному приятелю, гуманному Горынычу Геродоту. Дружим мы с Горынычем ещё издавна; честно говоря, это он-то меня до Университета некогда и надоумил, он здесь тоже в качестве одного из преподавателей (а точнее, сразу трёх, головы-то у Горыныча целых три), – театральным искусством ведает... Так вот, сам-то Геродот, к слову, с Самуилом Неказистым на короткой ноге, намекнул даже, что сегодня вместе с ним в программе тоже готовит что-то интересное. Обещал у Неказистого для меня автограф выпросить, а может, и за кулисы сводить...

Вокруг начинали собираться люди. И не только люди.

Целью лично моего прибытия сюда было, в основном, знакомство с богатейшей культурой мифических существ разных национальностей. Изначально. Теперь же, когда в число моих задач вошла опека над всеми этими ребятами, надо сказать, позиция моя ко всему этому поменялась почти что радикально. А именно, из пассивной переросла в активную. Я даже с изумлением обнаружила в себе некий идущий из глубины души порыв и жажду проявить себя; в свою очередь, рассказать о себе и о своей культуре.

Ну, впрочем, надо же когда-то начинать, хм-м... создавать себе репутацию, что ли. Жаль всё-таки, что я не выступаю.

Хотя не скажу, что входить в число студентов этого чёртового ЗУДД, – это очень здорово. Простой ведьмой мне больше нравилось быть. По крайней мере, когда я стала ведьмой, это было весело... А потом этот чёртов Горыныч, ну пристал же ж, как банный лист, так и не отдерёшь!.. Ну ладно, на самом деле это я пристала. Но он-то был не дурак! вот чего сразу тогда меня, неразумную, не вразумил, а?! А потом каким-то непостижимым образом мне удалось и к Мирославу Добрыньевичу в ученики навязаться. Эх... впрочем, всё это уже совсем другая история. Как-нибудь надо будет её тщательно и в деталях припомнить, чтобы записать для хронологии событий, так сказать, – сейчас же ностальгировать времени нет.

Да и желания. Нужно всё-таки найти и выловить где-нибудь Мирослава Добрыньевича...

А Горыныч дурак, нет чтоб прийти, помочь, лично нас познакомить с мировой звездой, объяснить, наконец, что здесь и как.. Чтоб уж как-нибудь по-человечески. Он-то, простите, с этим самым Самуилом вместе работает! Так нет же. Хотя, насколько я понимаю, у него какие-то сложные отношения с нашей университетской администрацией, вот, наверно, головы и прячет в песок, раньше времени не показывается... Хе-хе, хорошо, что мне это по наследству не передалось. Я-то с Мирославом Добрыньевичем вполне себе в ладах. Правда, думается, я всё-таки не всегда его понимаю. Непростой он человек, иногда словно бы как не от мира сего.

Ха-ха... впрочем, кто сейчас от сего мира? Особенно в нашей среде это, пожалуй, уже и не актуально. Да и группка вон тоже подобралась довольно непростая. Чёрт побери, один Феофан чего стоит. Чёрт побери!.. Да нет, пожалуй, что у нас тут каждый экземпляр почти что уникален. Как будто специально подбирали, по самым интересным архетипам.

Я продолжила оглядываться. Народу собралось уже прилично. Как минимум, десять различных этнических групп. И верно: вон там явно египтяне под деревьями расположились... странно, неужели им с их-то родным климатом здесь жарковато? Ну матушка-Молдова, полна же ты сюрпризов.

Там вот, возле остановки, уже курлычет группка дриад. Чуть поодаль – статные эллинские мужи, ни дать ни взять, Геракловы сынишки.

А вот и шумеры... м-м, это что же, и сам Хумбаба вместе с ними?

Это, значит, уже целых четыре группы, считая нашу.

Ишь, представительные какие, с некоторой завистью подумала я, не то, что эти вот. Я покосилась на Феофана, который, стоя у всех на виду, прямо перед входом цирка, и некрасиво выпятив зад, развлекался тем, что строил рожи каменным паяцам.

Истинный турист.

Кто-то там ещё, – то ли Клара Батыевна, то ли Горыныч, – что-то мне говорил о зловещей группке каких-то заокеанских инопланетян не помню какой национальной принадлежности, – между прочим, из разряда «не подходи – убьёт», как я поняла со слов рассказчиков. Назывались они... Да; тут ещё очень некстати выяснилось, что каждая группа должна иметь своё зарегистрированное название, с чем мы, разумеется, уже опоздали, – так и останемся «группой русскоязычных нечистых», и далее по тексту; а вообще-то, как я уже не раз говорила, мне до всего этого нет никакого дела... Так вот, те, заокеанские назывались как-то очень невнятно; по-моему, что-то на букву «М»... Но я такие страшные слова, тем более, на другом языке, не запоминаю. Мне даже кратко описали, как там их предводитель выглядит. Ну, вроде как, чтоб я поостереглась маленько, на всякий случай. Ха-ха; не думаю, чтоб заокеанские инопланетяне оказались страшнее, чем Хумбаба в семейных трусах. Или Феофан. То есть нет, он-то, в смысле, одетый...

Я решила пройтись немного взад-вперёд. Долгое стояние на месте меня раздражает и, по-моему, даже действует деструктивно на мыслительную активность. Да и, может, так скорее натолкнусь на Мирослава

Добрыньевича. В прямом даже смысле. А, да в каком угодно… в принципе, если я врежусь в него, аки в фонарный столб на своём пути, думаю, он сильно ругаться не будет.

Внезапно народ повалил внутрь здания; я спешно созвала ребят, чтобы присоединиться ко всеобщему течению.

Что ж, магистры в самом деле поработали на славу: похоже, цирк наконец-то обрёл былой блеск. Хотя бы только в Бета-измерении и только на время мастер-класса… Жаль, но я не застала лучшие времена нашего цирка. Зато хоть теперь смогу вволю наглядеться. А по окончанию мероприятия, как ни печально, это замечательное архитектурное творение снова прекратится в развалины. Как карета после полуночи – в тыкву.

Но покуда всё не так, Золушка может насладиться балом. Даже жаль, что простые сограждане, не владеющие магическим даром проникать в другие измерения, не смогут полюбоваться этим зрелищем! Я с каким-то упоением принялась было разглядывать окружающую меня обстановку, но мысль о том, что я здесь не одна, почти тут же заставила притормозить и пересчитать головы. Так. Опять разошлись по всей розе ветров. Василиса с Мустафой увлечённо изучают интерьер. Картины, изображённые на стенах. Эх, замечательные картинки… Самое интересное, что стоят-то оба моих упыря в противоположных сторонах зала, а выражение лиц у них сейчас почти одинаковое. Дуняша сбоку, – что-то расспрашивает у Лиры. Брат же Лиры, похоже, решил прицепиться к какой-то эллинке откровенно откровенного внешнего вида. Я тихонько вздохнула: каждый в своём репертуаре, что ли… ну и я тоже.

Так-так; а вон там, кстати говоря, видимо, тот самый страшный человек из группировки на букву «М». Стоит в уголке и мило улыбается, тоже делая вид, что изучает статуи трёх львов. Почему – делая вид?.. Не знаю даже, как объяснить, но мне показалось, что человек этот однозначно сейчас думает не о каменных изваяниях. Выражение лица не совпадает. Хотя Горыныч мне сказал, что он всегда как-то пакостно щерится. Тощенький костлявый блондинчик, на щеке какой-то таинственный символ, напоминающий молнию (ну вот: все, кому не лень, принялись пародировать Роулинг); глаза – почти что малиновый цвет. Линзы, что ли? С них станется. Заокеанские! Может, внешность себе специально меняют. Правда, этот парень и так, по-моему, странный. Весь в белом… не боится, что это слишком заметно? Ещё и блондин… пф-ф. Не-е, не кажется он мне таким уж жутким, однако какая-то затаённая недоброжелательность в нём, определённо, есть. Чувствую я, когда с человеком не стоит разводить длинных сократических бесед.

Я чуть отошла и ещё раз осмотрелась.

То ли народу поприбавилось, то ли так воздействовал эффект закрытого пространства, а только после того, как мы сюда вошли, странным образом мне стало казаться, что здесь очень людно и шумно. Не будь я привычной в стенах родного Университета к подобным толпам, – которые, помимо всего прочего, ещё и проделывают довольно странные вещи: кто колдует, кто решает задачки на преобразование тончайших полотен материи, кто измеряет свёртываемость плоскостей, кто музицирует, репетирует драм-сценку, расписывает воздушные столпы, качает пресс, сам с собой разговаривает; наконец, ест бутерброды; – я бы, пожалуй, так и застыла в немом размышлении о пространственно-временном искривлении.

Застыла я, впрочем, и сейчас, ибо подобного разноцветия культур мне ещё видеть не приходилось. Да таких развёрнутых спектров и нашим метафизикам не снилось!

Сюда уже подоспел отряд былинных богатырей различных времён, этносов и весовых категорий; русалок самых необычайных расцветок чешуй и длинных, как на подбор, волос; здесь бродили эллины и египтяне, скандинавы и африканцы; гуманоидные цветковые и негуманоидные древовидные; эльфы и гномы, сфинксы и сильфы.

Мне даже показалось, что на мгновение я увидела самого Заратустру, но это, конечно же, мне только показалось.

Между прочим, где-то среди толп я начала замечать и фигуры преподавателей.

Здесь же, к слову, о пророках. Кассандра Мельпоменовна, по-видимому, тоже решила почтить собрание своим присутствием… как уж без неё-то.

Кассандра Мельпоменовна Аброка… Арбока… никогда не могла запомнить её фамилию. В общем, это ещё один наш преподаватель. Преподаёт она, в основном, искусства прикладные и совершенно немузыкальные, как то: высокий язык обывательской сферы; риторика психологии, психология риторики; психологически риторичный язык в сферическом вакууме социума… Я не очень её любила, вернее сказать: не понимала. Высшим наслаждением, например, для Кассандры Мельпоменовны было чтение бульварных романов, пустых, одинаковых и, более того, каких-то одноразовых. Высшим неудовольствием – желание студента докопаться до сути преподаваемых положений. Иные, однако, её прямо-таки обожали: должно быть, сильно брала Кассандра своей засахаренной улыбкой феи-драже и тихим, прямо-таки умирающим голосом, на грани тончайших фальцетно-змеиных шепотков. Когда же ей случалось заговорить, я довольно-таки часто испытывала едва сдерживаемое искушение заткнуть уши чем-нибудь потвёрже, - ибо мне почему-то казалось, что через них прямо в мой мозг заливают какой-то отвратительнейший жирный елей. Елей щекотал мне уши, щекотал в носу, щекотал в горле, - так, что в конце концов хотелось как следует прокашляться. Я брезгливо поморщилась и поскорее отогнала наваждение, обращая свой взор в другое место.

Адские хроматизмы! Начало уже скоро, а я, кажется, совершенно не в курсе дел. Остальная группа, конечно, и не чешется: им хоть бы что. Одна я тут сиди да непонятно из-за чего переживай.

«Можно подумать, это я тут небесный доброхот», - проворчала я себе под нос, недовольно наблюдая за тем, как Лира довольно безмятежно ведёт светские беседы с Дуняшей. Ну, всё. Вот вернёмся домой, я кого-то накажу. Да так, как мой наставник-оборотень учил! А что: сделаешь, бывало, три подхода по двадцать отжиманий, - тут же и от души как-то отлегло, и мир прекраснее, и трава зеленее…

Эх-х, да не буду я никого наказывать, конечно же.

А это у меня всё нервы, нервы. Вон уже и руки дрожат, лапы ломит, хвост отваливается… Да где же, наконец, этот Самуил, где Мирослав Добрыньевич, где хоть кто-нибудь?! Ну, на худой конец, Геродот… За несколько лет тесного общения с этим гиперактивным (и гипернаглым, между прочим) Горынычем я всё-таки кое-чем вполне сносно овладела, а вдобавок ещё научилась безошибочно чувствовать его присутствие (как самого Горыныча, так и его горынычьей ауры, которая после этого самого присутствия имеет свойство на какое-то время зависать в воздухе). Но вот что касается точного местоположения, - тут уж, простите… с географией у меня, признаться, не всегда и не во все времена бывало гладко. А по правде говоря, у меня, вероятно, топографический кретинизм. В самой типичнейшей его форме.

Я запрокинула голову и воздела глаза к потолку, в отчаянии ища поддержки у здешних энергосберегающих ламп. Однако лампы не вняли моим молчаливым мольбам и продолжили мирно и плодотворно сберегать себе энергию.

И этим проклятым университетским, которые какого-то рожна затащили и меня в свою компашку. То есть, ну… затащилась-то я, конечно же, сама… Ах, не сиделось мне на месте! Была бы спокойно себе дальше ведьмой… простой ведьмой, без высшего образования.

Я устало выдохнула, опуская глаза от потолочных высот и тамошних облаков, и тут увидела направляющегося прямо ко мне с широкой улыбкой гражданина в длинной кремовой мантии. Мирослав Добрыньевич!.. Какое счастье. Я помахала рукой, сделав несколько шагов навстречу. Мирослав Добрыньевич заулыбался ещё больше.

– Ну, все на месте? – произнёс он вместо приветствия, прямо-таки олучезаривая меня своим радостным выражением лица. Я, не желая помрачать светлых энергий, витающих вокруг моего преподавателя, тоже улыбнулась и кивнула.

– Вот и отлично! Вы замечательно справились, Флорина, – похвалил Мирослав Добрыньевич. – Мастер-класс скоро начнётся, и вы сможете избавиться от этого бремени.

Я вдруг испытала колоссальное облегчение, ну вправду, точно гора с плеч свалилась, да не просто гора, а целый горный массив. Мирослав Добрыньевич, вам бы в церкви работать да круглосуточно людям грехи отпускать, что ли.

– Только вот тут, знаете, такое дело, – произнесла я, осмелев, – Лихо трёхноздрёвое, официальный групповой предводитель, за скорбным состоянием здравия нас своим присутствием не почтило.

Светлый лик декана тут же подёрнула лёгкая, как корка льда первыми декабрьскими морозами, печаль.

– А это вот нехорошо, – заметил он, в задумчивости разглаживая аккуратную золотистую бороду, – без предводителя нас не пропустят... Знаете почему, Флорина? – он поглядел на меня проницательными, как у ястреба, серыми глазами. Мирославу Добрыньевичу известно, что я просто ненавижу пустых бессмысленных правил и догм. Если уж мне сказали «нельзя», я всегда хочу быть в курсе, почему именно нельзя; а если не объяснят, наплюю на все официальности и буду делать по-своему. Может, это плохая черта, – вот в армии, например, меня с такой установкой точно ждала бы масса неприятностей, – но я считаю, что довольно глупо связывать себе руки всего-навсего из-за чьего-то «нельзя, не положено». В самом деле, вдруг тот человек ошибается?

– Не знаю, – пожала плечами я, – Клара Батыевна ввела в курс дела, но никаких опорных конструкций, конечно же, не предоставила.

Мирослав Добрыньевич улыбнулся.

– Группы делятся по принципу цикла гармонии, – охотно начал объяснять он. – Таким образом, в каждой из них должно присутствовать по одному представителю как минимум пяти элементов-стихий: Элементов Огня, Воды, Воздуха, Земли и Эфира; либо, соответственно китайскому делению: Огня, Воды, Земли, Дерева и Металла. Допускаются смешанные группы, допускается замена какого-либо Элемента аналогичным по свойству или роли.

– Вот оно как, – удивлённо произнесла я. – Это чтоб драки никто не затеял, да? Внутренняя гармония, великий Беспредел и всё такое.

– Вроде того, – усмехнулся Мирослав Добрыньевич. – Выходит, ваша группа теперь в каком-то смысле лишена гармонии. Что будем делать? – он мягко поглядел на меня, как будто и в самом деле предлагал пораскинуть мозгами вместе с ним. Разделить честь благородных дискуссий в поисках решения задачи.

Я вздохнула: Мирослав Добрыньевич всегда предоставляет свободу выбора. Это самое худшее. Отвергать общественные работы мне под его взглядом совесть не позволит. Но согласиться обратно взваливать бремя на свои плечи – значит позволить себя эксплуатировать всуе, а это в наше время весьма и весьма плохое свойство характера! Я ведь ему ещё про шантаж Клары Батыевны не рассказала. Что делать будем, ведьма?

– Заменять недостающий элемент, – уныло произнесла я, кажется, уже смиряясь с ролью слабовольной детали декора. А как иначе поступить? Прямо сейчас, за несколько минут до начала мастер-класса мы нигде срочно недостающий элемент не найдём. Это хуже, чем иголка в стоге сена. Иголку-то можно хоть, в случае чего, магнитом примагнитить, хотя и не велика вероятность, что тот самый магнит такую крохотную иголочку среди сена притянет...

Но нет, постойте-ка, вдруг сообразила я: Кикимора Василиса, царевна белорусских топей наверняка олицетворяет стихию Воды; Лира моя, небесное существо, – это Воздух; чёрт Феофан, в противовес ей, – Земля; кровожадная и вспыльчивая Дуняша – Огонь; Мустафа... Мустафа вечно стоит как столб соляной, наверняка Металл какой-нибудь китайский или Дерево. Погодите-ка, вроде бы всё на месте. А я тогда тут причём?..

– Да нет, не складывается что-то здесь, – я хитро ухмыльнулась, погрозив пальцем. – Путаете вы меня, Мирослав Добрыньевич! Все элементы у них на месте. Вода, Воздух, Земля, Огонь, Металл. Воздух, скорей всего, заменяет близкое ему по свойствам Дерево. Путаете вы тут что-то! По-моему, им больше никого и не надо, – я поглядела через плечо, поискав глазами пасущееся неподалёку стадо моих подопечных. Судя по всему, в блаженном состоянии великого Беспредела, а именно в наиболее примитивном его проявлении «никого и ничего не надо», они пребывают перманентно и с самого рождения.

– А как же Эфир, – ласково улыбнулся Мирослав Добрыньевич. – Всегда должно быть что-то, что располагается над циклом и в нём не участвует, как бы наблюдая со стороны. В структуре четырёх стихий дополнительный элемент – Эфир. В структуре пяти – обнимающий всё ветер, всегда незримо присутствующий среди них. Нет, элемента у нас здесь всё-таки не хватает...

– Понятно, – слегка упав духом, произнесла я. – Значит, всегда должен быть какой-нибудь «плюс один», я так понимаю. Ну хорошо. Так тому и быть... записывайте меня в волонтёры. Только как мне обозвать-то свой элемент заменяющий?.. – я закусила губу, тревожно задумавшись: с овладением Элементарной науки у меня пока что дела шли из рук вон.

В нашей университетской теории принято считать, что в тебе с самого рождения заключена энергия какой-либо Стихии. Эта-то энергия и предопределяет твои способности, темперамент, склонности, вкусы, причуды. Разумеется, судьба дарования находится в наших руках; его можно либо развить, либо подавить, либо даже переплавить во что-либо иное (известны опыты с переходами внутренних Стихий из одной в другую; правда, пока что результаты ещё неоднозначны, а выводы довольно туманны). Кроме того, программой Университета предусмотрен предмет, изучающий управление различными стихийными Элементалями; и, таким образом, каждый студент вынужден познакомиться с ними со всеми... Но это лишь что-то вроде инструментов в твоих руках. В самом деле, какой такой маг не владеет самыми примитивными навыками общения с Огнём, Водой, Землёй?.. Этому ещё в школе учат. А вот стихия, заложенная в тебе от рождения, – это как бы и есть ты сам. Твоя жизненная программа... если угодно, твой индивидуальный дар.

Сложность состоит в том, чтобы этот дар правильно раскрыть и распознать. К сожалению, причина возникновения и проявления у разных людей определённых Стихий до сих пор остаётся загадкой: никакой наследственной передачи не существует; высчитать всё это по звёздным картам, анализам крови или генотипам родителей не представляется хоть сколько-нибудь возможным. Никто заранее не может знать, с каким даром предстоит появиться на свет новой единице. Сторонники сдержанных мер, правда, утверждают, что должное воспитание с самых ранних лет даёт возможность развить у ребёнка склонность к той или иной Стихии; кто знает, может, они и правы. Существуют также соответственные диеты для будущих мам; якобы сохранившиеся ещё издревле заговоры на воде, соли и крови осьминогов; наконец, помощь экстрасенсов, – впрочем, последнее, по-моему, уж явное шарлатанство... Во всяком случае, по достижению ребёнком возраста старше десяти лет целенаправленно воздействовать на заложенную в нём Стихию тем или иным образом воспрещается. Здесь уже имеет значение только верное распознавание Дара и ориентировка человека на его Путь.

Моя же глобальная проблема состоит в том, что в какой-то определённый период жизни меня вели неправильно. Не нарочно, конечно, а потому что так оно получилось; да и мне, наверно, следовало проявить больше твёрдости в отстаивании права быть собой... с другой стороны, я тогда плохо понимала, что к чему, не могла сформулировать, чего я по-настоящему хочу, и уж тем более смутно себе представляла, что мне, собственно, необходимо.

Таким образом, я ступила на сложный путь Университета в то время, когда внутри меня враждовало сразу несколько противоборствующих стихий: Земли, Огня и Воздуха. Земля склоняла меня к пассивной манере бытия; Огонь в то же самое время бушевал в крови и не давал никакого душевного покоя. Спас меня

от всего этого кошмара в своё время оборотень Святогор, разгадавший во мне нежданно-негаданно ещё и третью стихию: воздух. Воздух несколько уравновесил меня, лелея и раздувая Огонь, при этом не калеча уже понёсшую некоторые потери Землю. Он встал между ними посередине, как нечто связующее и содержащее в себе элементы того и другого. Таким образом, необходимый баланс в моей личности был восстановлен, и самая личность была спасена от своего распада. Однако теперь, в свою очередь, к нагрузке моей прибавился мучительный процесс овладения ещё одним элементом. Я бесконечно путалась, металась из крайности в крайность и порой часами размышляла, какая стихия, а значит, и тип реакции подойдёт к данному случаю. Многоцветие и разнообразие подходов, вариаций и разветвления путей сводили меня с ума. Разумеется, вступление в Университет ничуть не решило всех этих проблем, а скорей, даже усложнило. Я избрала мирный Земной путь теоретика, дабы не подвергать свою триединую (а скорей три-раздельную) сущность излишним стрессам; однако, как и ожидалось, более активные стихии Огня и Воздуха теперь не позволяют мне и минуты свободно вздохнуть, снедая изнутри сомнениями и упрёками по поводу неправильно выбранного пути. Одним словом, медленно уничтожают. Особливо зверствовал поначалу противоположный Земле Воздух, жаждущий активных действий и повышенной коммуникабельности.

Как бы там ни было, но я, своего рода, трёхэлементник. Как и мой друг Горыныч, кстати. Потому мы с ним и подружились, три головы трёх голов поймут.

– Я полагаю, ваш Элемент – Музыка, – широко улыбнулся Мирослав Добрыньевич, вдруг легко разрубая мой Гордиев узел. – Во все времена было известно, что Музыка очищает и гармонизирует. Вполне соотносится с ролью. Как вы на это смотрите?

Я смотрела на это в высшей степени положительно.

– Спасибо вам, Мирослав Добрыньевич, – с чувством изрекла я, – вы просто волшебник.

Декан добродушно рассмеялся.

– Все мы не волшебники, а только ещё учимся, – заметил он скромно, глядя куда-то в сторону. – О, а вот, кажется, и Самуил Неказистый пожаловал. Самуил! – он радушно простёр руки, направляясь навстречу некоему субъекту, который, услышав оклик, немедленно изменил свою траекторию и приблизился к нам. Они с Мирославом Добрыньевичем тут же крепко и дружественно обнялись; после чего я имела возможность, наконец, разглядеть звезду мирового масштаба.

Звезда представляла собой человека среднего роста и комплекции, бритого, черноволосого и смуглого. Лицо у ведьмака Самуила было открытым и приветливым, с живыми глазами и подвижными чертами, что говорило об эмоциональности и, возможно, словесной активности данной персоны. Одеяние на мировой звезде сидело аккуратно и весьма соответствовало приподнятым настроениям нынешнего дня: длинная тёмно-синяя накидка, чёрные брюки и рубашка с жабо, как у джентльменов девятнадцатого века.

– Приветствую тебя! – радостно возгласил Мирослав Добрыньевич. – Как поживаешь, Самуил? Давно что-то от тебя ни слуху, ни духу…

Я улыбнулась. Судя по всему, они с нашим деканом – давние знакомые. Стоило этого ожидать! Связи Мирослава Добрыньевича неисчислимы.

– Да всё помаленьку и полегоньку! – охотно отзывался ведьмак; глаза его горели тёплым огнём. – Как видишь, решил, наконец, выйти из тени. Жизнь гастрольная, конечно, утомительна, но без неё артисту никак. – Он улыбнулся и тут обратил внимание на меня. – А кто сия барышня? Познакомь нас, Мирослав.

– Охотно, охотно, – Мирослав Добрыньевич улыбнулся, тоже поворачиваясь ко мне. – Ведьма Флорина, одна из лучших моих учениц.

– Одна из лучших! Молодец, – покачал головой Самуил, протягивая мне руку для рукопожатия.

– А вы, я так понимаю, ведьмак Самуил, – я тоже улыбнулась, отвечая на его жест. Мне вдруг стало как-то совсем легко. Неожиданная похвала со стороны моего учителя приятно польстила и окрылила меня, хотя я,

признаться, не знала, говорил ли он это сейчас вполне откровенно. – Много о вас наслышана. Рада увидеть, наконец, лично.

– Взаимно, – ведьмак пожал мне руку. Ладонь у него сухая, крепкая. Это хорошо. Уверенный в себе человек. Наверное.

Ну, или, по крайней мере, у него всё нормально с механизмом потоотделения.

– Флорина возглавляет одну из русскоязычных групп, – пояснил Мирослав Добрыньевич, – за отсутствием у оной собственного предводителя.

– Достойная и нелёгкая задача, – похвалил Самуил. – Я сам, помнится, руководил когда-то на интернациональной встрече парадом демонов, – можете себе представить, только что из самой преисподней! Ух-х, и тяжко же тогда пришлось, – Он ухмыльнулся, видимо, предаваясь приятным воспоминаниям. – А как, между прочим, называется ваша группа?

– Да вот с названием-то мы припозднились, – почесала в затылке я. – Меня насчёт этого вовремя не известили, так я ничего и не предпринимала. А сегодня, говорят, уже поздно регистрироваться.

– Пф-ф! Это кто это сказал, будто поздно? – фыркнул ведьмак. – Ничего не поздно! Сейчас пойду разберусь. Ничего такого не знаю, имя команде нужно. Имя определяет характеристики команды и, между прочим, даже её дальнейшую судьбу, – он подчеркнул это, подняв указательный палец вверх.

– Магия имени, Флорина, – значительно изрёк Мирослав Добрыньевич.

Я удивлённо приподняла брови.

– А нет имени – получается, нет судьбы, – констатировала я.

– Значит, надо срочно придумывать, – сказал декан. – Ну-ка, давайте все вместе подумаем.

И мы задумались. Это было довольно забавно: двое серьёзных магистров, представительных, высоких, при мантиях; рядом с ними щуплая маленькая студентка хулиганистого вида, – и все трое стоят посреди зала в глубоком раздумье, будто решая проблему расширения Вселенной.

– Надо понять, что вас всех объединяет, – задумчиво проговорил Мирослав Добрыньевич, снова теребя свою клиновидную бороду цвета спелой ржи.

– Да пожалуй, что ничего, – хмыкнула я. – Более разношёрстного собрания я ещё не видывала. Упырь, вампирша, кикимора, ведьма, чёрт и...

– Ну погодите, может, есть и у вас какие-то общие интересы? – мягко прервал Мирослав Добрыньевич, тепло улыбаясь. Я задумалась... да разве знаю я их всех досконально, чтоб уж и об интересах судить? Мне только пока и понятно, что один у нас тут трусоват, другой головы любит расшибать, а третью вон кусковое мыло раздражает. И всё же вдруг, – и, несомненно, причиной тому явилась благодатная аура окружающих меня высоких мастеров своего дела, – необходимое решение пришло почти само собой.

– Музыка! – выпалила я. – Точно, музыка.

И верно. Я вон на гитаре играю, слагаю песни, Лира – на скрипке; Феофан, как выяснилось недавно, в свободное от хулиганства время осваивает флейту Пана. Дуняша, по слухам, в некоторой степени владеет клавишными инструментами, – детским пианино о тридцати клавишах... О вкусах Кикиморы Василисы мне ничего доподлинно не известно, но, наверняка, она там в своих топях какую-нибудь барабанную дробь на пеньках выводила. Ну, а Мустафу мы на бас-гитару определим, чтоб стоял, молчал и долбил одну ноту. Может, хоть так сотрясение мозга себе не заработает.

– Прекрасно! – похвалил Мирослав Добрыньевич. – Теперь необходимо исходить из этого.

Музыка, шевелилось у меня в голове. Музыка мифа, музыка с границы преисподней и Рая, песня бродячих сказочников, песня о сказочной душе, песня пяти стихий... шести... песня шести? Секстет. Секстет шестёрки... тьфу, тавтология... шестёрка бубновых дам и кабальеро, – это у меня уже Клара Батыевна с её

странными выражениями на уме... Три карты, три карты, три карты. Какого чёрта, раньше я почему-то умела придумывать эффектные названия, а сейчас в голову лезет какая угодно чушь, и всё мимо.

– А чтоб складнее было, вы это на иностранный язык какой-нибудь переведите, – посоветовал ведьмак Самуил. – Я точно знаю: хотите выгоднее подать какой-либо продукт, назовите его покрасивше да позаковыристее по-иностранному, и готово.

– Позаковыристее, – невесело усмехнулась я. – Тогда уж пусть будет какое-нибудь итальянское «Канто», и дело с концом. Другого я сегодня не придумаю.

– «Канто»... а что, неплохое начало, – одобрил Мирослав Добрыньевич. – Но тут необходимо конкретизировать. Чьё пение?

– Пение. Пение, – бубнила я под нос. Кто может издавать пение? Пение стихий... воды... огня... воздуха...

В воздухе раздался какой-то звон. Самуил Неказистый и Мирослав Добрыньевич подняли головы: вероятно, это был некий сигнал к началу представления... мне же он путём неожиданных ассоциаций преподнёс странную идею.

– Песня ветра, – сказала я. Меня не сразу услышали. В принципе, мне было всё равно: я устала думать о бесполезных вещах, мне хотелось поскорее избавиться. Разумеется, ветер – то есть, стихию воздуха, – в нашей группе представляет только Лира, а частично и я, но, раз уж Мирослав Добрыньевич говорит, что ветер охватывает все пять стихий, то...

– Здорово! – одобрил ведьмак Неказистый. – По-итальянски получается что-то вроде: «Канто дель венто». Звучит!

– Можно сказать даже: поёт, – добавил Мирослав Добрыньевич, подмигнув мне. – И, что важно, произносится на одном дыхании. Хорошо, Флорина! Идите, побродите здесь. Мероприятие скоро начнётся, и... батюшки! Кого я вижу! Саваоф Даниилович! – декан неожиданно понёсся обниматься с очередным старым знакомым. Я неуверенно поглядела на Самуила. Тот жизнерадостно улыбнулся мне в ответ.

– Идите, идите! – позволил он. – Я сам занесу ваше название в протоколы.

– Спасибо, – несколько смутилась я. С чего вдруг такая честь?

– Был рад встрече, – ведьмак тоже подмигнул мне, но как-то не так, как Мирослав Добрыньевич, – и исчез. Ну да и ладно, подумала я про себя, не всё, в сущности, так уж безнадёжно. Мирослав Добрыньевич появился, нашёл меня, даже ведьмаку Самуилу представил и название группе помог придумать, – значит, всё в порядке...

Глава 4. Шесть крыл и девять хвостов.

Я растерянно огляделась по сторонам, ища глазами группу, однако тут заметила, что Мирослав Добрыньевич снова приближается ко мне. На этот раз – в сопровождении совершенно иного лица. Всегда поражалась его энергичности.

– Флорина, мне бы хотелось познакомить вас ещё кое с кем, – произнёс декан. – Представители иудейской мифологии. И их замечательный предводитель: Саваоф Даниилович! – передо мной предстал улыбающийся во весь рот господин крайней степени лучезарности, голубоглазый, златокудрый... да ещё и крылатый. В размахе – раз, два, три... – шести крыльев его чувствовалась воистину чудовищ... я хотела сказать, чудотворная сила.

– Здрасьте, – поздоровалась я, с интересом рассматривая иудейского гостя.

Одет был гость, как ни странно, в классический костюм. Осовремененная версия ангела? Облачился во всё земное, грешное, чтобы не смущать страждущих больно светлым ликом. Впрочем, Лира вон тоже меня

на вокзале в обычной одежде встречала... Так это что ж, поди, родственники моей небесной подопечной пожаловали?
– Разговаривать с гостем лучше по-иноизмеренчески, – тихо подмигнул Мирослав Добрыньевич. – Нездешние они.
– А! Понятно, – кивнула я и мигом перешла на другое наречие. – Здравствуйте! Рада приветствовать вас в нашей стране. – в Бета-измерении, на нейтральной территории, принято говорить на языке рун, чтобы все друг друга понимали. Мало ли, кто откуда прибыл.
– И я тоже очень, очень рад, – заверил меня, не переставая широко улыбаться, этот дивный гражданин. – Серафим Саваоф, сын Даниила. Можно просто Саваоф, – он смерил меня взглядом, излучающим сияние как минимум двух тысяч атомных электростанций. Ну конечно. Шестикрылый серафим, как у Пушкина. Можно просто Бог.
– Очень приятно! Меня зовут Флорина, – сказала я.
– О, мне уже известно ваше имя! – отозвался шестикрылый серафим с изысканнейшей восторженностью в голосе.
– Я поведал о вас господину Саваофу, – пояснил Мирослав Добрыньевич. – Господин Саваоф выразил сильное желание познакомиться с одним из членов группы.
– С кем же? – я улыбнулась, про себя уже догадавшись, кажется, о ком идёт речь. видимо, Лире недолго сидеть под прикрытием.
– Нет-нет, я нисколько не обделяю всей группы. Для меня будет истинным удовольствием познакомиться с каждым из вас! – поспешил заверить вежливый серафим, а затем добавил, почему-то чуть понижая голос: – Но позвольте, я слышал, у вас здесь обитает родственная душа, ангельское создание, чьего имени я, к своему прискорбию, не ведаю... вы бы не представили нас?
– Спешу заверить, что я бы также проделала это с искренним удовольствием, – с приличествующим случаю пафосом отвечала я, – но, к моему прискорбию, в свою очередь, вынуждена заметить, что... как видно, вы страшным образом ошиблись, подобные вам ангелы нам, увы, не встречались. – выпалив всю эту тираду повышенной степени вежливости, я даже слегка перевела дух. Ну-у, Лира, попадись же ты мне на глаза.
– О... вот как, – тут же увял Саваоф Даниилович. – Что ж, видимо, в следующий раз!
– Думаю, вы ещё обязательно найдёте своего ангела, – подбодрил Мирослав Добрыньевич, улыбаясь другу и бросая на меня мимолётный вопросительный взгляд.
– всенепременно, – просиял Саваоф Даниилович. – Как бы там ни было, я уже рад знакомству с такой ответственной юной леди. Я сам несу ответственность за моих подопечных... Это восхитительная должность, но, вместе с тем, и полная постоянных неожиданностей, которые требуют срочного решения.

Я чуть не расхохоталась: не поверишь, серафимушка, как же ты сейчас был близок к истине. Буквально несколько мгновений назад.
– Это верно, – с достоинством отвечала я.
– А где же вся ваша группа? – осведомился Саваоф, не переставая широко улыбаться и как-то деликатно заглядывая мне через плечо. Мне почему-то причудилось, что он бы хотел добавить: «И отчего же вы прячете за спиной своего ангела?» Но, может, я просто слишком переживаю.
– Да вот они все, – я кивнула на ребят, которые толпились где-то сзади, и сделала им знак, наконец, подойти сюда. – А ваши где? – поинтересовалась я.
– Да вот они все, – Саваоф улыбнулся ещё шире. – Куда им деться. – И кивнул на уже спешащий сюда остальной народ. В лице нескольких довольно-таки занятных человек. Хм-м, а выглядят-то все как представительно... Как и сам предводитель, – в смокингах, галстуках, в туфлях начищенных до блеска, чёрт возьми... Я украдкой задумчиво оглядела себя: предчувствуя значительность события и не особенно понимая, какие здесь нормы

дресс-кода, я надела парадную, так сказать, свою красную блузку и наиболее прилично выглядевшую юбку, – то есть, ту, которую я ещё не умудрилась испортить пятнами от своих химических экспериментов над различными зельями... Но-о... вот нашего Феофана, например, запихнуть в форму было бы предприятием крайне неблагодарным и провальным заранее, поэтому так и остался он у нас облачком в штанах... хм-м, полуспортивных каких-то. Дуня с Василисой тоже оделись уж как умели... в частности, Дуняшин вампирский макияж меня несколько смущает. Нет-нет, я ничего не говорю, по-моему, сейчас даже вошли в моду такие чёрные кровоподтёки вокруг глаз. Очень оттеняет их красноту. И платьице это такое, тёмно-вишнёвое, с двумя... тремя... нет, постойте, сколько же там вырезов?.. Она что, оделась в мамину занавеску, которую кошка испортила? Или, уж скорей, в папину рыболовную сеть. В общем, это дело у неё тоже... тоже в образ, да. Вот. Василиса, конечно, нарядилась не в пример скромней: она, наоборот, во всём чёрном, закрытом, кружевном, – почти, как сама смертушка. Ну, или как гот. Хе-хе, ладно, одна моя подруга когда-то тоже, можно сказать, была приверженцем сией замечательной субкультуры, так что уж молчу-молчу... Где ж мне этих демонов понять-то? Я простая смертная. Ох-х, про Мустафу молчу уж тем более. Тёмное облачение, бледное лицо; соответственные случаю подглазные синяки. Ну да... все в образе, Станиславский верит. Достойно, достойно.

Одна только ангелочек наша, агнец божий, в белой рубашечке и белых штанишках. Бр-р, то есть, ну да, – дождевая фея она сейчас, а не ангел...

– Давайте знакомиться, – произнёс Саваоф, приветливо обводя взглядом присоединившуюся к нам компанию. Наши товарищи к этому времени также уже подошли и слегка недоумённо разглядывали шестикрылых серафимов. Шестикрылые серафимы, в свою очередь, с интересом изучали нас. Хм-м... чем же закончится вся эта игра в гляделки?

Мне надоело.

– Русскоязычная группа мифических существ, «Кантодельвенто», – представила я, лучезарно улыбаясь. – Практически в полном составе... к сожалению, пока что без предводителя, Лиха трёхноздрёвого, которое в данный момент скорбно воспалением третьей рудиментарной. Но я, её гид-провожатый, – группы то есть, а не ноздри, – и правая рука её лихого предводителя, со всей ответственностью заявляю, что являюсь её полноправным представителем. Можете даже считать, что предводитель присутствует здесь собственной персоной, – я бодро гнала откровенную чушь.

– Вы – правая рука? – с каким-то уважением поглядел на меня один из мужчин.

– Да-а, кажется, так, – протянула я, всё так же продолжая улыбаться. – Моё имя Флорина. Приятно познакомиться.

– Очень приятно, – мужчина неожиданно пожал мне ладонь. – Моя солидарность как правой руке от правой руки! Я – Гераклит Светлый.

Почти что Гэндальф Белый, подумалось мне.

– Вы тоже правая рука? – я засмеялась. По-моему, ребята они незлые... зря Лира так беспокоилась.

– Именно, – кивнул Гераклит. – А вы, случайно, не представитель Элемента Огня?

– Огня?.. – я немного растерялась. – Нет, вот Элемент Огня! – я сделала жест в сторону Дуняши. – Я тут, можно сказать, пятый элемент, – а скорей, пятый лишний и пятое колесо в телеге, недовольно отметила про себя я, – Элемент Музыки... и ведьма по совместительству, между прочим.

– Пятый?.. – как-то рассеянно повторил Гераклит.

– Ну да, пятый. – Я не стала рассусоливать тему и повествовать о том, как я не умею владеть своими тремя Элементами. Уж лучше буду каким-нибудь одним, но, по крайней мере, хорошим Элементом, во что хочется искренне верить.

Можно было бы, конечно, сослаться на Горыныча, но Горыныч никогда не рассказывал мне о своих взаимоотношениях с высшими силами. Иди знай, – может, его здесь не особенно любят?

КАНТОДЕЛЬВЕНТО

РУКОВОДИТЕЛЬ - ~~МИКИЛЛО ОТРЕПЬЕНКО~~ ФЛОРИНА

-выход из несуразных ситуаций
-кулаками размахивать и не делать это всуе
-ставить на место всяких идиотов

– Хм-м, вероятно, меня обманул вот этот цвет, – Гераклит улыбнулся, глазами указав на мою красную блузку, (и чего это он так пристально глядит, непорочный серафим?). – Обычно его выбирают представители Огненного Элемента.
– Да? – удивилась я. – Нет, я просто люблю красный.
– Огонь – это я, – нетерпеливо вмешалась Дуняша, – хотя не скажу, что мне это нравится. Очень приятно.
– Премного рад, – произнёс Гераклит, бегло оглядывая её и целуя руку. Ух-ты, как по-джентльменски. Похоже, мы попали в элитную среду.
– Счастливы видеть вас сегодня на мастер-классе, – мягко улыбнулся Саваоф. – Серафим Саваоф. А это – наша дружная группа и семья... Гераклит уже представился, он наш Огненный серафим и действительно известен как мой устрашающий первый помощник. – Мне показалось, что в глазах Саваофа промелькнула озорная смешинка. – Это, – он представлял дальше, – Серафимы воды, воздуха и Разума... Фалес, Анаксимен и Марк Аврелий. Марк, а где же Феня?..
– Отошёл! – сурово и как-то по-солдатски отвечал Марк.
– Ну хорошо, скоро, думаю, он к нам присоединится, – кивнул серафим. – Феня – это наш Элемент Дерева...
– Думаю, он ошивается где-нибудь поблизости, – просто заметил Гераклит.
– Хи-хи-хи, сжигающие дерево Элементы тоже, между прочим, неподалёку, – раздалось где-то прямо над моим ухом, – и я, признаться, чуть рефлекторно не заехала в живот стоящему сзади упырю Мустафе. – Хотя также не могу сказать, что мне всё это по душе.

Я тихонько скрипнула зубами. Чёртов Горыныч! Так и знала, что прячешься неподалёку!.. Сейчас, кажется, будет море крови. И не моей!

Недаром же я люблю красный цвет.

– Горыныч, – как можно ласковее произнесла я. – Как я рада тебя видеть! – Я развернулась назад и действительно, – ну кто б сомневался! – тут же встретилась лицом к лицу с Геродотом. Он нагло ухмылялся, глядя на меня в упор своими разноцветными глазами со всех трёх голов. Ох уж этот его коронный взгляд! Как меня бесит, когда он смотрит, аки Цезарь на отдыхе, – а мы тут только его и ждали. Нет, похоже, я сейчас всё-таки не сдержусь.
– Не ожидала? – хмыкнул Горыныч.
– Ну что ты, – мило улыбнулась я.

Мгновение, и...

– Ух-ты, – выдохнул Гераклит.
– Удар поставлен хорошо! – одобрил Марк.
– Ой-ёй-ёй, – Геродот теперь немного озадаченно смотрел на меня, слегка дотрагиваясь пальцами до покрасневшей щеки правой крайней головы, – и за что же это, интересно, любимый учитель заслужил такое обращение с собой?
– Горыныч, ты пещерный гад! – с чувством произнесла я. – Нет чтоб нормально и по-человечески: а) привести меня и нашу группу сюда; б) помочь найти ведьмака Самуила и познакомить с ним; в) или, уж, в крайнем случае, соизволить всё-таки выйти из тени и хотя бы поздороваться!.. Ну не-ет, Горыныч, знаешь, что с такими, как ты, делают?
– А что с ними делают? – с каким-то нездоровым интересом осведомился Гераклит Светлый. Я повернулась к нему, чтобы ответить, и уже даже открыла рот, как вдруг меня кое-кто опередил.
– Таких, как он, обычно забивают на шкуры, – сообщил оборотень Святогор, внезапно появляясь откуда-то из небытия. Ничего себе! Он тоже решил посетить наше шумное мероприятие? А подкрался-то как. Настоящее облачко. И не в штанах спортивных, как Феофан, а во вполне приличных себе классических серых брюках.
– Правильно! – одобрил тут же братец Лиры (помяни чёрта!). – На шкуры их надо.

Святогор, прищурившись, подозрительно оглядел Геродота, который почему-то всё так же продолжал стоять, приложив к щеке лапу, (видимо, я его действительно совсем уж растеряла, бедного), а затем скосил на меня глаза.

– Вижу, ты делаешь успехи, – констатировал он. – Хорошо. – Святогор ещё раз придирчиво и очень внимательно осмотрел гуманного Горыныча, как будто бы собирался с него скульптуру ваять. Не любит он Геродота. Как встретит – тут же тумака даёт, по-другому не может. По словам оборотня, пустой он змеище, только рожи корчить умеет.

Геродота подобное обращение, как видно, весьма задело.

– Что, не можешь наглядеться на меня? – не замедлил отреагировать он, тоже уставившись на Святогора и как-то ядовито усмехаясь. – Соскучился, что ли? – Лапу он, наконец, убрал от щеки. Ха-ха, похоже, он только что наложил заклинание невидимости на след от моего удара. Вот Горыныч!.. Театрал... не может без этого. Главное, чтобы костюмчик сидел! Может, поиздеваться над ним?

– Мы все очень скучали, – прервал мои мстительные мысли Мирослав Добрыньевич, – просто жить без тебя не могли. Где ты пропадал, Горыныч?

Геродот перевёл взгляд на него, затем на Саваофа со всем отрядом шестикрылых серафимов.

– Я не сомневался, – сказал он. – А отчитываться в своих делах я никому не обязан.

– Ну-у, – встряла я, – вообще-то, Горыныч, он твой начальник. Надо бы всё-таки немного и совесть иметь. – С этими словами я ловко сняла «косметическую» иллюзию, которую он сотворил. Ха-ха, получай, пластический хирург!

Святогор неопределённо хмыкнул сквозь зубы, заметив красный след на щеке Горыныча. Гераклит Светлый не удержался и прыснул со смеху, а Саваоф с остальными серафимами поглядели как-то уж очень понимающе.

Причём, честно говоря, уж не знаю, к кому относилось это понимание... ко мне или к Геродоту.

– Змеище получило позорное клеймо, – ехидно заметил Святогор. А затем незаметно так посмотрел на меня, – и, ух-ты! В его взгляде я прочитала весьма странное выражение. Святогор... улыбался! Одними глазами, но сам факт!.. Да ещё и улыбка, по-видимому, была адресована мне. Удивительно! Неужели и наставник-оборотень в кои-то веки мной доволен?

По лицам у Горыныча пробежало что-то странное; по-видимому, он быстро-быстро соображал. Потом рефлекторно дёрнул лапу, словно хотел дотронуться до щеки, но тут же, кажется, всё понял и со злостью посмотрел на меня. Я подавила смешок и украдкой взглянула на Мирослава Добрыньевича: по-моему, ему тоже стало весело. Да и все остальные присутствующие как-то очень мило улыбались.

Думаю, мы с ними сработаемся.

– Что ж, – произнесла я, – раз уж вся ваша команда в сборе, господин Саваоф, давайте уж и я вас познакомлю с моей... Как было сказано, Дуняша вот у нас – Огненный Элемент, а также местная вампирша, но сейчас сытая, так что не беспокойтесь; я – Элемент Музыки и ведьма филантропического склада ума. Здесь вот – Василиса, царевна Тьмутараканьских кровей, по совместительству кикимора, водный Элемент. Это – упырь Мустафа, Элемент Дерева, по совместительству очень хороший человек, – вы не смотрите, что он бледный, это у него сотрясение мозга от чрезмерного усердия... Это, – я подошла к Феофану, украдкой бросив выразительный взгляд на его дырявые штаны, – Элемент Земли. Собственной персоной. Феофан Задунайский... – Я ещё раз поглядела на штаны, затем перевела взгляд на кроссовки и немного усомнилась в том, что правильно представила братца моего небесного создания. Не Задунайский он Феофан, а какой-то Заплатанный. – Ну и наконец... – я приблизилась к Лире. – Наша представительница Элемента Воздуха, прошу любить и жаловать. Милый, добрый и мягкий весьма человек. В смысле, не человек, а дождевая фея. Одним словом, самое точное олицетворение своей стихии. – Я прожигающим взглядом воззрилась на ангелочка, стараясь всё-таки кое-как

скрыть свой праведный гнев. Стоишь, понимаешь, выкорёживаешься изо всех сил, правую руку из себя строишь и всё такое, а некоторые небесные тут, видите ли, дождевыми притворяются.

Но, узрев состояние, в коем находилась премудрый агнец, я тут же сменила гнев на милость. Похоже, злобные, страшные и столь разноликие дядечки изрядно напугали Лиру. Эх-х, надо что-то делать.

– ...Ну а предводитель наш, шестое чудо света, Лихо трёхноздревое, как я уже говорила господину ведьмаку, пребывает сейчас в долгосрочном отпуске, – продолжила я молоть языком, как бы невзначай дружески приобняв Лиру (пресвятая пентатоника, чего она дрожит-то так?!) – А вот когда вернётся, о том нас, к сожалению, не оповестило. Дела у него какие-то там срочные, нам, простым смертным, непонятные. Лихо наше, оно вообще такое... ну, не от мира сего, – я мечтательно закатила глаза вверх, как бы наглядно изображая всю недосягаемость сути таинственной души нашего «предводителя». Хи-хи, надеюсь, бред мой прокатит, они отвлекутся и не станут особенно зондировать ауру Лиры. Впрочем, когда я захочу, я могу вдохновенно врать с совершенно искренними глазами.

Может, именно поэтому Горыныч решил мной заняться...

– Как замечательно, – Саваоф Даниилович снова тепло улыбнулся. А он всё-таки, надо сказать, относительно приятный человек; в смысле, то есть, серафим, конечно же. – Ваша группа очаровательна... Я думаю, у нас получится подружиться. А знаете, ваше описание мне напомнило одну персону. Тоже предводителя одной из присутствующих здесь команд, тоже элемент воздуха. И тоже, как по-вашему... непостижимая, – улыбка Саваофа стала какой-то загадочной. Я чуть приподняла бровь.

– Церемония ещё не началась, я могу вас познакомить, – предложил Саваоф. – Её зовут Кассандра Мельпоменовна.

– Кассандра Мельпоменовна? – я немного напряжённо улыбнулась. – Хм-м, знаете, я, кажется, слышала о ней.

– Правда? – серафим внимательно посмотрел на меня.

– Да, – подтвердила я, – определённо. Весьма наслышана. Э-э, я тут покину вас на минутку, господин Саваоф... Доверяю группу вашим надёжным рукам. Помогите им немного адаптироваться здесь.

– Что ж, – Саваоф Даниилович немного удивлённо вскинул брови, однако тут же снова улыбнулся так же приветливо, как и доселе, – буду весьма рад оказать посильную поддержку.

– Вот и замечательно, – заметила я. А потом быстро цапнула за лапу Горыныча, который оказался как нельзя кстати рядом, и потащила за собой в неизвестном мне самой направлении. По-моему, серафимы несколько озадаченно смотрели мне вслед... ну а нашим-то, в принципе, и море по колено.

– Ну и куда ты меня тащишь, – лениво, даже почти без вопросительной интонации осведомился Геродот, не особенно, однако, сопротивляясь. Я не ответила, почти уже бегом несясь сломя голову по странному изогнутому коридору со стенами, изрисованными акробатами и арлекинами самых радужных цветовых оттенков; и, наконец, завернув за угол и скрывшись из поля постороннего зрения окончательно, остановилась, неслышно переводя дух. Геродот всё с той же ленивой усмешкой на всех трёх лицах наблюдал за моими операциями.

Отдышавшись, я отпустила его лапу, – во чёрт, только поняла, что я всё это время беспощадно тащила за неё Горыныча. Надеюсь, хотя бы тут у него следа не останется, а то Горыныч же у меня существо нежное.

– Геродот, мне надо с тобой серьёзно поговорить, – сообщила я ему, пристально глядя в глаза наиболее сознательной средней головы.

– Да? И о чём же, интересно? – Горыныч тоже глядел на меня внимательно, при этом, однако, не скрывая во взгляде иронии.

– Это очень важно, – заявила я, всё так же продолжая гипнотизировать его взглядом.

– Какая многообещающая фраза, – усмехнулся он, – и что такого ты мне хочешь сообщить? Ты беременна, что ли?

Признаться, от подобного пируэта мой мозг чуть не скрутило в конвульсиях.

– Чего? – я нахмурилась. – Горыныч, ты здоров? Что за странные вопросы? Может, ещё скажешь, что от тебя. – Я опустила глаза, пряча усмешку. Ну-ну, опять начнём играть в чей-зубок-ядовитее?

– От меня? – Горыныч приподнял все три пары бровей. – А вот это уже неожиданно… что у тебя за фантазии, ученица? Я тебя такому не учил.

– Наверно, потому что сам не умеешь так фантазировать, – я уже давилась смехом… и кто меня за язык тянул?! – А если серьёзно, Геродот, то мне надо тебя кое о чём попросить, – на всякий случай, незаметно оглядевшись, я перешла на русский. Геродот-то у меня тоже из иноизмеренческих будет, мы с ним так и познакомились… Ну да, а чему вы удивляетесь? Русскоговорящий человек кого хочешь заставит выучить свой родной язык, как бы тот ни сопротивлялся. У меня самой был один такой случай: ехала я как-то с моря в автобусе в компании мальчишек, которые говорили по-молдавски. Но русский тоже знали. На определённом уровне, конечно. Так вот, как вы думаете, на каком языке мы общались всю дорогу, пока не приехали домой?

– О-хо-хо, а зачем же такая конфиденциальность? – Геродот ухмыльнулся, но тенденцию мою перенял. И я видела, что он меня сейчас действительно внимательно слушает.

– Геродот, – тихо сказала я, – не говори, пожалуйста, никому о том, кем является по-настоящему представитель Воздушного Элемента русскоговорящей группы со звучным названием. Усёк?

Разумеется, Горыныч, как близкий друг, был посвящён в тайну происхождения сего Воздушного Элемента.

– Хи-хи, и всего-то, – Геродот снова перешёл на язык рун. – Да я уж заметил, как вы там всё это провернули. Хитрые детишки… А не боитесь, что ваш обман раскроют?

– Если вот только ты, Горыныч, не поможешь, может быть, и не раскроют, – я немного обиделась. Ну вот, я тут ему, можно сказать, страхи свои поверяю, а он… Дурак какой-то. Не зря я его по щеке треснула.

И ещё потом тресну. Чтоб не умничал.

Я отвернулась.

– Да ладно тебе, не реви, – он усмехнулся и сделал какой-то свой фирменный театральный жест, которые всегда и во все времена, вопреки комплекции, получались у него весьма изящно. – Ничего я никому не скажу… будь уверена. – Последнее он сказал по-русски. Хм.

– Ой-ёй-ёй, – передразнила я, всё-таки поворачиваясь, – не собираюсь я плакать из-за какой-то ерунды. Это вот, может, ты так, Горыныч, делаешь, а я – нет.

– А, так это всё-таки ерунда? – весело поинтересовался Геродот. – Ну хорошо… Тогда я побежал всем рассказывать. – Он рванулся было куда-то в другое ответвление коридора, но я снова незамедлительно цапнула его за лапу (какая жалость, – видимо, синяк всё-таки останется).

– Никуда ты, Горыныч, не пойдёшь, – сурово произнесла я и постаралась поглядеть так же сурово. И Горыныч поглядел на меня… Несколько мгновений мы просто стояли, вперившись друг в друга взглядом, а потом всё-таки не выдержали и одновременно прыснули.

– Да ну тебя, – произнесла я, – ты невозможный, Геродот.

– Как видно, ты вся в меня, – в том же тоне отвечал Горыныч. – Ну что, ты отпустишь меня, наконец, девочка? А то я, может быть, по своим делам хотел пойти, а ты мне мешаешь…

– Ой-ёй-ёй, – я сокрушённо покачала головой. – Ну иди, иди… ещё опозоришься. – Я выпустила его лапу.

– Точно идти можно? – он как-то с подозрением посмотрел на меня. – Опять драться будешь.

– Ага, не понравилось, – восторжествовала я. – Будешь знать, как оставлять друзей одних в трудной ситуации! И своих учениц, между прочим…

– В некоторых семьях, чтобы научить ребёнка плавать, его попросту бросают в воду, не давая никакой поддержки со стороны, – туманно произнёс Геродот.

– Ну-ну, – я выдохнула, – добрый же ты.

– Счастливого плавания, ученица, – изрёк Горыныч и удалился, на ходу растворяясь в воздухе, подобно призраку. Я снова тяжело вздохнула, в изнеможении запрокидывая голову, – всё-таки как с ним бывает трудно!.. Ладно. Зато весело, что ли... Пойду, поищу своего агнца. А то ведь, как обычно, небось, сейчас успокоиться не может. Знаю я её.

Я вышла из закутка в коридорчике и зашагала вперёд. Хм-м, интересно, чего они там успели натворить, пока правой руки Лиха не было? Похоже, пока ничего криминального, иначе бы, думается, всё это милое заведение уже мирно разложило на атомы. Впрочем, может, я перегибаю...

В общем зале Лиры не было. Может, на балкон пошла, воздухом подышать? Та-ак, лишь бы обошлось без разведения сырости.

Обыскав близлежащие балкончики, я приостановилась в небольшом недоумении. Нет, её там нет. Куда ж могла подеваться? Что-то мне всё это не нравится, лишь бы не вляпало её в какую-нибудь историю.

Я прошла чуть вперёд, думая, где же ещё можно поискать.

Неожиданно из-за одной двери в коридоре послышались странные звуки. Я насторожилась и подошла ближе...

Вот чёрт!.. Похоже, что это были...

***

– Откройся же мне, дитя, – я, обомлев, увидала, как огромной подколодной змеёй вьётся вокруг моего небесного агнца отвратительный, гадкий, длинный и тощий белый инопланетянин из группировки на букву «М»!

Лира в испуге прикрывала личико:

– Уйдите... оставьте меня в покое! Что вам от меня нужно?

– Ну-ну, малыш, я же не укушу, – белый инопланетянин не спеша, со вкусом наворачивал круги, внимательно и вкрадчиво оглядывая Лиру, точно измеряя каждый дюйм её роста. На миг у меня замерло сердце, когда я вдруг заметила, что за спиной... за спиной у белого инопланетянина развеваются не один, не два, не три, а целых девять пышных белых хвостов!.. При этом инопланетянин продолжал как ни в чём не бывало, словно не подозревая, какое непотребство там у него творится, или же считая это очевидной нормой, хищно и коварно оглядывать ангелочка, прищурив и без того по-китайски узкие раскосые глаза... Пресвятая пентатоника! Он решил её сожрать!

Я немедленно распахнула дверь и влетела в помещение:

– А ну пошёл прочь! Сгинь, нечистый, сгинь! Ты чего удумал?! Не дам агнцев жрать! Толстомордый... – я пригрозила инопланетянину, затем подошла к перепуганной Лире: – Уже всё, всё, не бойся... Я тебя в обиду не дам.

Лира в ответ почему-то только жалобно всхлипнула, снова закрывая глаза ручонками. Я угрюмо повернулась к девятихвостому пришельцу:

– Слышь ты, уховёртка! Ты чего ей сделал? А ну признавайся подобру-поздорову!

– Фу, фу, как это некультурно, – произнёс пришелец вкрадчивым голосом, снова опасно щуря малиновые раскосые глаза. – Здешнее мероприятие предполагает дружбу и солидарность всех народов.

– Чего? – я упёрла руки в боки и угрожающе шагнула к нему. – Что ты там мне про дружбу народов плетёшь? Ты мне, слышь, уховёртка, тут не дерзи! Быстро все хвосты подобрал и к своим дружным народам уматывай, а не то хуже будет! Ты чего мне тут с дитём такое сделал? Др-ружба народов, нонаккорд твоей тональности поперёк шеи!.. – я повернулась к Лире, которая всё прикрывала ладошками личико, и попыталась их осторожно разнять. Белый инопланетянин продолжал упрямо стоять за моей спиной, однако, по-видимому, никаких

МУДАКИ

~~МИДЗУКИ~~

РУКОВОДИТЕЛЬ - КИЦУНЭ БОКУТЯН

-私は便器にキス

-私は女装しています

-私はあなた自身のイメージにトイレットペーパーをきせたいです

активных мер пока не предпринимал. Я злобно поглядела на него через плечо. Ну ладно, пока молчит, сдержусь. Но если попробует только чего вякнуть, вкачу ему одно заклинание, мало не покажется.

– Лир, да что с тобой такое? – я недовольно поглядела в перепуганные глазки ангелочка. Хоть не рыдает пока, и то ладно. – выкладывай, чего этот нехороший дядька тебе сказал? Говори честно: чем честнее, тем больше дядька получит на орехи.

– Он… – дрожащим голоском попыталась выговорить Лира, – он говорил… говорил, что всем расскажет… ай! – небесное дитя юркнуло мне за спину, когда зловредный азиат неординарных физических данных приблизился к нам.

– А ведь какой я, в самом деле, нехороший дядя, – заметил он. – До сих пор не представился.

– И не надо, – грубо отрезала я. Лира тихонько начала всхлипывать. – И так знаем, что тебя зовут мсье индюк. Ишь хвосты распушил. Идём, Лира.

Но Лира почему-то не двигалась с места, пугливо и жалобно что-то лопоча себе под нос. Я нахмурилась и уже собиралась открыть рот, чтобы выяснить, наконец, в чём же дело…

– Напрасно хамите, – остановил меня белый пришелец. – в ваших интересах вести себя со мной немного достойнее. ведь мне кое-что о вас известно, – он выразительно, насколько позволяли хищные щёлочки глаз, покосился на Лиру, отчего та не выдержала и всё-таки разревелась, уткнувшись мне в плечо.

– Чего это тебе известно? – я разозлилась. – Проваливай отсюда, тебе говорят! Кто ты вообще такой и откуда родом?!

– Я только-только собирался отрекомендоваться, – развёл руками белый заокеанский пришелец; девять хвостов его многозначительно колыхнулись. – Глава и представитель японских мифических существ на этом празднике. Кицунэ[4] Бокутян. [5]

При всём драматизме сложившейся ситуации на этом моменте я не выдержала и прыснула со смеху.

– Пресвятой нонаккорд!.. – выдохнула я, восстанавливая дыхание. – Откуда ты такой взялся вообще?.. Боку… тян… – на меня накатила вторая волна безудержного смеха, и боюсь, ещё немножко, и Лире с белым пришельцем пришлось бы выводить меня оттуда под белы рученьки, ибо подобные приступы заканчиваются у меня всегда довольно тяжко и длительно. Лира, однако, моего восторга не разделяла, поэтому я мало-помалу всё-таки успокоилась.

– Пресвятой нонаккорд и иже с ним все бемоли, – с трудом повторила я. – Знаешь, пожалуй, я начинаю проникаться к тебе сочувствием. С подобным имечком жизнь твоя, наверно, не сахар.

– О нет, отнюдь, – возразил хвостатый Бокутян; на мой истерический приступ он, как ни странно, отреагировал абсолютно спокойно, созерцая всё действо с завидной непоколебимостью духа. – И сахар я, кстати, очень люблю, особенно конфеты… Но вернёмся же к сути вопроса. – Кицунэ-альбинос не спеша прошёлся возле нас, будто зачаровывая плавными движениями девяти роскошных хвостов. – Как я уже сказал, мне о вас кое-что известно. Главным образом это касается вашей милой подопечной, – Бокутян внезапно поглядел на Лиру с ласковостью настолько фальшивой, что мне захотелось плюнуть ему в щёлочку малинового глаза, а затем продолжил: – Я совсем ни на что не намекаю, однако… было бы мило, если бы ваш дружочек перестала так стесняться. Стеснительность хороша, но иной раз следует быть немного более раскованной…

От нахлынувшего гнева у меня перехватило дыхание. Раскованных, значит, тебе подавай!

---

[4] Кицунэ – в японской мифологии лисица-оборотень. Характерно наличие ненормированного количества хвостов (от двух и выше; самые продвинутые имеют целых девять).

[5] Данное имя составлено мной в шутливой форме. Дело в том, что «Боку» - один из японских эквивалентов местоимения «я», употребляемое преимущественно мужчинами. «Тян» - уменьшительно-ласкательный суффикс. (Прим. автора)

– Ах ты сороконожка узкоглазая, – только и смогла произнести я, затем сделала резкое и быстрое движение, уже почти донеся красноречивый кулак до одной из ноздрей Бокутяна, как тут... меня остановили. Я вздрогнула, обернувшись: меня кто-то мягко держал за плечо, и этим кто-то была, к моему несчастью...

– Флорина, вам стоит расслабиться, – прошелестела Кассандра Мельпоменовна. Я, превозмогая все ответные рефлексы желудка, с трудом изобразила на лице совершенно неказистую улыбку. Кассандра, к глубочайшему облегчению, почти тут же убрала с моего плеча тоненькую прозрачную ручку, затем скользнула к Бокутяну, поглядела, обошла, сделала какой-то пируэт; и ещё разок, всё вокруг да около, – точно так же, как он давеча оплетал порочными кругами мою Лиру. Я обалдело наблюдала, как эти двое переглядываются и неторопливо изучают друг друга... То ли два хищника, то ли две сороконожки. Мне стало противно, и я захотела поскорее убраться, но приросшая к месту Лира почему-то вцепилась в мой рукав.

– Да что с тобой? – недовольно осведомилась я. Лира не отвечала, приковавшись взглядом к Кассандре и Бокутяну. Я вздохнула и закатила глаза. Ну конечно, стоило этого ожидать. Влияние энергетики нашей милейшей преподавательницы на неподготовленную детскую психику может быть, пожалуй, воистину чудовищно.

Кассандра, в прозрачно-белых одеждах, как и полагается Воздушному Элементу, плавала возле Бокутяна; тот, кажется, даже с интересом наблюдал за ней. А Кассандра тем временем аккуратно поучала:

– Страх – негативная эмоция, мой дорогой, её очень легко использовать в качестве инструмента манипуляции. Однако что вам эти девочки? Разве же к ним применимо подобное поведение?.. О нет, дорогой мой, так поступать неэтично. Вы с вашей стороны довольно грубый психолог.

Да какая к чёрту психология, хотелось завопить мне; я вдруг ощутила абсолютную нестерпимую потребность как можно скорее покинуть место действа.

– Так, Лира, пошли отсюда, – строго сказала я. – Нечего нам тут делать.

– Ага... – кивнула ангелок, не отрывая взгляда от причудливых танцев Кассандры; похоже, она уже была лишена ясного соображения. Я тяжело вздохнула, схватила её за руку и потащила прочь. Чёртовы гипнотизёры-психиатры!..

А вдогонку мне всё раздавалось противное, приторно-слащавое, фальцетно-шепчущее:

– Расслабьтесь... остановите внутренний монолог... Закройте глаза и представьте, что вы – дерево. Ваши ноги – это корни, которые приросли к земле, они напитываются её внутренними соками... Ваши руки – ветви, они колышутся от лёгких движений ветра... Расслабьтесь, ощутите, что вы – дерево.

Я всё-таки дала себе волю прокашляться, когда мы оказались в более безопасном месте, а затем, пристально оглядев Лиру на наличие целостности и сохранности, поинтересовалась:

– Где ты нашла этого павлина? Ещё несколько мгновений, и я бы позвонила в местный зоопарк. Мало ли, может, у них экспонат сбежал.

Небесное дитя вздохнуло и потупилось.

– Сам он меня нашёл, – обиженно произнесла она, не глядя на меня и начиная теребить пальчиками край своей белой кофточки.

– Ну это уж понятно, – произнесла я. – А чего хотел? Обижал? Ты скажи, я, если что, сейчас Мирослава Добрыньевича отыщу. Так дело оставлять ни в коем случае нельзя. Мало ли чего там всяким китайским дядькам стукнет в голову... Раскованных ему подавай... – я умолкла, лелея злобные мысли. Как жаль, что у нас всё-таки запретили этот занимательный магический приём...

– Нет-нет! – Лира вдруг испугалась, тут же подняв на меня голубые глазёнки. – Не надо никого искать, не надо... Почувствует меня ваш Мирослав Добрыньевич, поймёт же, что я ангел...

– Да как так?! – разозлилась я. – Этот маньяк к тебе приставать будет, а ты и молчи?! Ну нет! Я очередной произвол терпеть не буду! Я им всем... – Я уже было развернулась, чтобы решительно направиться в сторону предполагаемого местонахождения способного разрешить все мои сомнения декана, как тут Лира мёртвой хваткой вцепилась в мой рукав. Я удивлённо повернулась к ней.
– Не надо, – тихонько сказала ангелок. – Он просто... – она умолкла, не договорив.
– Что «просто»?! – я начинала нервничать всё больше. – Да скажи, наконец, по-русски, чего он с тобой такое вытворил?..

Лира тяжело и безрадостно вздохнула, затем бросила на меня взгляд, полный невыносимых мучений.
– Он просто... по-моему, он догадывается, – нехотя произнесла она, почему-то оглядываясь по сторонам. – Догадывается, кто я на самом деле. И...
– И что? – поторопила я. – Шантажировал? Угрожал? Применял физическое насилие?!
– Нет, нет, – заверило небесное существо. – Не угрожал... он мне ничего такого не делал. Просто страшный...

Я шумно и протяжно выдохнула, словно прочищая лёгкие от углекислоты, копившейся там годами. О великая и животворящая сила предков, дай же мне терпения!
– Дорогой мой агнец, – произнесла я. – Я очень прошу тебя, обещай мне одну вещь.
– Какую? – с удивлением спросила Лира.
– Нет, ты вначале пообещай. – Я, как могла, постаралась успокоиться и взять себя в руки.
– Ну... ну хорошо, – ещё более удивлённо отвечала ангелок. – А что я должна обещать-то?..

Я вдохнула и выдохнула, проверяя, всё ли у меня в действительности в порядке с лёгкими.
– Обещай мне, пожалуйста, – попросила я, – что до конца недели ты не помрёшь хотя бы от страха.

Глава 5. Несколько слов о последствиях подчинения магии пресловутого зелёного змия.

Считалось, как бы между прочим, что комнаты гостиницы «Турист» под номерами 15 и 16 – в её проекции на Бета-измерение – принадлежит значимой группе иностранных мифических существ, «Кантодельвенто». Красивое итальянское название, члены группы с таинственной и непостижимой русской душой (да-да, такой же непостижимой, как у нашего пропадающего в неизведанных далях Лиха трёхноздрёвого). Элита. Красота неописуемая.

Созерцала же я сейчас всю эту «красоту» в самом нелогичном её виде. Я, разумеется, понимаю, что человеческий мир, в принципе, нелогичен...

...Но не до такой же степени, к дьяволу, размышляла я, от нечего делать слегка пиная ногой то и дело настойчиво подкатывающуюся ко мне пустую бутыль из-под виски. Слов у меня, конечно же, нет. Именно потому, что человеческий мир – нелогичен. И мой грешный внутренний – тоже.

Именно поэтому в данный момент мне, как никогда, хотелось грязно ругаться на всех языках мира.

Да простит мне мой терпеливый читатель сие длинное лирическое отступление. Автору требовалось, как видно, успокоить себе и без того расстроенные, как гитара непутёвого барда, нервы, подышать как следует по самой древней системе индийских йогов и собрать в кулак всю свою железобетонную волю. Да, именно так, могучую волю устрашающего, как говорил Саваоф Даниилыч, первого помощника!
– Пресвятая пентатоника, – бормотала сквозь зубы я, с трудом пробираясь по коридору меж валяющейся повсюду в хаотическом нагромождении обуви, верхней (хорошо хоть, что не нижней!) одежды, пустых бутылок и жестяных банок из-под каких-то консервов (спрашивается, какого хроматизма надо было жрать всю эту тухлятину, когда мы живём в нормальном цивилизованном отеле с нормальной цивилизованной столовой,

оборудованной для всех нужд, а вчера вечером в распоряжении этих самых нужд было буквально всё меню праздничного фуршета, сопряжённого с прибытием ведьмака Самуила? И, самое интересное, где они ухитрились эту самую тухлятину ещё достать); обрывков, ошмётков какой-то неизвестной науке пакости, а также... человеческих тел. Да. Самых настоящих тел! Человеческих!!!

– Шестьсот шестьдесят шесть квинтовых кругов ада, – всё цедила я себе под нос, изо всех сил сдерживаясь, чтобы всё-таки остаться в рамках приличия, – девятисотая степень родства всех возможных хроматических модуляций. Терцквартаккорд твой, вашу гомофонию, через все функции по интегралам да по секстам вниз, вперёд и назад!!! – я уже давно не понимала, что я говорю. Мою голову заполнял один, один лишь праведный – и неправедный тоже – гнев!

Нет, я всё могу понять. Честное слово. Такой уж я по жизни человек, надо отдать должное: понимающий, японский хроматизм. Но... какого. Какого... какого модулирующего периода надо было вчера напиваться до такой степени?! И, нет, ладно, это я ещё тоже могу понять. Ну вон девочки... наверно, первый раз в жизни пьют. Понятное дело. То есть, нет, не в первый раз уже, я думаю;– это только я, словно вечно трезвый буддийский монах, ни разу в жизни и спирта не понюхала, – представители современной молодёжи в этом возрасте уже довольно продвинутые... Так с какого ж перепугу надо было вести себя так, словно их всю жизнь неволили, держали в серой темнице под страшными пытками и не давали ни капли алкоголя, – а тут, бог ты мой, наконец-то дорвались!.. И, ладно: может, ещё можно понять Дуняшу, которая, выпив пять (пять!!!) бокалов шампанского, начала приставать к Бокутяну и пытаться выведать у него, что это такое он с собой делает, чтобы глаза у него были такого красивого цвета.

Бокутяном, как вы помните, звали того самого белого человечка из страшной заокеанской группы инопланетян на букву «М». Как ни странно, страшный человечек на весёлое поведение нашей Дуняши отреагировал вполне адекватно... Ну, то есть, как бы это сказать. Он пригласил её на танец и, по ходу этого дела, совершенно непринуждённо начал к ней приставать. К счастью, остатки разума в голове у нашего Огненного Элемента алкоголем всё-таки не выветрило до конца, поэтому она вполне определённо дала ему понять, что он ей не пара. Надеюсь, столь красивый глазик у Бокутяна сегодня не очень болеть будет.

Ладно. Бог с ним. С кем не бывает. На нашем школьном выпускном моя подруга до того напилась, что повсюду ходила и всем радостно сообщала о том, какая она пьяная, а потом оставшуюся половину празднества провела в местном туалете. Бог с ним. С кем не бывает. Живём первый раз...

И я даже могу ещё понять, что потом Дуняша с Василисой в лирическом дуэте начали распевать на балкончике какие-то частушки сомнительного содержания, – думается мне, даже те, кто не знает языка, вполне могли догадаться, в чём состояла железобетонная суть сих произведений народного искусства... Нет! Не в этом дело! Я тоже люблю попеть, правда, не по пьяни и не частушки. Но... милостивые духи-хранители разума, – если вы, конечно же, есть, в чём я в последнее время уже откровенно сомневаюсь, – я и не представляла, что за кошмар мог последовать потом.

Ладно. Дуняшу с Василисой я оставила в покое. Не вмешивалась. Знала же, что взывать к хмельному разуму бесполезно... да и Лира, видимо, тоже решила о них забыть. Протрезвеют, – так им потом самим стыдно будет.

Но, боже мой, боже мой! Я неверующая, но после всего увиденного мне как-то вдруг очень захотелось пойти в церковь и исповедоваться, что ли. Первый раз в жизни, между прочим.

Первый раз в жизни мне на полном серьёзе захотелось убить человека.

Итак, что же могло вывести из себя меня, – я молчу о чувствительной Лире; – но я-то, я-то за годы своей богатой событиями жизни хоть немного научилась себя сдерживать...

Ха-ха, я просто и не предполагала, что ситуация может настолько усугубиться. Наивная ведьмочка!

Герою одной моей любимой книги принадлежит следующее довольно-таки поучительное изречение. «Когда дела обстоят черней некуда, я просто говорю себе: «выше нос, могло быть и хуже!» И, само собой, дела становятся ещё хуже».

Вы знаете, он был прав. Вот просто дьявольски прав, тринадцать внеплановых хроматизмов!

С чего всё началось-то?.. А, как видно, с того, что братик Лиры, - тоже уже изрядно подвыпивший, - в свою очередь, решил поприставать к кому-нибудь; однако, к сожалению, жертвой он избрал почему-то (и я даже сомневаюсь, что тут виновата только выпивка) совершенно неподходящего человека. Мне-то лично это стало ясно уже после одного взгляда на него... неё. Как объяснил мне Саваоф, - мы с ним, кстати, в перерыве между всем этим цирковым представлением успели довольно мило пообщаться за стаканом апельсинового сока, - эта девушка серафимовскому Огненному Элементу, Гераклиту Светлому, сестрой будет. Звать её Демокрития Ехидная. В простонародье, а также для своих – просто Демокрития. У самого Гераклита, по-видимому, хронически острая непереносимость сестры, поскольку каждый раз, чуть только завидя её издалека, бедняга бледнел и принимался судорожно выдыхать. Я уж забеспокоилась за него и спросила, не могу ли чем-нибудь помочь, но правая рука, скорчив гримасу, заявил, что всё нормально, он уже даже привык. Спорить я не стала, однако где-то, кажется, могу понять Гераклита.

Ехидна она ещё та. Очень меткая характеристика.

А вот брат Лиры, к сожалению, этого не понял. По крайней мере, не сразу. Решил рискнуть здоровьем. И спустя пару минут уже вовсю наворачивал круги, - хи-хи, не для того ли спортивные штаны с кроссовками надевал, - по всем залам, по всем этажам и даже, кажется, по всей улице вокруг цирка. Я не представляю, что он такого мог сказать Демокритии, но представлять, в принципе, и не горю желанием. Потому как вид у девушки был, мягко говоря, не сияющий. То есть, нет: он таки сиял. Взглядом. Глазами. Налитыми кровью почище, чем у наклюкавшейся сейчас нашей малолетней вампирши. Демокрития носилась за Феофаном по территории отеля, без устали выкрикивая какие-то очень злобные древнегреческие словечки, - мой скудный словарный запас, к сожалению, таких не ведает, но понять общее послание было, в общем, нетрудно, - и то и дело швыряя в него какими-то очень странными предметами, которые эта неординарная девушка, похоже, доставала откуда-то прямо из воздуха.

Элемент у неё, между прочим, тоже Огненный, как и у брата. Вот уж, действительно... Огонь. Одно слово, а, опять же, сколько смысла!

Облачко в штанах наше после таких событий, по-видимому, куда-то окончательно сдуло; я уж было вздохнула спокойнее, искренне веря, что нервотрёпка на этой замечательной ноте заканчивается, и можно продолжить спокойный дивный летний вечер, коротая его за каким-нибудь не столь душераздирающим занятием, как наблюдение за выжившими из ума подопечными, - но нет. Маг по имени Скив из моей любимой книжки был, как никогда, прав, и если б он появился вдруг сегодня, - ну, там, я не знаю, вдруг произошёл бы какой-нибудь пространственно-временной аврал, и книжные герои бы посыпались в наше измерение, как горох; я бы уж ничему не удивилась в тот вечер; - я бы пожала ему мужественную руку и сказала, что да, соратник, надо крепиться. Жизнь жестока.

Пресвятая пентатоника. Следующим был Мустафа.

Да, читатель! Пусть тебя это не удивляет! Автор же сих строк сейчас просто готов биться в истерике... хм-м, ну нет, я малость преувеличиваю, конечно же, - на самом деле я не слишком склонна впадать в истерию. Однако факта всё это, к прискорбию, совсем не меняет.

Мустафа, на вид такой приличный и благовоспитанный парень; Мустафа, чья вежливость и глубокое понимание ситуации никогда не вызывало лично у меня, например, никаких сомнений; Мустафа, от кого бы уж точно не ожидалось такой вот подлости, такого вот ножа в спину... ох, я драматизирую, думаете?!

Господа, однако же, это был просто ужас.

«Бойтесь гнева спокойного человека», – сказал ещё один мой любимый книжный герой. И, опять-таки, я соглашусь; ох, как я готова с ними со всеми сейчас согласиться! Пресвятая пентатоника, и кто тянул меня, спрашивается, за язык, когда я говорила про эту чёртову стрельбу глазками... Отстрелялись!.. Расстреляли безжалостно несчастного представителя водного Элемента из среды саваофских серафимов. Пресвятая пентатоника... какой это был скандал.

Нет, разумеется, я понимаю, что прекраснодушный Фалес Несуетливый ничего плохого не имел в виду, приглашая моего агнца божьего на танец. Да и Лира, скорее всего, тоже вовсе не предполагала, какой катастрофой всё это может обернуться.

Тем не менее, катастрофа состоялась. И ещё какая патетическая. Патетичнее восьмой фортепианной сонаты Бетховена.

Ну, вы знаете, что случается в типичной анекдотической ситуации, когда ревнивый муж возвращается из командировки и застаёт жену с любовником, да?..

Так вот. Забудьте. *Это* было хуже!

Мустафа, человек, в моём впечатлении, не особенно пьющий, – в смысле, что не алкоголик, – где-то, по-видимому, тоже успел тяпнуть стаканчик для храбрости (хотя какого хроматизма; вот этого добра у него как раз, по-моему, и так залейся!). То ли он страдает алкогольной непереносимостью, то ли это у него вкупе с ещё не прошедшим до конца сотрясением мозга получилось, – теперь уже не разберёшь... Пресвятая пентатоника, нет, я в жизни видела всякое... Только вот как-то хочется уже «развидеть», что ли. Мустафа довольно-таки резко схватил Лиру за руку, оторвав её от, по-видимому, весьма миротворчески настроенного в тот момент Фалеса Несуетливого; внезапно заявил, что это его личный ангел, и ангел с кем попало не танцует. Потом оттащил отчаянно сопротивляющуюся и пытающуюся вставить хоть одно жалкое словечко Лиру куда-то за свою широкую спину и, в довершение всего, – как видно, решив подкрепить слова действием, – размашисто прошёлся бедному Элементу воды по физиономии. Эх, а такой красивый Элемент был. Ой, в смысле, и остался; нет, Мустафа, конечно, не забил его на шкуры, он же не Святогор... Фалес, очевидно, был слишком потрясён происходящим, поэтому даже не успел отреагировать, как надо.

Оттаскивать их друг от друга, – я имею в виду, Мустафу и Лиру, – пришла мне на помощь почти вся дружная религиозная семья шестикрылых серафимов. Мы с Элементом Дерева, юным Феней, вполне успешно сдерживали тихую, но имеющую все перспективы перерасти в нечто куда более буйное, истерику Лиры, – ну а Саваоф, Гераклит и Марк Аврелий общими усилиями пытались остудить пыл нашего «личного», как он сам изволил выразиться, упыря. Фалес всё ещё пребывал в культурном шоке, – Дездемона, милая добрая девушка и воспитанница моего приятеля Горыныча, с которой мы тоже давние знакомые, тем временем обрабатывала Элементу воды полученные в схватке боевые ранения. Сам Горыныч куда-то, разумеется, в очередной раз смылся, ну а Святогор никогда в подобных действах не участвует, да и вообще на людях долго не задерживается.

И хотелось бы даже уже на этом поставить точку. Ну так нет же. Просто закон подлости какой-то!.. Плюнув со злости на всех и вся и немного вроде бы поутихнув, – по крайней мере, перестав буйствовать в открытую, – Мустафа в сердцах покинул поле битвы, а заодно и поле нашего зрения, кое обстоятельство, как выяснилось потом, было не таким уж удачным... Пока я пыталась успокоить разнервничавшееся небесное создание, а серафимы бодро утешали пострадавшего Фалеса (который, впрочем, не особенно был расстроен, – удивительно жизнестойкий оказался человек!), Мустафа сходил в какой-то близлежащий бар, основательно напился там, снимая стресс, и вернулся в общий зал цирка, как говорится, совершенно новым человеком.

Честное слово, уж лучше б старым так и оставался.

Что только началось... Наверное, если бы восставшие из ада зомби принялись грабить наркопритоны и высвобождать все возможные психдиспансеры, – и то на земле не воцарилось бы подобного хаоса. Мустафа

призвал нечистую силу, – к несчастью, количество выпитого никак не отразилось на его умственных способностях: мозг упыря работал хорошо, качественно. Не успел никто и глазом моргнуть, как зал заполонила какая-то откровенная дрянь; подобных существ мне ещё видеть не приходилось, но, наверно, они теперь всегда будут являться мне в ночных кошмарах. Существа эти, по-моему, на деле никакой реальной опасности не представляли, – что-то вроде мелких шаловливых пикси, – однако весь мыслимый и немыслимый дискомфорт причинять умели со вкусом и наслаждением. Экзотические чертяки пинались ногами, пихались, щипались, прыгали в стаканы с шампанским и вином; дёргали за усы мужчин, шныряли под юбками у женщин и бранились так, что уши не просто вяли, а иссыхали. Бранились, к счастью, на русском, так что смысл, скорей всего, остался неизвестен иностранной публике, – но приятного, тем не менее, всё равно было мало.

Не представляю, какими словами тогда подумали о Мустафе, – а вообще-то и о нас, адские тритоны! – присутствующие на том торжестве мифические существа всех времён и народов, но подозреваю, что, услышь я это по воле случая, я бы замечательно обогатила свой словарный запас в неформальной области всех иностранных языков на свете. Лира схватилась за голову, я же вообще удивляюсь, как не умерла от стыда на месте. Дуняше с Василисой к тому времени было уже откровенно на всё наплевать, – Дуняша вообще уснула на скамеечке в углу; Феофан куда-то запропастился, так что подать нам в этот момент руку помощи было совершенно некому. К Саваофу в этой ситуации подходить было не просто совестно, а даже аморально, – он, бедный, и так уже натерпелся из-за нас... К Мирославу Добрыньевичу – и вовсе стыдно. Каким-то неимовернейшим образом взяв себя в руки и нацепив маску хладнокровия, я попыталась воздействовать на Мустафу, как могла, силой слова, однако мозг его, по-видимому, уже соображал довольно... неторопливо. Я начала всерьёз подумывать о том, что мне стоит вспомнить кое-какой вообще-то запретный, – я вам ничего не говорила, – магический приём, которому меня научил один хороший человек, и который применять стоит только в самых крайних случаях, как тут в дело неожиданно вмешалась Лира. Подошла она к нашему упырю так решительно, – на этот раз в прямом смысле решительно; ах, какое дивное выражение у неё в этот момент горело в глазах! – схватила (!) Мустафу за плечо и отвела в сторонку. Не знаю, что такого она ему сказала и какую магию применила, – белую ли, чёрную ли, – но Мустафа неожиданно затих и даже, кажется, сам убрал всех этих зловредных пикси. Пресвятая пентатоника, в этот момент мне захотелось её благословлять. Ну наконец-то по-настоящему видно служителя неба!

Беспорядки немедленно улеглись; люди, кикиморы, лешие и другие существа кое-как пришли в себя, а я уж со своей стороны сотворила одно мелкое заклинаньице, чтобы все присутствующие здесь начисто забыли о произошедшем инциденте. Знаю, что так нечестно, но уж простите, репутация – дело серьёзное. И да, этого я вам тоже не говорила. Об этом знаем только я да Лира... что из всего случившегося помнить будет на следующий день Мустафа, я сказать затрудняюсь. Мы, конечно, постараемся не напоминать, а ему, думаю, и самому неловко будет.

Но подождите, это всё потом. О нет, вторая, – и худшая, – часть «Призрака Оперы» была только впереди.

Неожиданно откуда-то из астрала материализовался Феофан; и, чёрт возьми, наверное, только потому, что астральные существа не потерпели у себя на родине подобной гадости и выставили его вон. Красноватый нос и странный блеск в глазах уже ясно говорили о том, что намерения у чёрта вряд ли достаточно здравые; однако я, опять-таки, даже не предполагала, что всё будет так плохо. И куда моя интуиция, интересно, задевалась?.. видимо, в тот день были магнитные бури.

Весьма хорошо уже подвергнутый влиянию магии Вакха, Элемент наш Земной, к счастью, к девочкам уже не приставал. Видимо, учиться на своих ошибках он всё-таки может, когда хочет. Но уж лучше б приставал к девочкам, а не к мальчикам... в смысле, оставил бы в покое он Мустафу!.. Так нет же. Мужская какая-то солидарность в нём взыграла; мол, единственные два мужика они в нашей группе, так отчего ж за это дело

не выпить вместе! Мы с Лирой даже опротестовать сей приговор не смогли, – да и кто бы нас стал слушать!.. Кто б стал слушать, что мы эту персону только-только кое-как в относительно позитивное чувство привели.

Наверное, мы попросту беспричинно расслабились и отвлеклись. Если б, скажем, я только успела заметить, что эта страшная парочка (Феофан и Мустафа!.. нет, вы только представьте… а точнее, вообще-то, лучше даже и не представляйте) направляется в сторону бара, я б им такое заклинание вкатила по самые… уши, что они б у меня смирненько в колбасу закатались сами по себе. А что бы сделала Лира со своим дражайшим родственником, я и думать как-то теперь уже опасаюсь… Честно говоря, странные вообще эти небесные существа, что-то они меня в последнее время всё больше и больше озадачивают.

Между прочим, я ведь за это краткое время спокойствия, когда мы с Лирой так опасно расслабились, – ну а сколько можно, всё-таки надо же когда-то и отдыхать, – успела, на беду, пообщаться с роднёй Кассандры Мельпоменовны. Вернее, меня к этому как бы… принудили. Лире отчего-то уж очень стойко припала надобность нас с одним человечком взаимно друг другу представить. Дело в том, что, как выяснилось, дочка нашей преподавательницы Кассандры, – вещая пифия Ксюша, десяти лет от роду, – Лирин давний кумир. Да; оказывается, у них там на небесах о ней все весьма наслышаны, многие представители небесной прогрессивной молодёжи даже просто-таки сходят с ума, мечтая получить автограф. Степень обожания, испытываемого моим ангелочком к этой странной особе (а лучше сказать: особи) вовсе не поддавалась никакому описанию, поэтому, разумеется, никаких возражений дитя небес и слушать не захотело… Я уже упоминала, почему мне не очень хотелось сталкиваться с Кассандрой, ну а насчёт её отпрысков и говорить не приходится. Вот и в тот раз я испытала какое-то очень странное ощущение… Лира в своих восторженных речах утверждала, что её кумир умеет читать мысли. Как видно, пообщаться с безумными фанатами иногда бывает в некоторой степени полезно… Полезно в смысле получения необходимых сведений; но никак не для нервной системы. Я постоянно чувствовала какое-то неясное напряжение, пока, наконец, несколько раз не поймала себя на том, что изо всех сил пытаюсь не думать. Не знаю, что уж тут сказать. Держалась я, наверное, очень наигранно, но, в принципе, я вроде бы всегда так себя веду. Одна знакомая мне как-то даже заявила, что никогда не поймёт, шучу я или говорю серьёзно… В общем, наконец, разволновавшись совершенно, я сослалась на то, что надо бы и мне пойти поискать своего приятеля Геродота, а то что-то он подевался куда-то, и не случилось ли с ним чего, ну там, вдруг грибочков каких-нибудь ненужных поел; – между прочим, подозрительные они тут у вас, и вы бы тоже не ели, Ксения Кассандровна, ой, в смысле, не знаю, как вас там по батюшке, – пойду я, в общем… Такие вот дела. Почти залпом опрокинув в себя полстакана простой воды, к которым я отчего-то совершенно не могла притронуться все эти четверть часа общения с вещей пифией, я быстро и позорно капитулировала. Пошла прогуляться по залу, чтобы перевести дух, и тут как раз натолкнулась на наших непутёвых. Нет, ну даже на секунду оставить без присмотра нельзя! Как дети малые, ей-богу. Впрочем, нет, малые дети как раз не напиваются, как свиньи, – разве что апельсиновым соком. Пресвятая пентатоника, что у этих двоих был за вид… Встреть я их вот так впервые, уж точно бы для себя сделала вывод, что есть таки люди, на которых природа хорошо и привольно отдыхала. Не желая лишний раз подвергать стрессу Лиру, – она и без того весь вечер уж была сама не своя, – я призвала на помощь всю силу духа, какая у меня только была, а заодно ещё и силу предков на всякий случай; затем каким-то неведомым уже даже мне самой образом умудрилась перенести в иноизмеренческих пространствах и запихнуть мужскую половину нашей группы в их личный гостиничный номер. Запихнула и заперла от греха подальше… даже не знаю теперь, лучше я сделала или хуже. Ну ладно, во всяком случае, так они хоть не буянили на людях. А то бы, с большой долей вероятности, пришлось опять кому-то память затирать.

Вернулась в зал я уже очень усталая, злая и, к тому же, потрёпанная: запихивая Мустафу в номер, я сама чуть не рухнула следом, потому что он неожиданно вцепился в меня и неразборчиво сообщил, что я любовь всей его жизни. По-моему, он меня с Лирой перепутал, роста-то мы почти одинакового.

Отыскав Лиру, я мягко намекнула, что стоит уже, собственно, нам расходиться... Половина группы и так в полном беспамятстве, – другая половина ещё держится, но что-то мне подсказывает, что и она скоро уже превратится только в треть, так что пора и честь знать. Разумеется, что уж там показывал сегодня на своём мастер-классе ведьмак Неказистый, мы за всей цепью событий умудрились прозевать. К величайшему прискорбию. А ведь мне в самом деле хотелось посмотреть: судя по многообещающему виду Самуила, программу он готовил интересную... Ну уж ладно, чего там. Ещё шесть дней впереди, авось да успею как-нибудь. Впрочем, если вся неделя будет бесконечной репризой этого дня, я весьма сомневаюсь, что успею. А уж курсовая-то моя...

Мы дружески распрощались с серафимами, – за драчливость Мустафы на нас никто не был в обиде, люди оказались на диво понятливые; – Лира ещё поулыбалась своей Ксюше, и мы мирно отчалили спать. Вернее, сначала пришлось ещё затащить в номер пьяных до невозможности Дуняшу и Василису, – а затем, с чистой совестью и незапятнанным духом, прошествовать в наши опочивальни.

О том, что творилось на тот момент с Феофаном и Мустафой, я не имела, откровенно говоря, ни малейшего понятия: номеров на всю нашу шайку предоставили целых три, поскольку они у них только одно- или двухместные; мы, соответственно, прошествовали в наш. Заглядывать в чужие мне искренне не хотелось, да и неприлично, вроде бы.

Таким образом, когда ночью нас с Лирой разбудил дикий грохот и вопли, как из адова пекла, мы долго не могли понять, откуда они доносятся. Я была злая, сонная и почему-то страшно хотела есть, поэтому бубнила под нос, что мне абсолютно плевать, пусть там себе хоть вены режут, разбираться даже не хочу, отбирать роковое лезвие ни у кого не буду. Но Лира, – ох, мне б её совестливость, – настояла всё-таки, чтобы мы заглянули к мальчикам. Я сдалась, – и увиденное, честно сказать, уже даже не удивило меня.

По-моему, ближайшие полгода удивлять меня уже вряд ли что-нибудь будет. После того, как я вчера узрела гостиничный номер, полностью наводнённый, – я совершенно всерьёз употребляю это слово, – *живыми* трупами утопленников, какая-либо способность к проявлению удивления у меня, вероятнее всего, полностью атрофировалась. А точнее, у неё, скорей всего, случился инсулиновый шок.

Трупики вполне бодро расхаживали по номеру. Феофан в чрезвычайном возбуждении орал что-то о том, что «да грянет зомбоапокалипсис»; Мустафа с мрачным видом и налитыми кровью глазами, весьма непафосно покачиваясь, бродил, как в сказке, по цепи кругом, и бормотал под нос какие-то очень страшные слова. Нет, серьёзно, я даже таких не знаю, и у меня абсолютно нет идей, откуда он их вообще взял, из какого языка, наречия, измерения... Честно говоря, в тот момент мне вдруг стало весело, – а может, нервы откровенно сдали после напряжённого дня, – я просто тихо сползла на пол, безудержно хохоча. У меня аж слёзы выступили. Нет, честно! Это надо было видеть. Жизнерадостные утопленнички, бороздящие просторы гостиничного номера и только что не марширующие в такт гимну Советского Союза; испускающий во все стороны, точно радиоактивное излучение, ажиотаж чертяка Феофан, радостно бредящий что-то про конец света, воскрешение мёртвых и, ни к селу, крестовые походы. Довершал картину маслом Мустафа, чрезвычайно серьёзный и хмурый, аки майская роза в пасмурный день, с комически красным носом и щеками, бормочущий под нос что-то истинно зловещее.

Мне стало весело. Наверно, это была такая истерика, потому что я плохо помню, что было дальше. По-моему, я хватала Феофана за его забирающиеся куда-то не туда, куда надо, руки и убеждала чёрта в том, что зомби, как таковых, не существует, потому что питаться человеческим мозгом вечно невозможно. Нет, есть, конечно, такие существа, но их называют совсем не зомби, а как-то по-другому. Феофан в ответ всё отрицал и почему-то лез целовать занавески. В какой-то момент мне показалось, что я совершенно схожу с ума... и тут вдруг Лира что-то прошептала, – тихо-тихо так и себе под нос, но я же точно видела, – и всё вдруг как-то успокоилось. Мустафа затих, перестал бубнить, сел в угол и замер. Феофана мне удалось,

наконец, спихнуть на кровать, он тотчас же сомкнул веки и тихонько захрапел. Утопленники все куда-то исчезли, – я даже предположила, что может, это у меня была белая горячка. Ну, мало ли, надышалась опасных паров где-нибудь. Я только помню, что просто сказала тогда Лире: «пошли спать», – и мы пошли. Я, по-моему, отключилась тогда мгновенно, – не знаю, как там моё небесное создание; подозреваю, разумеется, что она ещё полтора часа ворочалась и не могла уснуть, и надо было, конечно, мне, как опекающей стороне, пойти её успокоить... но, признаться, сил никаких уже не было. Поэтому я эгоистично решила оставить дело на самотёк и просто заснула.

И вот сегодня, – сейчас, – рассматривая всё это, я думаю, какого же терцквартаккорда я всё-таки здесь делаю. Может, мне действительно стоило в своё время создать рок-группу и укатить в мировое турне?.. Думается, хуже бы не было. По крайней мере, затаскивать пьяных парней в номер я уже умею.

Я присела на корточки и задумчиво покачала пальцем пустую бутылку. Интересно, а это они выпили «до» или «после»?.. Или уж как-нибудь «вместо»...

«Тела» в коридоре зашевелились, и я поняла, что это всё свои люди. Мустафа. Феофан. О, а вон там Василиса в уголке руку подняла... неожиданно. Видимо, пытается понять, где находится у неё голова. А то я бы ей подсказала, если б только меня спросили.

Мустафа что-то вяло пробормотал, Феофан заёрзал, но, по-моему, так и не проснулся; Василиса застонала, закрывая лицо руками. Наверное, все потихоньку вспоминали вчерашнее...

– С добрым утречком, – бодро поздоровалась я, лучезарно улыбаясь. – Как спалось? Удобно? – я выразительно оглядела ребят. Мне, правда, интересно всё-таки, как они все сюда попали... неужели пытались потом ещё доотметить что-то? Как-то даже подозрительно.

– С добрым, – прохрипел Мустафа и, пошатываясь, поднялся. Ну да, я не сомневалась в нём. Уже почти очухался. Хотелось бы ещё всё-таки знать, какая часть вчерашних событий отстоялась в его памяти, а какая нет.

Растрёпанная, с наполовину расплетённой, а некогда ослепляющей великолепием косой Василиса вдруг резко встала, затем, так и не отнимая почему-то рук от лица, направилась куда-то по коридору. Я даже не повела ухом. Помогать никому не буду, хотя знаю прекрасное средство от похмелья. Не-а, сегодня я злая ведьма. А за свои поступки надо отвечать.

Мустафа как-то очень уж потерянно оглядывал окружающий свинарник, при этом, однако, не издавая ни звука. Хотя я даже не решаюсь себе предположить, как бы я себя ощущала на следующий день после событий подобного масштаба, так что уж, пожалуй, промолчу. Феофан где-то в сторонке по-прежнему не подавал признаков жизни, но за него я почему-то тревожилась меньше всего.

– Сколько мы вчера пили?.. – наконец, проговорил Мустафа, не глядя на меня, а продолжая почему-то тщательно изучать мусор, в изобилии покрывающий пол коридора.

– Вы – не знаю, – покачала головой я, – мы с Лирой не употребляли.

«В отличие от некоторых граждан алкоголиков», хотелось мне добавить, но я уж решила, так и быть, не слишком паясничать. Всё-таки плохо человеку. Наверное. А вероятнее всего, думаю, мне не понять их возвышенной печали.

– Такое чувство, что в голове дрелью дырку просверлили, – признался Мустафа. Да-а, не через эту ли дырку у тебя вчера все мозги вытекли? И всё же, признаться, не ожидала от него сейчас подобного красноречия... ну да это же Мустафа всё-таки. Истинный ариец!..

– Ладно, вы там коллективно приходите в чувство, – сказала я, – если что, двигайте к завтраку в столовую.

– Хорошо. – Мустафа кивнул, по-прежнему не глядя; вид у него был совершенно осовелый, однако, надо отдать ему должное: парень мастерски держал себя в руках. Ну-ну. Всё-таки наш Элемент Дерева – поистине удивительный человек. В смысле, упырь.

А я решила, тем временем, пойти чего-нибудь перекусить. Ещё с ночи страшно хочется... Кстати, агнца божьего надо захватить, а то опять найдёт из-за чего испереживаться, поесть забудет, а потом ещё, не дай бог, в обморок где-нибудь грохнется.

Наверняка она уже проснулась.

Небесное создание лежало в своей комнате на кровати и смотрело в потолок. Как видно, я отвлекла агнца от каких-то серьёзных раздумий, но пойти позавтракать она была тоже не прочь, поэтому мы вместе с ней отправились в кафе напротив гостиницы. По дороге я кратко изложила суть утренних событий. Лира рассеянно кивала; её тревожила, вероятно, какая-то очень острая мысль, но я не стала расспрашивать. Всё равно потом скажет, если это что-то действительно значимое. А если и нет, так и ладно.

Я заказала себе чашку кофе и какие-то бутерброды. Портим желудок, ну да и ладно, что ему сделается? Живём, так живём. У кого-то виски пополам с шампанским, а у меня жалкий растворимый кофе.

Лира сидела какая-то уж совсем задумчивая, так что, в конце концов, я не выдержала и всё-таки спросила её, в чём дело.

– А?.. Да нет, ни в чём, – она улыбнулась, размешивая сахар в своей чашке... уже как минимум седьмой раз подряд. – Просто, наверное, ещё не проснулась.

– Ну да, конечно, – ехидно заметила я, – и что там твои сны по Фрейду означают, а?

– То есть?.. – она ужасно растерялась, и я хихикнула в свой кофе. Знает же, что меня иногда тянет на подобные шуточки, но всё никак не может привыкнуть. А что поделать? Я с самого начала предупреждала, что я-то как раз – совсем не ангел.

– Да ладно, – я допила кофе и отставила чашку. – Что там у тебя? Давай, колись. Всё равно достану. Я не Ксюха, чтобы мысли читать, так что выведывать всё буду старым проверенным способом.

– Это каким же? – она подняла глаза.

– Защекочу, – сказала я, – до смерти. А потом попрошу упыря Мустафу, чтоб воскресил тебя. Привяжу к стулу и начну рассказывать ругательные анекдоты, пока ты не захочешь меня убить.

– Я никогда не захочу убить тебя, – возразила Лира.

– Никогда не говори никогда, – пригрозила зачем-то я. – Ну? Так что же? Небось переживаешь из-за вчерашнего избиения малолетних в лице того серафима из саваофской компании. Как его там... Фалес Несуетливый! Небось считаешь, что виновата и ответственна за неподобающее поведение Мустафы.

– И как ты угадала. – Лира рассеянно посмотрела в окно. Чай у неё, по-моему, уже раз пять остыть успел.

– Ну и зря, – заявила я. – Каждый сам за себя отвечает, а тем более такой взрослый упырь... Но ведь не только это? Что-нибудь ещё произошло, пока я спала? Мустафа приставал к тебе, зачитывая наизусть извлечения из Фрейда? Дуняша спутала твою комнату с ванной и грозно требовала жидкое мыло? Василиса во тьме ночной напугала боевым макияжем? Давай рассказывай. Кто посмел обидеть.

– Никто не обидел, – ангелок улыбнулась и всё-таки посмотрела, наконец, на меня. – Не волнуйся так...

– Я и не волнуюсь, – возразила я. – Просто меня несколько беспокоит твой задумчивый вид. Знаю я вас, небесных созданий. Ведь вечно удумаете себе чего-то такого, закроетесь в себе, как ракушка, а потом вас и не переубедишь, упрямых, – у вас же там свои высшие откровения всякие, или как бишь его. Поэтому, пока не поздно, надо что-то начинать с вами делать, – я деланно улыбнулась, хватая следующий бутерброд. Отчего-то я и сама начинаю чувствовать некую смутную тревогу... Неужели что-то должно случиться?

– Ничего такого я не удумала. – Лира вздохнула, начав почему-то скручивать из салфеток, стоящих на столе, какие-то палочки-выручалочки. – Просто... просто давит всё это. Я должна здесь выступать... при всех этих людях, при Саваофе Данииловиче... причём так, чтобы никто не заметил, что я ангел. Я, может быть, вообще не хотела быть ангелом!.. – вырвалось у неё. Я внимательно поглядела на Лиру.

– Да ладно тебе, – промолвила я. – Я понимаю. Трудно. Но ведь никто же ни о чём не догадался, – я усмехнулась. – Бокутяна мы уже общими усилиями обработали. Думаю, там Кассандра ещё с ним непременно проведёт воспитательную беседу. А другие что… ну, Саваоф ещё есть, он мужик толковый, на мой взгляд, но, по-моему, он нам очень вдруг как-то стал симпатизировать, поэтому вряд ли начнёт придираться. Мои-то Мирослав Добрыньевич с Геродотом уж точно никому не скажут. А больше, в принципе, опасности ждать не от кого. По-моему, ты просто не привыкла врать. – Я улыбалась.

Лира подняла на меня взгляд.

– Спасибо. – Она тоже слегка улыбнулась. – Да… не привыкла. Не думала, что это будет так сложно… вообще плохая идея была, по-моему…

– Что за идея? – спросила я.

– Да так, неважно, – Лира улыбнулась чуть шире и отвела взгляд. Эх-х, опять что-то там скрывает. Ну да ладно… шут их там поймёт, ангельских.

– Вот что, просто расслабься, – посоветовала я, – первый экзамен мы, можно сказать, выдержали. Мы вышли на мировую арену и показали миру наши злополучные рожи. Теперь пускай мир сам думает, что с нами делать. Но я так думаю, работёнки мы ему задали на много веков вперёд, – я усмехнулась. – Посмотреть бы на нас со стороны… Эх, я б посмотрела. Вот честно. И даже бы, наверное, кино сняла. Комедию.

– Да уж, комедия – это не то слово, – согласилась Лира. – Группа у нас действительно сумасшедшая…

– Вот-вот, – покивала я, – но это же весело. По-моему, с психами вообще жить становится в радость. Да и потом! – я вдруг значительно стукнула по столу кулаком. Не сильно. – Что ты вообще переживаешь, Лир? С тобой мы. С тобой я. Я – устрашающий помощник Лиха, ваш нынешний предводитель и опекун; – кстати говоря, пей чай, он уже у тебя холодный; – да, я ваш связующий Элемент Музыки, а ещё я коварная зловредная ведьма, которая пришпилит к стенке и морально дезинтегрирует того, кто осмелится обижать её или её друзей. Да я ж им, как говорил один голливудский злодей, сердце выжгу. – В эту минуту, признаться, я самой себе действительно показалась очень страшной. Лира, по-моему, слушала весь этот мой монолог, уронив челюсть.

– Ты пей чай, остынет, – напомнила я. Ангелок, слегка заторможенно кивнув, принялась, наконец, за свой завтрак. Ладно, надеюсь, я её хоть в чём-то убедила.

– Ну что же, – произнесла я жизнерадостно, вставая из-за стола. – Жизнь продолжается, мастер-класс продолжается! Судя по расписанию, сегодняшние сюрпризы ведьмака начнутся около шести часов пополудни. Так что мы ещё вполне успеем сходить и, наконец, продегустировать их! Делать-то всё равно особенно нечего… – я бегло припомнила о своей курсовой. – Что скажешь? Идём?

– Идём… – Лира как-то странно помедлила с ответом, однако почти тут же натянула на себя весьма напряжённого вида улыбку и даже для пущего эффекту покивала головушкой. Косички у неё сегодня аж как-то поникли, прямо понурились. Точно уши у провинившегося спаниеля.

– Эй! Не кручинься, добрый молодец, – приободрила я. – Утро вечера мудреней! Поди, сегодня эти все не такие буйные. Судьба их наказала, по ушам надавала, так, глядишь, и присмирели. Думаю, в этот раз силушки богатырской им не хватит на всякого рода беспределы. Сейчас похмелье своё подлечат и к нам присоединятся.

Лира ничего не сказала, только вздохнув. Я пожала плечами, расплатилась с официантом за кофе и завтрак, и мы отправились. До шести часов времени ещё было довольно, так что я предложила пройтись к месту действа и поинтересоваться, нет ли там каких-нибудь афиш или программок. Ну, или списков, как в институте перед экзаменами. Надо же всё-таки как-нибудь выяснить, когда же нашей команде предстоит выступать!

Судя по Лире, конечно, от данной идеи она была далеко не в восторге, но, видимо, сызмальства привыкнув слушаться старших (в Раю-то у них, поди, с иерархией построже, чем у нас, на грешной, будет), препокорно подчинилась.

А что поделать? Я тоже не всегда и всем довольна. Особенно тем, что затевает родной Университет. Сидела бы сейчас, например, спокойно; дописывала про типичность наличия плагального оборота в свисте камня, брошенного горным великаном, и его зависимости от проекции вектора ускорения на магическую числовую прямую...

А тут вот за этими ещё следи. Чтоб не дай твою септиму не покидали пределов Бета-измерения и не набедокурили. А то ведь как.. вылезут в реальный мир. В реальный Кишинёв. И-и-и начнётся... Нет, конечно, по улицам Кишинёва, бывает, странные личности ходят. Всяко случается! Но эти ж не просто ходить будут, в том-то и дело, им активной деятельности подавай. Почему, хотелось бы знать, вечный двигатель в одном месте предусмотрен исключительно у особей, частично обделённых мозговыми клетками?

Вопрос, конечно, сугубо риторический.

Ладно, думаю, пока что за состоянием здравия, - хи-хи, туда же их, по сути, накренило, куда и скорбное Лихо, - из отеля русскоязычная группа не рискнёт высунуть нос. И иже с ним все необходимые рудименты. Обратная сторона медали, правда, заключена в том, что мне потом их всех к шести часам надо к мастер-классу коллективно пригнать... Ну да ладно, придумаю что-нибудь. В конце концов, у Феофана дудочку волшебную одолжу.

- Ну вот, сегодня мы поближе, - оптимистично сообщила я Лире, демонстрируя вывеску отечественного варианта многочисленных и распространившихся уже по всему миру закусочных, где и предстояло сегодня разразиться грандиозному событию. - Не представляю, правда, как ведьмак Самуил планирует разместить всех желающих в этой узенькой кафешке быстрого питания. И ещё более смутно, конечно, мне видится, с какой целью он вообще избрал именно это место... Ну да, полагаю, сегодня мы как раз это и выясним. - Я улыбнулась, стараясь хоть немного привлечь внимание Лиры к событиям внешнего и нынешнего и отвадить от неконструктивных печалей по поводу внутреннего и грядущего. В котором погрязла Лира, похоже, весьма глубоко и безнадёжно: тонкое, почти прозрачное личико бедного агнца выглядело препечально бледным, аж каким-то сероватым. Я даже испугалась:

- Ты хорошо себя чувствуешь? Жарко, может? Ты отойди в тенёчек-то... вот, присядь-ка здесь. Голова не кружится?

- Нет-нет... всё в порядке, - вымученная улыбка этого небесного создания, кажется, грозила перерасти для меня в какую-то паранойю. Я нахмурилась, изо всех сил стараясь не показать свои клыки.

- Так, будет тебе тут, - пригрозила я. - Ты давай присядь и не перенапрягайся. Хорошо, что скрипочки твоей при тебе нет, - так бы, поди, надорвалась совсем.

Лира почему-то вздрогнула, но, в очередной раз повинуясь, покорно села, где я ей указала. Я вздохнула и покачала головой, отворачиваясь: что ж они такие хилые-то все? Аж жуть берёт. Надо б мне как-нибудь с их тамошними руководителями повидаться да на путь истинный наставить. Этим же созданиям хоть, как минимум, утренняя зарядка и каждодневные прогулки на солнышке необходимы. Небось сидят там, как все типичные современные вундеркинды, по целым дням в четырёх стенах... то есть, в четырёх облаках; свету белого не видят, оттого и бледные такие.

- Горе ты моё луковое, - пробормотала я себе под нос, разглядывая вывешенную на двери пёструю афишу мастер-класса. Да, я оказалась права: афиша всё-таки имелась. Вон и ведьмак собственной персоной, представительный такой. В той же самой синей накидке, что и вчера. Стоит, скрестив руки, в магистерской шапочке, венчающей чело, и с самодовольной усмешкой на устах. Ну-ну. Небось целую фотосессию устраивал ради одной фотографии на афишке в маленьком городке...

Помимо ведьмака афишу украшали ещё различного свойства завитушки, узорчики и фейерверки цветовых пятен. Здесь же, в самом уголке, был изображён маленький скромный бюст Даария Гиперборейского – самого выдающегося волшебника древности; в своё время именно он был наставником Самуила, пока, увы, прискорбно не почил. Между прочим, при так и не выясненных до сих пор обстоятельствах. Ну да, великие всегда уходят загадочно, – так же, как и появляются...

В остальном информативного здесь, как такового, более не имелось. Я с сожалением отошла от афишки. Эх, а я-то понадеялась хоть сколько-нибудь наконец прояснить обстановку.

– Ну вот, – сказала я, – и опять никакой программки. Я, конечно, понимаю, что загадочность таинств великого ведьмака нарушать ни в коем случае нельзя, но надо же хоть какую-то совесть иметь, во всяком случае, перед выступающими... Им же как-нибудь морально подготовиться-то надо. Они же вон сидят тут нервничают, – я нахмурилась, поглядев на Лиру... что-то мне определённо не нравится её вид.

– А пошли-ка отсюда, – велела я, – хворая ты какая-то, смотрю. Давай полденька полежишь, что ли, отдохнёшь. Я тебе отвар укрепляющий состряпаю.

– Всё хорошо, – с робким упорством попыталась возразить Лира, но я строго погрозила пальцем.

– Ты мне это тут не дерзи, – заявила я, – когда оно «хорошо» – это я уж получше твоего знаю. А очи твои ясные у меня что-то сегодня уж очень много подозрений вызывают мутной подёрнутостью. Идём, говорю, в номер, отлежишься, мне не надо, чтобы ты там потом на сцене от слабости в оркестровую яму свалилась. Или вообще заболела, ещё того пуще. Давай-давай... – я подошла к агнцу, чтоб уж наверняка удостовериться – или опровергнуть – свои сомнения, и для верности пощупала ей лобик. Температуру я наощупь, однако, определять не умею, – мало ли, день-то сегодня стоит жаркий; поэтому я на всякий случай и, опять-таки, для верности решила ещё и смерить ей пульс. Я аккуратно протянула руку к тоненькому запястью небесного создания, однако она тут же почему-то пугливо дёрнулась, сжала кулачок и спрятала его за спину.

– Эй? Ты чего? – я удивилась. – Я ж ничего страшного с тобой не сделаю. Только проверю работу сердчишка твоего тревожного. Эй?.. – Я вдруг с изумлением увидела, что она плачет.

– Что случилось? – я села рядом с ней на корточки. – Ну ты что, а?.. Что, плохо? Болит чего? Эй... давай я за водичкой, что ли, сбегаю. Я сейчас, пять минуток, ты только это... в другие измерения, пожалуйста, тут не улетай. – Я вскочила, намереваясь уже немедля переполошить администрацию закусочной на предмет срочного предоставления мне питьевой воды, желательно в количестве достаточном, чтобы привести в чувство создание ангельское и снежно-облачное; однако в этот момент была незамедлительно удержана хрупкой десничкой того самого создания.

– Не надо, – всхлипнула Лира. – Я уже всё... я...

– Какое всё, – сурово нахмурилась я. – Сиди здесь! Я сейчас.

Как только администрация была должным образом переполошена, все самые истеричные особи в длинных очередях должным образом заткнуты, а столь необходимая бутыль питьевой прохладной воды объёмом 0,5 литров мне, наконец, предоставлена, я выбежала из закусочной, незамедлительно притормаживая у скамеечки, где всё так же продолжала сидеть и лить слёзы моя пострадавшая.

– Тихо-тихо, – постаралась произнести я как можно более успокоительным тоном, – на вот, попей...

Ангелок покорно приняла из моих рук прохладную, слегка влажную от конденсата бутылку и попыталась откупорить её. Дёрнув пару раз непокорную крышку, Лира, кажется, впала в отчаяние.

– Давай я сама, – снова суетливо подскочила я, выхватила у неё бутылку и, с силой ухватившись за крышечку, всё-таки отвертела её. Да уж! Порой так завинтят, что потом мозоли на ладони остаются. Забавно, правда, что у меня в семье все труднооткупориваемые сосуды доводится откупоривать именно мне. В частности, когда мама не может открыть банку с каким-нибудь разносолом, она всегда просит об этом меня.

– Держи... пей, – снова протянула я ей бутылку. Лира сделала несколько мелких глоточков. Слезинки ещё блестели на её ресничках, но в целом небесный агнец вроде бы успокоилась. Я тяжело вздохнула, опускаясь рядом с ней на скамейку и переводя дух. Что-то уже у меня у самой пульс подскочил. Перепугалась. А ну как и правда в обморок хлопнется. Что вот мне с такими делать? Не знаю я, как ангелов лечить!

Напившись, Лира поставила бутылочку на край скамейки. Я с некоторой тревогой наблюдала за ней.

– Ну как, легче? – спросила я.

– Угу, – ангелок покивала и шмыгнула носом.

– Эх-х... – протянула я. – Идти-то хоть сможешь? Помочь тебе? Или может, я Мустафу сейчас наберу и попрошу тебя на руках в отель снести, а?

– Нет-нет... не нужно, – кротко произнесла Лира, – всё хорошо, я... я чувствую себя нормально.

– А чего приключилось-то?! – в отчаянии вопросила я. – Чего ревёшь?..

– Я... ну... – ангелок опустила глаза. Я постаралась набраться терпения. Так. Что на этот раз? Фобия афиш? Фобия закусочных? Фобия солнца? Пресвятая пентатоника, я скоро тут с ними точно новые грани психологии познаю. Кассандре Мельпоменовне и не снилось. Ну ничего, зато буду теперь на лекциях её супер-эгу дополнительную работу задавать.

Решив, однако, не прерывать усиленной внутренней деятельности Лиры, я предусмотрительно промолчала... а то сейчас ведь собьётся, и всё сначала придётся начинать.

– Ты прости меня... – внезапно едва слышно произнесла Лира и так же тихонечко всхлипнула. Я напряглась.

– Ты это, – я растерялась. – Ты не усердствуй тут всё-таки, да... в смысле, ну ничего такого, со всеми бывает, не переживай! Неконтролируемые такие эмоциональные выбросы. Я вот иногда хохотать начинаю, сама не знаю, с чего, бывает тоже... ты вон реветь... Жарко сейчас, так, наверно, сдвиги в астральных плоскостях у всех нас... да. – Кажется, я окончательно запуталась. За что это ещё она прощения просит?! Небесное создание! Нет, ну невозможно с ними и с их комплексами неполноценности.

– Я это... я просто... – лепетала ангелок, всё так же не поднимая головы и почему-то вцепившись кулачками в край скамейки, – ты прости... простите меня все... я знаю, что сильно виновата... но я не... так получилось.

– Да что получилось?! – не выдержала я. – Так, ты можешь поконкретнее? Хоть чуточку? Что произошло? в чём ты виновата?!

Они что, все там грех мира на себя берут? С рождения? Но у этой-то какие такие могут быть грехи?.. Она ж... *ангел*, чёрт дери!..

Лира всё-таки усилием воли подняла на меня огромные красные глазёнки, похлопала ресничками, затем как-то вся подобралась и с волнением проговорила:

– Я... ну в общем... вот. – Она убрала из-за спины свой левый кулачок, робко протянула его ко мне и сунула в руки зажатую в нём скомканную бумажку. Я обалдело вытаращила глаза на помятый листик, – Лира, кажется, снова потупила взор и вцепилась в скамейку. Мне не оставалось ничего, кроме как развернуть и прочитать нежданное послание.

– Так... – я нахмурилась, изучая содержимое. – Ух-ты, так это ж как раз и есть список выступлений... Гляди-ка, какой длинный. Мустафе вон сегодня предстоит, ну надо же!.. Интересно, что он покажет в таком-то состоянии духа. А ты где?

– Там... в самом начале, – пискнула Лира, не поворачиваясь.

– А-а, – наконец поняла я, – хотела пропустить, и чтоб никто об этом не узнал! Ну ты хитрюга. Ладно, хорошо, что хоть вовремя призналась... – я продолжила изучение листка.

Постойте-ка... Что такое? Участница Лира, – по должности скрипачка, по призванию ангел, – выступающая со своим номером, а именно: скрипичной сонатой Баха, значится здесь числом...

– Погоди-ка… – я ещё раз поглядела в листок. Затем на Лиру. Затем снова в листок. Затем почему-то на афишу с представительным ведьмаком. – Погоди-ка! Ты хочешь мне сказать, что ты должна выступать… вчера?.. Что за ерунда… Они напутали, что ли? Или как? Или… ничего не понимаю.

– Должна была, – почти шёпотом произнесла Лира. Я нахмурилась.

– То есть как это – должна была? – переспросила я, пытаясь вникнуть в суть сказанного в листке. – Да нет, это тут какая-то оши…

И вдруг до меня, кажется, дошёл смысл происходящего. Я выдохнула, прикрыла глаза и тоже скомкала листик в кулаке.

– То есть, – медленно и раздельно начала говорить я, – ты хочешь сказать, что твоё драматическое выступление должно было состояться вчера. – Я всё-таки открыла глаза и изучающе поглядела на Лиру. Та, всё ещё пристыженно клоня голову с уныло свисающими косичками, быстро закивала. Я выдохнула ещё раз.

– …И ты не выступила, – сделала вывод я. Лира закивала снова. Я прикрыла глаза ладонью, уперев локоть в колено. Так. Хорошо. Хотя бы разобрались, в чём проблема. Хорошо… ведьма, успокойся, не нервничай, дыши-дыши. Ну, Клара Батыевна, вы сами виноваты: я предупреждала, что это всё совершенно не в моей компетенции.

– Как же ты так?.. – проговорила я. – Ты не знала, что ли? – мне всё-таки ещё хотелось верить в безвинность ангелов.

Лира покачала головой. Я вздохнула.

– Ты струсила, – скорей сделала вывод, чем спросила я. Лира всхлипнула и ничего не ответила.

– Ладно, – произнесла я. – И что теперь будешь делать? Как тебе твой экзамен-то зачтут? Небесная комиссия, или… кто там у вас.

– Не знаю… – прошептала ангелок.

– Они уже в курсе насчёт этого, или нет? – я на всякий случай огляделась. Ну, мало ли, вдруг где-нибудь за углом кто из бдительных херувимов затаился, наблюдает.

– Не знаю, – повторила Лира. – Наверно, нет.

– Эх… – выдохнула я. – Ну а чего рыдала-то? Так, поди, может, всё ещё переиграть можно.

– Как переиграть?.. – переспросила ангелок, пугливо заглядывая мне в глаза. – А я… я боялась, что ты ругаться будешь. – Она прижала к себе коленки и упрятала в них личико.

– Я? – я удивилась. – Зачем мне ругаться? Я ж тебе не мамка, чтоб за двойки отчитывать, – я прикусила язык. Про мамку бы тут не надо было. – А… это, если проблема есть, то проблему надо решать, а не ругаться. Какой же смысл? – я развела руками. – Ладно, ничего. Давай я, что ли, сейчас тогда к Мирославу сбегаю. Попросим, чтоб тебя на другой день перенесли, во! А там придумаю чего-нибудь в качестве благовидного предлога. Ну… заболела ты, например. Вон сейчас полкафе видело, как я тут с водой носилась и орала, что человеку плохо. Отличное тебе алиби, свидетелей куча… Да, так и скажем: ты себя плохо чувствовала и выступить уж никак не могла. Засим пусть другой день и назначают! Ну как? – я выжидательно поглядела на агнца. Агнец, кажется, энтузиазма особенного не испытывала.

– Так, – распорядилась я, – пошли пока что в номер. В себя придёшь, умоешься, передохнёшь… а там пойдём вместе к Мирославу. И скажем всё как есть. Верней, наврём ему там с три короба. Верней, ладно, врать буду я, а ты просто там стой и делай виноватый вид. Ну, в принципе, у тебя это и так хорошо получается, без особых репетиций. Ага? Договорились?

– Договорились, – произнесла ангелок и всё-таки чуть-чуть улыбнулась. – Спасибо…

– Пф-ф! Было б за что, – беспечно отозвалась я и с каким-то неземным облегчением спрыгивая, наконец, со скамейки. Фух-х! Ну слава пентатонике, хоть как-то обошлось.

– Идём, – сказала я, прихватывая бутылочку с водой.

– А ты правда не сердишься?.. – произнесла Лира, осторожно и пытливо вглядываясь в меня.
– А чего мне сердиться? – пожала я плечами. – во-первых, Клара Батыевна сама виновата, надо было мне более подробные инструкции давать. Что, куда, чего и где. во-вторых... – я усмехнулась. – Думаешь, сама я всегда всё сдаю вовремя? Чёрта с два! Наплевала я на все правила. Особенно в Университете... Ну да ладно! Пошли, надо сегодня ещё нашим упырям лекцию о здоровом образе жизни зачитать.
– Да уж, – помрачнела Лира. – С Мустафой я сама поговорю.
– Уверена? – удивилась я. – Ну ладно, так и быть. Только ты это осторожнее, не сильно его сковородкой бей.
Ангелок моргнула. Я усмехнулась:
– Ладно-ладно, не красней. Кстати... что это за словечко ты такое вчера ему нашептала? Прямо чудо чудное! Секретом не поделишься?

Глава 6. «Я вам пишу, чего же боле»?

С позволения высокочтимого читателя, описание некоторых дальнейших происшествий, в силу превышающих норму размеров, не вписывающихся в стандартный размер главы, автору придётся опустить. Опустить их придётся также и потому, что вспоминать всё это заново, от корки до корки, да ещё и описывать во всех подробностях, автору представляется совершенно, просто искренне невозможным. В силу позорной слабости авторских нервных клеток.

Однако для порядка, а также для того, чтобы не запутать окончательно высокочтимого читателя, основные события этого безумного дня я всё же перечислю. А именно, к таковым относятся: небезынтересные моменты избиения Мустафы сковородкой в качестве меры наказания за вчерашнее недостойное поведение (как и кем это наказание производилось, я из тактичности умолчу); моменты назидательного нагоняя опустившимся пьяным курицам – также в качестве меры наказания; моменты зачитывания торжественного ультиматума нашей дорогой Кантодельвенто от анонимного маньяка с угрозами предоставить врагам важную конфиденциальную информацию о небезызвестном уже читателю проступке одного из наших почётных членов и требованиями выкупа в размере значительной суммы; а также, в силу последнего, моменты полнейшей деморализации того самого почётного члена Кантодельвенто, ангела Лиры, и некоторых попыток восстановления её душевного равновесия со стороны окружающих.

И вот теперь, минуя весь вышеперечисленный КВН, я здесь, дома у своего друга и любимого наставника, гуманного Горыныча Геродота, предпринимаю тщетные попытки разобраться в первозданном хаосе и, точно древнейший демиург, навести в нём надлежащий порядок. Одна голова – хорошо, как говорится, а если вдобавок к ней есть ещё три, да к тому же, таких, как у Горыныча, – это вообще замечательно.
– Ну и что вы думаете обо всём этом, Ватсон? – поинтересовалась я, дурашливо кривляясь и примеряя на свою физиономию большие стрекозиные очки домовика Константина Невтоныча, которые ему так неосторожно довелось оставить на тумбочке.
– Совершенно ничего конструктивного, Холмс, – с насмешливой улыбкой притворно вздыхает Горыныч. Я с нацепленными очками, которые так и норовят сползти на нос, – но я героически борюсь с этим, подтыкая их то и дело указательным пальцем, – строю ему рожу.
– Ну конечно, разве от тебя можно добиться чего-то конструктивного? – констатирую я. Геродот возводит очи горе и сокрушённо качает наиболее сентиментальной из голов, мол, а что мне ещё остаётся в этом бренном, бренном мире. Я не выдерживаю, прыснув со смеху, – очки соскальзывают с моего лица и плюхаются на диван.

Уважаемые(в данном случае это просто фигура речи) члены группы Кантодельвенто !

Нам известно о том, что вы пытаетесь скрыть. А ведь можно и в опал попасть, что есть замкнутый адский круг. Такой же круглый, как и нимб очаровательной девчушки. Надеемся, что изъяснения достаточно понятны и просты.

Оставьте e^{719} у.е под подушкой в номере 666. Торопитесь – наше терпение не бесконечно.

МУХАХАХАХА !

– Доиграешься – разобьёшь, – предостерегает Горыныч. – Что потом Невтонычу скажем?
– Не разобью, – беспечно пожимаю я плечами, снова беру в руки стрекозовидную «пару глаз водолаза», как из детской дразнилки, и начинаю снова производить с ней некоторые странные манипуляции. Другого слова, к сожалению, найти моим действиям я не могу, – когда мне в руки иной раз попадается посторонний предмет, я в прямом смысле могу путём настойчивых усилий сделать из камня воду и превратить обрывок фольги в гиппопотама. Каким образом мне это удаётся – даже не спрашивайте, сама не знаю. Никакой магии, только ловкость рук.
– И всё-таки, что ты планируешь с этим предпринять? – Геродот лукаво прищуривает горящие тёплым синим огнём глаза своей левой крайней, пристально уставившись на меня (другие две головы, поочерёдно прихлёбывая чай, как всегда, притворяются, что не слушают); я, делая вид, что очень занята очками, отмалчиваюсь, на самом-то деле напряжённо думая. Хе-хе, надо сказать, я действительно боялась, что он это спросит, потому как что делать – это извечный вопрос, заданный ещё Чернышевским; и, по-моему, в той книжке он до ответа так и не докопался; впрочем, она мне показалась весьма скучной, я её так и не дочитала... Может, зря? А вдруг бы помогло сейчас.

Да. «Что делать» – это всегда и во все времена, надо отметить, злободневно. С одной стороны, поступили мы с Лирой не очень честно. С другой... какого чёрта! Я что, позволю кому-то там нас шантажировать? Я позволю шантажировать *себя*?! Ну нет! Отвечать за всё Лира будет перед своими педагогами, а не перед какой-то бандитской шушерой. Честность честностью, а это уж чересчур за невинную шалость... Надо мне, что ли, чтоб её здесь убили?

Даже не знаю теперь, можно ли со всем этим идти к Мирославу Добрыньевичу. Может статься, конечно, здесь имеет место чья-то глупая шутка. Тогда уж точно не имеет смысла жаловаться декану! Следует всего-навсего отыскать, кто это у нас такой юморной, и немедля покарать (Феофан, правда, не сознался даже после того, как я ещё пару раз подвесила его под потолком, что, полагаю, свидетельствует об искренности подозреваемого).

С другой стороны, раз уж негодяи прямо уведомили нас в письме о своей осведомлённости по поводу уклонения от прямых исполнительских обязанностей ангела Лиры, – хотя, казалось бы, кто и когда мог об этом пронюхать; мы и программку-то в близлежащие урны предусмотрительно не выбрасывали... Так вот, раз уж они говорят, что им всё это отлично известно, и в случае чего они могут кой-куда на нас наябедничать... Дела плохи. Я никогда ещё не имела дело с шантажом настоящих преступников, только помню, что во всех фильмах про Мухтара говорилось: не поддавайтесь на угрозы, в любом случае идите в полицию! В полицию я, естественно, не пойду, – сомневаюсь, что там у нас обитают дружелюбные и высокоинтеллектуальные овчарки-ищейки. Кроме того, мы, – точнее, Лира, но раз уж она под моей личной ответственностью, то вместе с ней и я, – и сами сейчас, можно сказать, в стороне от закона... Кхм. Нет, к Мирославу я всё-таки не пойду. Сомневаюсь, что он поверит в нашу температурную ложь с лихорадками и потерями сознания (впрочем, глядя иной раз на Лиру, поверить в это как раз таки очень нетрудно); может, конечно, нам и будет дан второй шанс выступить, а Лире – должным образом зачесть её экзамен, вот только... только... Ну да, вынуждена признаться, что теперь позорно трушу уже я. В смысле... Мало ли что там действительно может произойти, а я за неё тут, как-никак, отвечаю. Она вон выйдет на сцену играть, а тут эти шантажисты на неё как выскочат, как выпрыгнут... Я ж не знаю, в самом деле, как у них там, у ангелов, взаимоотношения с нашими, земными субстанциями. А вдруг им пылинки какой-нибудь достаточно, чтоб вот так на месте взять и помереть. А Мирослав Добрыньевич... Он тоже ведь не может всего предвидеть. Нет. видно, придётся тут действовать как-нибудь самой, осторожно, и без помощи вышестоящих органов. Сегодня мы явно не в числе «ангелов».

И именно поэтому я решила обратиться к своему другу и наставнику Геродоту.

Что делать, говорите?..

– Ну-у, Горыныч, – тяну я, – ты, знаешь ли, вот так вдруг требуешь от меня ответа, будто бы меня и ночью разбудишь, а я должна буду знать его. – Все учителя в школе, насколько мне не изменяет память, постоянно любят так говорить; не знаю, правда, зачем они занимаются этим по ночам, по-моему, существует масса других полезных дел. Например, сон. – Я, знаешь ли, человек разума, а не скоропостижного действия, – я слегка постучала кулаком себе по голове, – мне, знаешь ли, обдумать всё это надо, не спеша, аккуратненько.

– Индюк тоже думал, а потом в суп попал, – фыркнул Геродот. – Пока ты будешь аккуратно размышлять, время пройдёт, и что-нибудь может произойти.

– Что произойти? – осторожно осведомилась я, на минуту перестав теребить домовиковы приборы дальней видимости.

– Всё, что угодно, – загадочно отозвался Горыныч, потянувшись к столу за чашечкой тёплого чая. Не понимаю, и как они все могут пить чай в такую жару?

– А поконкретнее? – я не желала отставать, пока не выясню всё-таки степень запущенности ситуации. – Ты говори, Горыныч. Врага надо знать в лицо.

– Согласен, надо, – покивал Геродот, делая глоток. – Ну что ж, если рассуждать логически, пока мы тут сидим да пересуды устраиваем, ваш безымянный саботажник может потребовать ещё больше денег, или не дождаться и разгласить вашу тайну; а может даже потихоньку начать резать ваших юнитов.

– Юнитов? Каких ещё юнитов? – расхохоталась я. – Горыныч, ты в стратегии компьютерные переиграл? Что за терминология?.. – у меня сдали нервы. Давно заметила: когда я нервничаю, я совсем не подаю вида, могу даже смеяться и шутки шутить. Или вдруг становлюсь очень активной. Наверное, назло себе... А вот нервы, пожалуй, всё-таки лечить надо. Или просто употреблять меньше кофе.

– Смейся, смейся, – Геродот чинно попивал чаёк. – Посмотрим потом, кто посмеётся последним.

– Это ты так тонко на что-то намекаешь? – я приподняла бровь.

– Это я так прямо тебе сообщаю о том, что надо что-нибудь предпринимать, – пояснил он. – Посланьице сохранилось у тебя?

– Разумеется, – отвечала я, – всегда ношу с собой. Вот здесь. У сердца, – я похлопала себя по правой стороне груди. – В смысле, в бумажнике. Которого у меня нет.

– Может, хватит уже ёрничать? – недовольно поморщился Геродот. – Я хотел взглянуть на бумажку, чтобы кое-что выяснить, но, раз тебе моя помощь не нужна... – он чуть развёл одной парой рук, другой парой в это время ловко подливая себе чай.

– Горыныч, ну будет тебе, – пробурчала я. – Здесь у меня эта гадость. Специально же взяла, чтобы тебе показать. – Я извлекла из кармана шорт сложенный вчетверо лист. Геродот брезгливо как-то взял его двумя пальцами, – только что ещё манерно не оттопырил мизинец, – придирчиво оглядел, развернул и начал читать. Две занятые на данный момент чаепитием головы с обеих сторон также косились на листок, не прерывая, однако, своего приятного дела. Я напряжённо наблюдала за ними всеми, продолжая усиленно теребить ободок очков Константина Невтоныча.

– Что ж, – наконец произнёс Геродот, изучив послание с тщательностью истинного детектива, – как ты, возможно, могла догадаться, ученица, всё это сборище многонациональных культур здесь тоже неспроста. Кое-кто заявился сюда отнюдь не с миротворческими целями.

– Ага! Иноземная магическая мафия, – догадалась я. – И разумеется, уж тебе-то хорошо известно, кто есть кто?

– Разумеется, – согласился Геродот. – И, соответственно, вердикт мой таков... Написать это теоретически могли разве что три группировки.

– Три? – переспросила я, чуть подаваясь вперёд. – Расскажи мне о каждой.

– Погоди, – недовольно поднял ладонь Геродот, – терпение. Ты не дослушала… Так вот, теоретически могли это сделать три группы. Ввиду царящих там настроений, желаний, амбиций, расстановки сил, политической выгоды и, разумеется, моральных ценностей. Но при этом одну из них – венецианских карликов из группы «Плутон», – можно отмести сразу как неправдоподобный вариант. Дело в том, что среди них нет и никогда не было тех, кто будет действовать настолько завуалированно. Венецианские карлики любят кичиться тем, что они никогда не бьют в лоб, а их главное оружие – тайный шантаж… о таких вещах в жизни не говорят вслух, поэтому можно сделать вывод, что на самом деле так действовать они не будут.
– Точно, – вставила я, – когда человек трижды повторит, что он всегда говорит правду, можно уже знать наверняка, что он лжёт.
– Именно так, – прокудахтал Геродот, и затем его левая крайняя голова внезапно сделала глоток чая из чашки средней головы. Лицо средней головы тут же приобрело выражение крайней степени возмущения подобной наглостью, однако она промолчала, вероятно, не желая раздувать очередной межголовной конфликт… Тяжело всё-таки, когда сам с собой ссоришься.
– Дальше, группа североафриканских секобокобо[6], именующая себя «Мефисто», – как ни в чём ни бывало продолжала левая крайняя голова, утерев губы. – О них мало что известно, однако я почему-то уверен, что и они не будут поступать так. Во-первых, их не было на этой церемонии, поэтому о вас они вряд ли знают. Их не особенно интересуют события внешнего мира, у них закрытая и довольно-таки социофобная; я бы даже сказал, социопатическая организация.
– Недаром и названьице такое, – пробормотала я и от переживаний слегка погнула одну дужку очкам Константина Невтоныча. Хм… так, ладно, сейчас выпрямим.
– К тому же, – прибавил Горыныч, – есть и ещё один немаловажный фактор, говорящий против участия в этой затее данных персон…
– И какой же?! – не выдержала я, пристально буравя взглядом Геродота.
– Хе-хе, – он усмехнулся, – ну смотри. Кому может потребоваться вымогать выкуп из горстки неопытной молодёжи в обмен на сохранение её тайны?.. Тем, кто хочет получить деньги? О нет, неверный ответ. Деньги, конечно же, всем нужны, но тратить столько сил и внимания только ради этого, когда можно попросту кого-нибудь ограбить?.. Увольте. Авторитет, самоутверждение? Глупости. Самоутверждаться, запугивая новичков, – это что-то из области уровня развития средней школы. Значит, остаётся нам что? – он щёлкнул пальцами. – Правильно, ну конечно. Заиметь себе союзника, а, что более верно… вассала. Того, кто будет зависеть от них, из кого они смогут то и дело выкачивать силы, ресурсы, деньги, информацию… Эдакий организм-донор для паразита. Само собой разумеется, сильные, авторитетные волшебники для этого не подходят. Куда там с ними справиться мелкой сошке… А вот юные, только-только проклюнувшиеся из скорлупы студенты, неопытные, не имеющие толком никаких связей и сил, вполне подходят на роль безвольного раба.
– То есть, ты считаешь, на этом они не остановятся, – сделала вывод я.
– Пф-ф, ну конечно, – отмахнулся Геродот. – Неужели можно быть таким наивным, чтобы полагать, будто им так нужен какой-то жалкий выкуп в однократном размере? Хи-хи-хи, это смешно и несоизмеримо с деятельностью опытного шантажиста.
– Подожди, – остановила я, – почему ты уверен, что это обязательно какая-то опытная организация, и что их план так продуман и коварен? Может, это так, обычные саботажники. Какие-нибудь ленивые орки или тролли, которым просто не хочется работать, но хочется, в то же время, хлеба и зрелищ, – да и всё…
– Ты не дослушала, – поморщился Горыныч. Так, так, ладно, молчу, не прерываю больше твой гениальнейший гамлетовский монолог. Ох, что с них, этих трёх разумов, возьмёшь? Никогда не могут сразу нормально сказать.

---

[6] В африканской мифологии – однорукие, одноногие, одноглазые существа.

Обязательно время тянут. Поговорить ему, что ли, больше не с кем?! У него вон тут домовики вечно, как тараканы, повсюду бегают. Хм-м… хотя, кстати говоря, куда-то они подевались сегодня, что-то их не видно.

– Как я уже говорил, – немного обиженно продолжал Геродот, – полагать, будто им нужен только какой-то одноразовый выкуп, глупо. Здесь мотив посильнее, этим существам нужны вы, просто вы, во всём своём масштабе, всем своим телом и кровью, чтобы высасывать вас, выпивать до капли, питаться вами да радоваться жизни. Значит, делаем вывод, что это некая тайная организация, у которой ресурсов не хватает настолько, что она готова на отчаянные меры. Кроме того, скорей всего, они из изгоев, аутсайдеров, от которых все отвернулись и не желают не только вступать в союз, но и предоставлять элементарную гуманитарную, так сказать, помощь. Разумеется, взамен они бы предложили вам своё покровительство, мнимую поддержку, – а на деле шаткую, точно стул под ногами висельника; – они бы сказали, будто станут защищать вас и помогать, чем смогут… Конечно, предложено всё это было бы только после внесения выкупа и вместе с выдвинутыми требованиями – в обмен на продление срока хранения вашей тайны.

– И так до тех пор, пока смерть не разлучит нас, – страстно и патетически продолжила я, снова не выдержав. – Так что же, что же подсказывает вам ваш гениальный ум, Шерлок? Так уж и быть, уступаю на сегодня роль Шерлока вам.

– Мой гениальный ум подсказывает мне, – сказал Геродот, нисколько не клюнувши на мою лесть, – что, руководствуясь такими выводами, вычислить лица, которые решили вас шантажировать, становится совершенно нетрудно. Группа «Мефисто», как я уже сказал, самодостаточна, им вряд ли бы захотелось вступать в контакт с кем бы то ни было; кроме того, они всё ещё пребывают в неведении о вашем существовании. Группа «Плутон» – просто слишком прямые и очевидные люди, это явно не их почерк, хотя я бы сказал, что это им было бы выгодно. Но куда больше фактов упрямо говорят в пользу совершенно других личностей… – Геродотовы головы одна за другой, не сговариваясь, допили чай и неторопливо опустили чашки обратно на стол. Я, затаив дыхание, наблюдала за ними. Дужка очков Константина Невтоныча прогнулась у меня уже в другую сторону.

– Ну? И кто же это? – я едва удерживалась от искушения, чтобы запустить в Горыныча чем-нибудь тяжёлым. Но тогда, боюсь, он бы совсем обиделся и уж точно ничего не захотел говорить.

Геродот поднял на меня хитрый взгляд и усмехнулся.

– Неофициальная итальянская организация «Коррупцио», – назвал он, – также известная в более узких кругах как «Сдуй-лимон».

– «Сдуй-лимон»? – я снова прыснула со смеху. – Откуда, позволь узнать, такое… оригинальное наименование?!

– Оттого, что невезучие такие, – пояснил Горыныч. – Деньги у них, говорят, совсем в руках не держатся, и то и дело вдруг пропадают чуть ли не целыми «лимонами». Буквально так и есть: сдувает, как лёгким ветерком.

– Угу, или храпом Константина Невтоныча, например, – привела я довольно-таки живописный пример, и даже представила себе это в голове. – А что это за организация-то вообще? Каким ветром их сюда, к нам на мастер-класс, надуло? Ну, ты, в общем, понял: я хочу знать врага в лицо и посмотреть в зубы дареному троянскому коню. Как у них зубы-то? Здоровые?

– Здоровые, здоровые, можешь не сомневаться, – ухмыльнулся Геродот. – До того здоровые, что эти ребята сами могут тебя сдуть, как пылинку, – не успеешь моргнуть глазом. На мастер-классе они тоже неслучайно; где, как ни здесь, ещё увидишь такое собрание мифических существ, в среде которых можно отыскать какое-нибудь слабое звено вроде вас, да качать денежки: выбирай – не хочу… Но факт остаётся фактом, средств к существованию у них нет, поэтому они и были первым, что я интуитивно предположил. По всем остальным параметрам эта организация тоже идеально вписывается, так что, полагаю, это именно они.

– И ты всё определил вот по этому письмецу?! – я кивнула на бумажку, которая всё ещё валялась на столе. – Да ты гениален, Шерлок.

– Хе-хе-хе, само собой, – во всех трёх парах глаз Горыныча таилась тёплая усмешка, у каждой головы – своего оттенка. – Ну и ещё, к тому же сказать, от этого письма прямо-таки смердит просроченной Огненной аурой. Неужели ты не почувствовала?

– Нет, – ошалело пробормотала я. Ну куда глядели мои глаза, где гуляли мои уши, в каком месте отдыхали мои извилины?! Я действительно настолько растерялась, что даже не догадалась просканировать письмецо на наличие энергии Стихий. Ну конечно, простые гангстеры такими штучками не пользуются. Тут виноваты колдуны... И только колдуны, о невнятное четвертитонье моей души.

– Погоди... и что из этого следует? – удивилась я. – Почему Огненная Стихия указывает именно на организацию... как их там? Капуцинов?

– «Коррупцио», – поправил Горыныч. – Ну, видишь ли, дело в том, что у группы «Плутон», например, вовсе нет представителя Огненного Элемента. А у «Мефисто» подобные послания пишет только глава, связующий Элемент Эфира. И, кроме того... – он как-то особенно лукаво ухмыльнулся, – просто это – их фирменная печать. все знают, что группировка «Сдуй-лимон» всегда и везде следит своим Огненным духом. По которому её становится слишком просто распознать... видимо, они надеются, что вы, как достаточно юные отроки, ещё не в курсе этой их особенности. – Геродот улыбался, как-то очень снисходительно и по-наставнически глядя на меня.

– Гениально, Шерлок... – только и выдохнула я.

– Элементарно, Ватсон, – весело отозвался Горыныч.

Очуметь. Почему нельзя было сказать всего этого сразу, без того, чтобы полтора часа пудрить мне нос какой-то невнятной философией преступного мира?! Я выдохнула, попытавшись успокоиться, но вместо этого сделала какое-то неосторожное резкое движение... очки Константина Невтоныча выскользнули у меня из рук и шмякнулись об пол. С характерным саморазрушающимся звоном.

Хи-хи... ну вот, теперь уже погнутая дужка – это, можно сказать, мелочь.

– Я же говорил, что доиграешься, – покачал головами Геродот. – Ай-яй-яй, какая ты неловкая, ученица.

– Ну бывает, – проворчала я, поднимая осколки и озадаченно их оглядывая. – Ладно, Горыныч, ты только обещай, что меня не выдашь Константину Невтонычу. – Я аккуратно положила останки очков на стол, наложив на них лёгкий мираж, чтобы хозяин хотя бы не сразу осознал свершившуюся трагедию.

– Чего не сделаешь ради любимой ученицы, – театрально вздохнув, заявил Горыныч. Я хмыкнула.

– Между прочим, куда это они все подевались? – поинтересовалась я. – Что-то подозрительно тихо у тебя сегодня.

– По грибы отправились, – усмехнулся Геродот.

– Да ладно, – покачала я головой. – И оставили тебя одного! Бедный. Не сомневаюсь, ты очень опечален тем, что не доведётся самолично набрать полное лукошко поганок для Лернейской Гидры.

– Ну-ну, будет тебе, ученица, – возразил Горыныч, – они поехали по одному очень важному и очень секретному делу, которое я им поручил. К вечеру обещали вернуться, – а я тут пока что дом стерегу, очаг поддерживаю.

– Домохозяйка! – подразнила я. Ну, теперь ясно, почему Горыныча так понесло на монологи. Ему в очередной раз не с кем пообщаться и поизливать душу. Что ж поделать: такой вот общительный у меня Горыныч. всегда, пожалуй, был. До сих пор помню, как Геродот впервые показывал мне Бета-измерение, – а большую часть времени занимался тем, что приставал к каждому встречному; вероятно, чтобы нагляднее продемонстрировать мне своё искусство истинного театрала... Хм, ну ладно, сейчас, опять же, не время для ностальгии. Надо использовать выгодно подвернувшуюся болтливость Геродота для полезных целей.

– Ты можешь мне что-нибудь рассказать о них? – спросила я. – Об этих Сдуй-лимонах. Лучшая защита – нападение. Надо продумать, как бы их побольнее по слабым местам ударить. Расскажи мне всё, что ты знаешь, Горыныч.

– Да тут, в общем-то, нечего особенно рассказывать, – лениво отозвался Геродот, откидываясь на спинку кресла. – Группировка маленькая, заурядная… организовались откуда-то из плебеев, обычное дело. Ребята простые, было не на что жить, хулиганили на улице, а потом решили поиграть в пиратов. С кем не бывает… – Горыныч утомлённо прикрыл глаза левой головы, скрестив одну пару рук на груди. Средняя и правая голова снова принялись за чаи. Я терпеливо выжидала всю эту драматическую постановку, стараясь уловить хоть что-то важное для своих ушей.

Геродот, наконец, открыл глаза.

– Есть кое-что, правда, на их совести, – заметил он, пристально глядя на меня, – действительно не очень честное. Воровать они, надо сказать, на улицах научились хорошо. И теперь потихоньку воруют у своих же. Много, конечно, наворовать всё равно не получается, вот и перебиваются чечевичной похлёбкой да чаем без сахара, но… кое-какие махинации и у них выходят вполне складно. Одно время я за ними даже следил для Университета. Мирославу зачем-то было надо о них знать, ну да он паникёр редкостный, вечно делает из мухи слона. – Геродот снова закрыл глаза. – В общем говоря, у меня где-то даже вроде бы есть некоторые документы, подтверждающие их незаконную деятельность. Надо покопаться.

– Ну-ну, вот тебе и Коррупцио, – только и сказала я. – Видимо, имечко они себе придумали действительно говорящее!

– Именно, – подтвердил Горыныч, слабо улыбаясь. – Ты, кстати говоря, помнишь о том, что сегодня вечером вам предстоит?

А предстояло нам, конечно же, очередное продолжение банкета, то бишь мастер-класса.

– Ага, я ещё с утра Лире сказала, – я задумалась, ещё раз прокручивая в голове события первой половины дня. Ну да. Так и было… Мне, правда, хватило ума напомнить это небесному агнцу («выше нос, всё хорошо, сейчас отвлечёмся, повеселимся, посмотрим мастер-класс Ведьмака…») сразу после того, как нам с трудом коллективными усилиями удалось её успокоить после шокирующей вести о письме шантажистского содержания. После чего последовала новая волна постанываний и уже откровенного нытья «зачем я родилась ангелом», «зачем я стала скрипачкой» и так далее, и тому подобное, – чего я выдержать уже просто не могла, потому и сбежала к Горынычу за советом и поддержкой.

– И как она? – осведомился Геродот, всё так же лениво наблюдая за мной из-под полуприкрытых век левой крайней. Я тяжко вздохнула.

– Ну а ты сам догадайся, – развела я руками. – Никак. Мы её и без того еле на это мероприятие вытащили, а, стоило упомянуть, что сегодня вечером состоится ещё и продолжение… – я покачала головой. – По крайней мере, когда я уходила, она швырялась во всех конфетами и кричала, что никуда не пойдёт, никого не хочет видеть; что она вообще не скрипачка и не ангел, и раз мы все такие умные, то пусть идём сами, без неё, а ей и тут неплохо. И да, это ещё совсем не конец цитаты, но продолжать я не буду. – Завершив нехитрую повесть, я почесала в затылке, пока что ещё смутно представляя, как мы заставим небесное создание всё-таки покинуть пределы комнаты. Не думаю, что ей стоит отлынивать от мастер-класса. Ну, мало ли чего! Разрешим мы как-нибудь эту ситуацию. А экзамен-то ей сдавать надо, как ни крути, – вдруг как раз для этого подходящая возможность подвернётся! Горыныч, конечно, нагнетает, но вдруг он ошибается? Все ошибаются. Я же со своей стороны всё-таки подозреваю в этом письме чьё-то неуместное арлекинство… Вот погодите, только узнаю, чьё, и жабры на клыки намотаю.

И вообще. Нельзя от социума отрываться, особенно таким снежно-облачным созданиям, как моя Лира. Я, конечно, понимаю, что прошлый вечерок прошёл... ну ещё как сказать: я б даже с уверенностью оценила его на «удовлетворительно». Бывает и похуже!

– Ничего, как-нибудь вытащите, – благосклонно отозвался Горыныч. Я вздохнула и поглядела куда-то в сторону. Ну хоть Горыныч в меня верит, а это уже что-то. А то вот самой в себя мне как-то не слишком верится.

– Ну что ж сказать, Горыныч; спасибо тебе за информацию, а я, пожалуй, буду откланиваться, – заявила я, приподнимаясь. – Надо возвращаться поскорее, а то, чую, там у нас творится полный доминанттерцквартаккорд, причём без разрешения диссонансов, так что... – я чуть пожала плечами. – Кстати, интересно мне, с чего это ты привычки вдруг решил сменить? Ты же вроде бы чай не сильно жалуешь.

– Желудок у меня что-то болит, – признался Геродот, и левая крайняя голова его слегка поморщилась; средняя голова даже в тон начала скорбно покряхтывать, – ещё со вчерашнего дня. Видимо, мастерство поваров на этом празднике оставляет желать лучшего. – Он тоже встал со своего кресла. – А чай, говорят, помогает. – Горыныч улыбнулся. Мне почему-то стало жалко отсюда уходить. У Геродота так редко бывает тихо и спокойно, а вот сегодня, как на грех, и домовиков нет, и Гидра над ухом не гундосит, и Нафаня не материализует лягушек то и дело под носом, – я их не боюсь, но Нафане почему-то уж очень сильно захотелось мне внушить, что боюсь; пока, конечно, безрезультатно; – даже тихой и мирной Дездемоны, против которой я, в общем-то, ничего не имею, сегодня здесь в наличии не имеется... И так как-то мило, уютно. Занавешенные шторы, не пропускающие царящую вокруг африканскую жару, искусственный оранжевый свет в декоративном камине, мягкие кресла, чай – и Горыныч, такой до странности домашний и какой-то тоже уютный. Я с сожалением покосилась на Геродота. Эх-х, осталась бы я сейчас здесь с удовольствием, и слушала бы от тебя что угодно, да вот только действительно нужно мне спешить и что-то делать.

– Ты смотри мне осторожнее, Горыныч, – предостерегла я. – Чай, оно дело, конечно, хорошее, а только им желудок не лечат. Ты бы попил, что ли, хоть таблетки какие-то. А ещё лучше, домовиков попроси тебя подлечить.

– Ещё чего, – фыркнул Геродот. – Ну что же, счастливо тебе, ученица.

– Не провожай меня, Шерлок, – предостерегающе подняла я руку вверх, – стар ты уже стал да немощен. Ты приляг, что ли, отдыхать, а за тебя молодые пусть побегают. Ты, главное, не волнуйся, нервы, они тоже желудку вредят.

– Хе-хе, общение с Нафаней тебе явно не идёт на пользу, – сообщил мне Горыныч, усмехаясь и качая левой головой.

– Да нет, Горыныч, тут дело намно-о-ого серьёзнее, – протянула я, чуть задерживаясь в дверях комнаты. – Просто я сама такая, вот... как ни крути. – Я задумалась, почему-то вспомнив разбитые очки Константина Невтоныча. – Ну хорошо, Горыныч, спасибо тебе. Я пошла, бывай. – Махнув рукой, я вышла. Ну что же. Кое-чего мы узнали, – значит, теперь остаётся просто немного обдумать всё это.

Ничего, подумала я; я ведьма всё-таки не промах, уж чего-нибудь да соображу.

Не узнала же и Гидра до сих пор ничего о том, что я её заколки на конфорке случайно расплавила.

***

Как уже указывалось мной ранее, следующая часть мастер-класса имела место быть в маленькой пиццерии возле отеля.

Где-то в задней части мозга у меня мелькнула шаловливая мысль о том, что оттуда тащить в номера пьяных соотечественников будет уже немного проще.

– Чёрт! – выкрикнула я, неожиданно наступив в услужливо наложенную где-то посреди дороги собачью кучку. – Неполный ж терцквартаккорд твоей родственной тональности пополам через все круги да прямо в рай!

– Не ругайся, – тихо попросила Лира. Я же со злостью и остервенением принялась отскрёбывать собачью радость от подошвы своих кед о край бордюра и росший поблизости хиленький газон. Хорошо, что я хоть догадалась нацепить кеды, а не туфли. Мирослав сказал, сегодня обстановка будет менее официальной, и я решила немного расслабиться в плане внешнего вида. Да и на спортивный костюм нашего Феофана они, по-моему, в прошлый раз не особенно смотрели. Так чего ради организм-то зря напрягать? Тем более, ненавижу я туфли, сегодня вон полдня пыталась отойти от них. Да-да, куда подальше от туфель и официальных условностей!

Я покосилась на хихикающих где-то невдалеке Дуняшу с Феофаном и бросила на них весьма мрачный взгляд.

– Кто скажет хоть одно слово, у того всё это сейчас окажется на штанах.

Понимая, что я сейчас действительно не шучу, эти двое захлопнули рты. Ну, то-то же.

– А, ничего, – флегматично заметила я, наконец, завершив очистительные процедуры моего кеда. – К деньгам, значит. – Я покосилась на Лиру. Всю дорогу она пребывала в состоянии какой-то прострации, не поддаваясь внешним воздействиям; я уж опять начинала тревожиться. – Эй, пошли, что ли. Чего на месте сидеть...

– Ну, в принципе, только тебя и ждали, – заметила мне Дуняша довольно прямолинейно.

– Дождались? – спросила я. – Идём. – Не следя за остальными, я зашагала впереди.

Настроение у всех было, скажем так, не ахти. Кто-то ещё до сих пор отходил от похмелья, кто-то, – я подозрительно покосилась на Мустафу, на три неровные царапины у него на ключице, и снова на Мустафу, – от бурных этико-эмоциональных сцен.

А кого-то всё-таки немного больше волнует сейчас наше положение. Что будет, если эти чудаки решат объявиться прямо на мастер-классе и потребовать деньги? Хм-м, нехорошо выйдет. Очень нехорошо... Может выйти много переломанных костей, да, весьма. Сколько там у людей в скелете костей, кстати говоря?

– Мустафа, сколько у людей в организме костей? – поинтересовалась я, обернувшись через плечо.

– Около двухсот, – спокойно и беспристрастно ответил Мустафа. Лира удивлённо посмотрела на меня.

– Тебе это зачем? – с некоторой опаской спросила она.

– Да так, к слову, – хмыкнула я, нехорошо улыбаясь. Ну нет, дорогой мой аноним, я тебе этого так просто не оставлю. Вымогаем, значит. Хотим припиявиться (от слова пиявка) к нам и сосать кровушку. Ну не-ет, господа, я этого не потерплю, это, господа, уж натуральный произвол. Как натуральный звукоряд: то бишь, сразу легко отличить.

Пусть только попадётся мне это тараканье отродье, прибью на месте. И плевать, что я филантроп и человеколюбивая ведьма.

Плевать. Прибью. Задушу. И косточками похрущу. Ха-ха-ха...

Видимо, вид у меня был и впрямь какой-то мозгоустрашающий, потому как до конца пути никто меня трогать не отважился.

В пиццерии было шумно. Видимо, на банкет сегодня пришло куда больше людей, чем вчера. То ли им было скучно слушать торжественную часть, то ли они забыли поставить себе будильник и опоздали на целый день... Однако, что за бред я несу? Да и какая мне разница.

Ведьмак Самуил ещё не показывался, но, видимо, всё самое интересное было впереди. Надеюсь, сегодня-то хоть удастся вполне насладиться его выступлением, а то ведь вчера так ни черта и не увидели.

Я взяла с подноса проходящего мимо официанта небольшой стакан сока и отошла подальше. Желания общаться с кем-либо у меня не было совершенно. Люди раздражали. Люди, черти, агнцы, вампиры, африканские секобокобо и так далее...

Подумалось даже мимолётом, - может, ну их всех? А пойдём все обратно домой. Вон и у Лиры нет настроения, и Мустафа сегодня ещё, очевидно, не совсем в форме, а ему выступать... А что, проигнорировала же наш божий агнец свою прямую исполнительскую обязанность, так чего, только ей одной можно?

Я огляделась. Все наши опять разбрелись кто куда. Ну никакой системы... Я покачала головой, вздыхая.

Лишь бы не напились опять. Русская душа, она, конечно, душа широкая, но мне хочется всё же надеяться, что на ошибках учиться душа эта немного умеет. Хоть иногда. Или ей поможет, в таком уж случае, память тела, услужливо предоставив самые красочные картинки нравственного и физического падения в минуты недостойной слабости.

Нет, вроде бы буянить не собираются. Смирные сегодня. Вот так всегда как-то и выходит: чтоб человекоподобные были смирными и хорошими, надо их перед тем как-нибудь сурово наказать. Или пристыдить... в общем, микроапокалипсис устроить. Небольшой межзвёздный коллапс...

Из моего уголка было довольно удобно наблюдать за находящимися в зале. Вон Мустафа, стоит вроде прилично, разглядывает опять картины, которые в дань моде понавесили даже здесь, в кафе быстрого питания (разумеется, чтоб было красиво, как в casa mare). И дались им эти уродства?.. Понять не могу и никогда не могла. Ну, намалёвано диво какое-то дивное, чудо-юдо из тридевятого царства, - и то в набрызганном цветовом пятне очертания чуда-юда угадываются весьма примерно и абстрактно...

Я брезгливо отвернулась от Мустафы и творческих судорог новоявленных малевичей-намалевичей, рассеянным взглядом обозревая остальной простор зала. Дуняша и Василиса где-то там потерялись... хе-хе, а вроде бы батута в зале нет, чтоб подпрыгнуть и улететь куда-нибудь, как Элли с Тотошкой. А, нет, вижу... Дуняшину спину вижу. Вон там стоит... пьёт?! Нет, ложная тревога, это сок. Так... а Василиса... кикимора наша. Василису не вижу. Ладно. Думаю, товарищи алкоголики всё-таки сегодня будут иметь совесть...

Кстати об алкоголиках...

Местоположение Элемента Земли для меня лично пока что тоже оставалось загадкой. Ну ладно, он же у нас люцифер, так пусть привыкает; поддерживает имидж, что ли. Гордого одиночества...

Про себя я злобно хихикнула. Нет, такими темпами у меня, положительно, совсем скоро испортится характер, - до того, что я стану каждого встречного превращать в лягушку, - да-да, подобно тем самым, которых так умело и охотно вытворяет Нафаня; - жабу, пиявку, таракана, или ещё какое-нибудь неприятное существо. И стану я эдакой настоящей злой ведьмой, жить буду в дремучем лесу на болоте, пугать всех людишек, воровать детей, сажать их на лопату и... рассказывать хорошие, добрые сказки, раздавая конфеты даром. Чтоб только одни детишки знали, что ведьма – существо светлое и миролюбивое, а вот взрослые пущай боятся. И, в сущности, так им и надо, с детей иногда в чём-то пример надо брать.

Василиса с Дуняшей синхронно приблизились к столу и взяли себе ещё сока. «Травоядные пошли на водопой», промелькнуло у меня в голове знакомым голосом Святогора. Хи-хи. Стадо сегодня смирное. У стада засуха, стадо пошло дружно утолять жажду. Ну-ну...

Если Феофан через пару минут не присоединится к этому очаровательному сонму божьих овечек, я его быстренько где-нибудь найду и предам анафеме.

Я ещё раз огляделась и вздохнула.

А вон Саваоф в уголке с кем-то премило воркует, - может, подойти?.. Поговорить по душам, что ли, пожаловаться друг другу на жизнь и непослушных подопечных...

Стоп.

Стоять!

Да нет же… не просто стоять, а СТОП-КАДР!!! Я ещё раз быстренько пробежалась глазами по безлицей толпе разноцветных и разношёрстных травоядных, пытаясь среди них найти одно, всего лишь одно, маленькое, но весьма и весьма важное голубенькое вкрапление…

ЛИРА, терцквартаккорд в твой мозг, ГДЕ ОНА?!

Я тихо заскрежетала зубами, закатив глаза к потолку и сжав руки в кулаки. Потом зажмурилась, стараясь дышать глубоко, спокойно-спокойно и плавно, как Святогор учил, и затем разжать их. Так. Я дышу. Я спокойна. Я миролюбива. Я филантроп. Я люблю людишек, а вовсе не хочу их всех сейчас придушить и превратить в сомнительного вида лягух. «Какого. Какого. Чёрта, – спокойно думала я. Сейчас я вошла в слоу-режим, так что можно было не беспокоиться, что наломаю дров. – Какого. Чёрта. Она. Опять куда-то делась. Опять…» Я ещё раз глубоко вдохнула, а потом резко сорвалась с места и понеслась её искать. Ох-х, как всё-таки хорошо, что я надела сегодня кеды, а не туфли, иначе в них бегать было бы совершенно невозможно.

«Зачистив» ползала, точно заправский шпион и гениальный сыщик, у которого глаз-как-у-орла (хм-м, про Горыныча песенка, что ли?), пронёсшись по нему пару раз, будто какая-то ненормальная, сошедшая с орбиты, комета, и ещё и умудрившись не сбить никого с ног, я остановилась посреди зала, пытаясь перевести дух. Лиры нигде не было. Просто как след простыл… может, всё-таки пошла домой?..

Я подошла к столу и, всё пытаясь отдышаться, не глядя взяла стоящий там стакан воды и залпом выпила. Надо бы тогда пойти проверить в номере, что ли… и… ой.

И тут вдруг мне что-то ударило в голову. Смутно понимая, что прозрачная жидкость в том самом злополучном стакане могла оказаться вполне совсем и не водой, я покачнулась, ощущая, как окружающий мир плывёт у меня перед глазами. Горло как-то запоздало обожгло, словно я съела не просто целую голову, а здоровую такую головищу чеснока, без хлеба, без борща, без мамалыги, без ничего. Ух… я выдохнула, кашляя и пытаясь понять, на какую планету меня сейчас занесло, и дружелюбны ли обитающие здесь пришельцы. И, самое главное, на каком языке мне сейчас с ними говорить… и на языке ли. А вдруг они изъясняются… скажем, ногами или руками.

Кое-как вытерев выступившие на глазах слёзы рукавом рубашки, я, всё ещё немного шатаясь, кажется, медленно побрела куда-то вперёд. Толпа вокруг продолжала оставаться той же толпой травоядных, но… надо же! Куда-то вдруг исчезла вся ненависть, всё раздражение… Ух-ты! Да я вас всех люблю! Надо же, я и впрямь филантроп. А? Кто это там тут?.. Ой… «там» и «тут» в одном предложении… вот это сказанула. Моя бывшая учительница рунических языков бы подобного мне не простила… хе-хе, а вот этот парень на неё почему-то очень похож… э-э… в смысле, ну… глазами. Да! Точно, глазами. Или не похож…

– И-извините, – протянула я, как-то глупо, наверно, в этот момент улыбаясь, и слегка подёргала за рукав какого-то человека перед собой, – а вы не подскажете мне, как пройти в библиотеку?..

– Хм-м? – немного озадаченно поглядел на меня человек, и я поняла, что, по-видимому, невольно перешла на русский язык. Ух-ты-ы, а глаза-то, глаза… Тьфу! Нет. У моей учительницы глаза были голубые, а у этого… какие-то… э… А, да! Тоже голубые, да. Голубой цвет!! Надо найти Лиру…

– Неважно! – рявкнула я, фамильярно хлопнув его по плечу. – Живи! Живите все! Я вас люблю. Я вас сегодня никого не стану превращать в лягушек, хе-хе!.. вы все такие замечательные люди… Однако мне надо… – я задумалась. – Да-а, мне надо найти кого-то… Лиру, точно! Мне её надо найти. Вот. Так что извини, юноша, мы с тобой не пара. Финито ля комедия, вот! Аста ла виста, бэйби. – Я ещё раз похлопала немного ошалевшего дядьку по плечу, а затем всё той же шаткой походкой направилась куда-то в другую сторону. Мне очень хотелось пить; жжение в горле перешло в какую-то противную сухость. Чёрт… уже похмелье, что ли?! Рановато… я думала, что поначалу опьянение – это вроде должно быть приятно. Ох, чёрт, голова. Я слегка прислонилась к стене, пытаясь унять накатившее головокружение. Это нехорошо… вот упаду здесь, грохнусь со

всего размаху, и будет... будет стыдно. Это же стыдно – падать? Или смешно?.. Хм-м... Знаю, надо попробовать! Тогда будет ясно. Или нет, лучше не надо... Лира же расстроится. Лира...

Я подняла глаза, прищуриваясь и пытаясь сфокусировать расплывающееся зрение. Вот одна точка, вот другая точка... Так! Тела на большом расстоянии – это на самом деле материальные точки... а материальная точка – это тело, размерами которого можно пренебречь... ой. Это что-то уж совсем не то... видимо, зря я вспомнила про школу. Тут какая-то физика уже полезла... Хм. Ладно. Неважно! Надо найти... э...

– С вами всё хорошо, Флорина? – я услышала чей-то знакомый голос и подняла глаза... ой, ой! Ужас! Что это ещё за творение намалевича очередное?! Али чудо-юдо настоящее передо мной явилось...

Я испуганно хлопнула глазами, слегка потрясла головой, и мозги встали на место. Гераклит. Точно... Это же Гераклит. Спокойно... надо быть спокойной. И желательно не дышать, чтобы он не понял, что я пьяная... мне почему-то стало вдруг очень стыдно оттого, что я пьяная. Хоть и не специально, конечно, но... первый раз в жизни! Первый раз в жизни я нахожусь в подобном состоянии!.. Это как-то... даже обидно.

– Привет, – я постаралась улыбнуться так, как подобает нормальному человеку. – Да... всё в порядке, спасибо, просто немного... э... голова кружится. Это от духоты, видимо.

– Вам стоит выйти на воздух, – тепло поглядел в ответ Ге... Гер... как его звать-то?! Забыла... чёрт! Я идиотка.

Точнее, нет. Я просто пьяная... Ох, как же это странно осознавать!..

– Ага... думаю, да, – я продолжала натягивать на себя эту официальную улыбочку, хотя внутренне мне вдруг почему-то захотелось хохотать, безудержно и безнадёжно, – от комичности и одновременно трагичности всего положения. Бог мой... пресвятая пентатоника мне в лоб. Нет, похоже, раньше я не знала, что такое есть позор!

– Вам помочь? – Гераклит как-то обеспокоенно поглядел на меня. Я усилием воли оторвалась, наконец, от стенки, сообразив, что мне лучше действительно отсюда улетучиваться.

– Нет-нет! Всё хорошо, я могу и сама, – улыбаемся и машем, ведьма, улыбаемся и машем. – Спасибо, не стоит беспокоиться... – я плавной лунной походкой, при каждом движении ощущая, что я тревожу пол под ногами, и он начинает колыхаться, точно тесто, быстро-быстро и по возможности не раскачиваясь, очистила помещение от своего присутствия.

Снаружи я перевела дух, слегка облокотившись о какую-то колонну. Ну это же надо так влипнуть, а?! Сама стыдила пьяниц, а теперь, похоже, я и сама из сообщества анонимных алкоголиков. Эх... одна Лира у нас чиста, как ангел. Где б её ещё только искать-то?..

– Лира-а... – протянула я, не особо надеясь, что меня услышат, однако сейчас, ввиду хмельных мозгов, мною овладела просто потрясающая безмятежность, и мне стало всё равно. – Ангелочек ты наш... ну где же ты... где-е...

Я стояла, облокотившись лбом о колонну, наблюдая пыльный паркетный пол веранды и чистенькую дорожку перед входом в пиццерию. На дорожку передо мной сел воробышек. Мне почему-то стало грустно.

– Ой чёрный во-о-орон, что ж ты вьёшься, да над мое-ею головою... – тихо затянула я скорбную песнь. Ну... то есть, мне вроде бы казалось, что тихо.

Поупражняться в вокальном мастерстве мне, однако, помешали внезапно засечённые локаторами моих глуховатых для музыканта ушей подозрительные звуки. Как бы я ни была пьяна сейчас, они меня не могли не насторожить. Потому что...

– Господин Бокутян, я вас совсем не обманываю. У меня даже нет никакого повода делать это... мы с вами совершенно чужие люди, давайте на этом остановимся.

– Ну-ну, дорогая девочка, не отпирайся. Я тебя всё равно раскусил...

Этот голос... я физически ощутила, как просто багровею от злости. Опять белый блондинчик из группки на букву «М»?! Он смеет в очередной раз приставать к Лире?! Ну всё-ё...

– Какого чёрта?! – я выскочила прямо перед ним, заслоняя Лиру своей широкой спиной: каким образом мне с моей теперешней потерей ориентации в пространстве удалось так выгодно рассчитать траекторию, для меня до сих пор загадка. – Какого чёрта, Бокутян?.. – как ни странно, язык у меня заплетаться перестал, и даже перед глазами уже не так сильно качалось. Зато голова просто пылала. И, наверное, глаза. – Какого чёрта ты опять возник на моём жизненном пути?! Пристал же, как лист банный... – в голове у меня как будто пронеслась какая-то молния. Я не обратила на это внимания.

– Фу, фу, какой некультурный язык у такой, казалось бы, культурной на первый взгляд леди, – заметил Бокутян. – Вас никто не учил, что вмешиваться в чужие разговоры немного неприлично?

– А тебя никто не учил, выдра ты канализационная, что докапываться до людей и прилипать к ним, как пиявка, – это тоже не слишком-то хорошо?! – я понимала, что начала нести бред, но, кажется, остановиться мне было уже сложно. Лира, видимо, была шокирована таким моим поведением, поэтому даже не знала, что предпринять.

– Бокутян, ты когда-нибудь напросишься, – продолжала я, всё наступая, а глава группы японцев на букву «М» с интересом изучал меня. Меня вдруг это почему-то взбесило. – Да какого игуанодона ты на меня так пялишься?! Тоже вычисляешь что-то там для своих этических манипуляций?! Недоделанный психолог... – я пнула подвернувшуюся под ноги жестяную банку. Банка откатилась в сторону и со звоном провалилась в канавку. Я злобно поглядела на неё, а затем вдруг расхохоталась, как заправская ведьма, подленько и коварно. – Да-а, я тебя тоже раскусила, – я перенесла свой свирепый взгляд на него. – И нечего тут стоять и корчить из себя неведомо что! Подумаешь, лисонька. Mare brînză... – от неконтролируемых чувств я перешла на родной язык. – Тоже мне! Скунс девятихвостый, ё-моё! Да таких скунсов, как ты, их очешуеть как много! И что? Кто ты вообще по жизни?! Нацепил тут белое, так думаешь, тебе тут всё можно?! Вообще обнаглел, твои терцквартаккорды по всем полутонам наверх!.. Пристать к девчонке вздумал, а? Сделать с ней что-то хотел?! Так вот, чтоб ты знал, недомерок, – я подошла к нему вплотную и посмотрела на него СВЕРХУ вниз, – я! Я, полутора метров ростом, на него, двухметровую шпалу. Для меня это тоже до сих пор один из тёмных моментов воспоминания. – Чтоб ты знал! Больной ты на всю голову и на все свои хвосты, скотина и педофил. Ты. Не. Прой-дёшь!.. – я грозно взглянула на него, точно Гэндальф на гоблина, а затем вдруг глубоко вдохнула, – по-моему, Лира сзади что-то прокричала и бросилась хватать меня за локоть, но я уже ничего не понимала, – и... И тут случилось, как видно, что-то не очень хорошее.

Вспышка света, возникшая внезапно, ослепила меня на мгновение; усилием всё-таки разжав глаза, я увидела, что же, собственно, произошло, и поразилась сама себе. А точнее, своей смелости. А точнее, наглости... Кхм.

В общем, Бокутян, как ни странно, остался жив, – хи! Ну конечно, он же всё-таки у нас бессмертный кицунэ, – однако... Однако, знаете, в положении довольно-таки интересном. В прямом смысле. В очень прямом.

Бокутян стоял и с некоторым удивлением таращился на растущий у него прямо из воздуха живот. Большой такой. Кругленький животик.. Я моргнула, а потом на меня накатил приступ хохота. Такой сильный, что я не удержалась на ногах и плюхнулась прямо на нагретую за день солнцем и оттого тёплую мостовую.

Бокутян с животиком. Бог мой! Неужели я действительно настолько пьяна?

Лира стояла рядом, оторопело наблюдая за разворачивающимися событиями, видимо, не будучи в состоянии сдвинуться с места. Я же, сидя на тротуаре, истерично хихикала и просто бессильно показывала на него пальцем.

– Ты... – сквозь слёзы выдохнула я, – ты беременен! Это потрясающе. Бокутян... хи-хи-хи... – я продолжала хихикать. – Кицунэ!.. великий поднебесный... великий... глава... группы... какой-то там, на букву «М»... ты... А-ха-ха!.. Нет, право же, это восхитительно... великолепно!..

– Уведи её, пожалуйста, – Бокутян мило и довольно-таки снисходительно улыбнулся, кивая на меня. Я же просто уже не могла остановиться... Животик всё рос и рос, пока наконец не достиг объёма приблизительно трёх довольно спелых и крепких арбузов. Наконец, рост остановился; Бокутян всё так же относительно спокойно стоял напротив меня и не двигался; Лира тоже всё не могла выйти из ступора; ну а я силилась побороть пьяный приступ хохота и никак не могла. Воздух отказывался поступать в мои лёгкие плавно.
– Бокутян, ты... восхитителен, – произнесла я с трудом, давясь смехом и даже не пытаясь подняться. Я бы всё равно свалилась опять.

Кицунэ-альбинос вдруг как-то странно на меня поглядел и, не говоря ни слова, начал приближаться. Я умолкла и почему-то поняла, что дело серьёзно. Я тоже пристально поглядела на Бокутяна, а затем, даже не вставая, – что-то быстро промелькнуло у меня в голове, – подняла ладони вверх, вытянула вперёд и, прикрыв глаза, прошептала какие-то слова. Какие именно, я уже и не помню. Честно. Это, должно быть, вытекло откуда-то глубоко из подсознания, из каких-то первобытных, древних времён, когда я ещё была юная и глупая ведьма, ела сырое мясо, не знала огня и высекала искры кремнём. Как бы там ни было, первобытные и дикие инстинкты обычно оживают в человеке первыми... Хмель в крови, как видно, только ускорил эти процессы.

Бокутян неожиданно остановился, будто его движение что-то застопорило. Затем как-то нервно огляделся, словно не мог понять, что происходит, ну или в каком ухе у него жужжит.

Жужжало и у меня. В обоих ухах. Но, надо сказать, мне это совершенно не мешало.

Мне было уже не до смеха. О нет! Я была в гневе. Как никогда.

И я не шутила.

Я стояла на открытой площади перед кафе и ощущала, как вся она наполняется моей энергией. О, как хорошо. Наконец-то отпускает... Я испытывала удивительную расслабленность. Чувства, кровь, злость, все непонятные мысли, клокотавшие и варившиеся во мне до этого момента, вдруг внезапно высвободились и оставили меня в покое.

Теперь всё это бушевало снаружи. Огонь? О нет. Никогда.

Я – воздух. Ведьма.

– Ведьмы – это создания воздуха, – сообщила я куда-то в ночную пустоту.

Мы ведь тоже умеем летать. Встреча с воздухом иногда бывает фатальна для земных созданий. Конфликт элементов... Ты разве не знал, Бокутян? А зря. Я прищурилась. Вокруг меня носился ветер, брат мой; и мне казалось, я почти ощущаю, как за спиной у меня вырастают крылья... Ветер витал, шумел вокруг, – почему-то чудилось, что небо потемнело, хотя на самом деле, конечно, просто луна скрылась за набежавшими облаками; – ветер шелестел, шумел бумажками, разносил всякий мусор, звенел и дребезжал стёклами окон, которые, вероятно, не привыкли к таким нагрузкам на себя... и, самое главное, вокруг витали *они*. Сотни, миллионы летающих тварей. Мелких насекомых... они походили на тёмные тучи, скопление чёрных звёзд. Блестящие жала, прозрачные крылышки, издающие в воздухе свист. Множество.
– Как создание воздуха, я могу управлять теми, кто летает, – тихо произнесла я. О нет, это был уже не хмель... я полностью трезвая. И я знаю, что я сейчас сделаю с этим...

Как он посмел к ребёнку подходить. Да я его насквозь вижу... Я уставилась на Бокутяна. Белая фигурка посреди тёмных туч насекомых. Они пока не двигались с места, но окружили его. Он тоже не двигался, словно бы изучал. Конечно... он сейчас ничего не предпринимает просто потому, что хочет узнать. Увидеть мою силу... изучить. Для своей чёртовой коллекции, для манипуляций, – как я это ненавижу! Ненавижу таких людей!..
– Я говорила, что ты напросишься, Бокутян, – произнесла я. Тучи насекомых взметнулись и понеслись к белой фигурке. Бокутян отшатнулся прочь, собираясь, по-видимому, что-то предпринять, – но я это предугадала. Я

снова прищурилась, фокусируя своё внимание на нём, а затем призвала воздушную Элементаль. Вот оно... я аж зажмурилась, получая удовольствие от ситуации. Как же я люблю это ощущение... нет, всё-таки быть Элементом воздуха – воистину замечательно! Ну, поехали.

Пространство. Связь пространства и воздуха... почему я до сих пор этого не понимала, интересно?.. Воздушные потоки так легко управляются... иллюзией. Искривление пространства. Сворачивание... я баловалась, замешивая упругое тесто материи. В этот момент как будто весь космос был у меня на ладони... я развлекалась, вылепливая из него новые фигурки. Новые знаки... символы...

Фигурка Бокутяна начинала тоже искривляться, изгибаться, прыгать, корчиться и крутиться на месте. Я смотрела вперёд мрачно, хотя внутри мне хотелось злобно и по-ведьмински хохотать. Вокруг меня бушевал ветер, мошкара кружила в воздухе и заполняла огороженное пространство магнитной ловушки вокруг Бокутяна. Я будто играла с кривыми зеркалами.

Искривление. Это так забавно...

– Пожалуйста... не надо... остановись.

Я обернулась, ощутив, как чья-то тёплая рука тронула меня за плечо... Неожиданно я почувствовала, что мне очень холодно. Внутри. Внутри меня – пусто...

– Лира, – пробормотала я и вдруг резко вдохнула, понимая, что мне не хватает воздуха. Дышать... не могу. Я снова попыталась вдохнуть, и в глазах потемнело. Вот чёрт... я же только начала... ну почему...

Я рухнула на колени, затем, кажется, потеряла сознание.

***

Я открыла глаза... Глаза. Так. Глаза есть. Уже хорошо... Дальше. Руки. Руки вроде бы тоже есть. Я подняла руки и осторожно пощупала голову. Голова есть! Ура! А это самое главное. Впрочем, правда, раз руки наличествуют, вероятней всего, тело также на месте, и я не превратилась, как в романе, в голову профессора Доуэля. Живущую отдельно от тела. А это значит, я... целая! Ура! Целая! Я целостен и вечен. Чело-вечен... Я человек, прости-господи. Ну, слава пентатонике...

Я немного приподнялась.

– Лежи! – ко мне тут же кто-то подлетел. Лира... Я улыбнулась. Лира, ур-ра, ты тоже здесь, ты... ой. Ой... Ой-ёй-ёй!.. Улыбка с моего лица быстро как-то сползла.

И всё-таки, кажется, я не такая уж хорошая правая рука. Лихо трёхноздрёвое, ты явно ошиблось с кандидатурой...

– Лира, – тихим и безнадёжным голоском пробормотала я, – ты скажи, только честно... нас выгнали с мастер-класса, да?..

– Никто никого не выгонял, – отвечала Лира, внимательно глядя на меня, – как ты себя чувствуешь?

Я задумалась.

– Вроде бы ничего... нормально, – я всё-таки слегка приподнялась и присела на кровати. – Ч... что вообще произошло?.. – Я зажмурилась, приложив ладонь ко лбу. Вспоминалось смутно. Очень смутно. Так, значит... начнём сначала. Я напилась... стоп. Я?! А, ну да, я просто по ошибке выпила что-то... что-то не то. Наверное, водку. Стоп. А почему тогда я чувствую себя вполне нормально?.. Я растерянно взглянула на Лиру. Та, видимо, сжалилась.

– Я попросила Василису вылечить тебя, – пояснила она. – Её стихия воды лечит... Ты меня напугала... ты странно себя вела вчера.

– А... а что я делала? – на всякий случай решила осведомиться я. Ну, вдруг я чего пропустила.

Лира помолчала, видимо, обдумывая слова; посмотрела куда-то в окно.

– Ты, видимо, услышала, как Бокутян опять допытывался до меня, – начала она, – и очень разозлилась. Сначала ты стала ругаться, потом прокляла его, раздув ему живот до огромных размеров. А потом… потом ты вызвала что-то очень серьёзное. Был такой сильный ветер… небо потемнело. И ещё много насекомых. Чёрных, страшных… они окружили Бокутяна, но ты на этом не остановилась, активировала Элемент воздуха и начала творить какие-то жуткие иллюзии… – она снова умолкла. Мне вдруг стало ужасно стыдно. Адские тритоны, точно. Теперь совсем вспомнила. Ну, здорово… что о нас теперь подумают! Я подставила Мирослава Добрыньевича… кошмар, ну надо же… чёрт. Я обхватила себя за голову и рухнула обратно на постель.

– Что такое? – встрепенулась Лира. – У тебя что-то болит? Тебе плохо?..

– Лира, – выдохнула я, – а… а что было дальше-то?.. Я не помню…

И это пугало больше всего. Квинтовые круги ада!.. Я же на полном серьёзе в таком состоянии могла вытворить всё, что угодно… Не думаю, правда, что Бокутяну все эти мои фокусничества могли принести реальный ущерб… Я просто никогда, даже в неадекватном состоянии не высвобожу настоящую силу, которая может ранить людей. Наверно, мне придётся отказаться от этого, когда придётся действительно драться с кем-то. Но пока что… Максимум того, что он мог испытать после всего этого, – лёгкий приступ морской болезни. Разве что.

…Если я, конечно же, не успела сделать чего-то большего…

Пожалуйста, нет!.. Я… я же не стала применять… то самое. Пожалуйста…

– А дальше…

Пожалуйста, нет.

Я едва подавила стон и умоляюще взглянула на Лиру.

– А дальше ты потеряла сознание, – закончила она, чуть пожав плечами. Я с облегчением вздохнула. Ну, в принципе, я так и полагала. вполне себе естественный исход при такой-то нагрузке. Эх-х… и всё-таки зря я вчера напилась. в смысле… ну. Конечно, я случайно, но… всё равно, стыд-то какой. Я бухнулась в обморок перед Бокутяном!.. Отлично…

– Знаешь, Бокутян потом куда-то исчез, – задумчиво продолжало небесное создание. – Я… я испугалась и тут же позвонила Феофану, – он оказался неподалёку. Он донёс тебя до номера… А я потом позвала всех остальных, и мы вернулись обратно. Я сказала Саваофу Данииловичу, что у нас тут ЧП, – она слегка виновато почему-то улыбнулась. Эх, небось перепугалась… Ну и натворила я, выходит, делов-то. И, ура, мы опять пропустили целый вечер мастер-класса от ведьмака Самуила.

– Лира, – осторожно осведомилась я, – а это всё?.. Ну, в смысле… я точно больше ничего такого не делала?..

– Хм?.. Да нет вроде бы, – она чуть пожала плечами. – А что?

– Не, ничего, – я помотала головой, – нет, так нет… и хорошо, если нет. Мустафа, кстати, вчера выступил?..

– выступил, – промолвила Лира, – Хорошо на аккордеоне сыграл. Не волнуйся. всё в порядке. Ты отдыхай…

– Ага. – Я вздохнула, прикрывая глаза. Отдыхать мне, в принципе, сейчас как раз таки совсем не хотелось. Хотелось всё-таки встать и выяснить…

– Адские тритоны!!! – заорала я и вскочила. Бедная Лира снова переполошилась.

– Что? Что такое?! – она испуганно поглядела на меня.

– Адские тритоны, я совсем забыла… – я прикрыла ладонями лицо. Ну конечно… организация Коррупцио или Сдуй-лимон, пафосный Элемент Огня, анонимно приславший письмо с вымогательством выкупа… Адские тритоны, тысячи тысяч адских тритонов, звучащих одновременно!.. Как я могла забыть?! Нет, нельзя сейчас сидеть сложа руки.

– Не буду я отдыхать, Лира, – покачала я головой, разглядывая почему-то свои ладони. – Мне нужно кое-что сделать.

– Как?! – воскликнула ангелок. – Не вздумай! Ты что… ты же вчера…

– Бухнулась в обморок перед врагом, – мрачно докончила я, уже стоя перед шкафом и разыскивая в нём свои вещи. Кто-то даже проявил такую заботу, что переодел меня в ночную рубашку, – надеюсь, правда, что это был не какой-нибудь там чёрт, которому, конечно, спасибо, что он меня сюда дотащил... на руках, удивительно. Меня в жизни разве что пару раз на руках таскали. Не при самых хороших обстоятельствах, к сожалению. вот и сейчас... пресвятая пентатоника! Судьба у меня, что ли, такая?! Ах да, я же не верю в судьбу. Ну и ладно...

– вот-вот, – подтвердила Лира, – а значит, тебе надо сейчас лежать и отдыхать... хоть немного...

– Да хватит, наотдыхалась уж, – ворчала я, копаясь в вещах. Не могу понять, куда задевались мои джинсы? Немецкий звукоряд, – я же только накануне их надевала, точно помню. Только не говорите мне, что они... безвозвратно погибли. О нет.

– Лира, – озабоченно пробормотала я. – Куда мою одежду запихали? Ту, в которой я вчера была.

– Ах это... – я заметила, что она как-то немного напряглась... мне стало совсем не по себе.

– Что? – я внимательно поглядела на неё, остановившись и замерев. – Нет... Пожалуйста, только не говори мне, что...

О нонаккорд моей души. К сожалению, такое у меня тоже как-то раз было. Короче говоря, в минуты особого усердия я могу случайно перезарядить электромагнитное поле вокруг себя, и... в общем, получается очень нехорошо. Вся неорганика, попадающая в поле зрения, сгорает.

ВСЯ.

Ну вы поняли.

Одежда – это тоже неорганика...

Я сглотнула, опираясь о края открытого ящика комода. Пресвятая пентатоника, какой позор...

– Не волнуйся, – тихо произнесла за моей спиной Лира, – одежда сгорела, когда ты уже попала в номер... ну... в смысле, тебя никто не видел.

– Ещё легче, – хрипло проговорила я. – весёлый какой день был вчера... хи-хи.

– А кеды твои остались, – ободряющим тоном сообщила Лира, – вон, лежат...

– Правда, что ли?! – я удивлённо подскочила к кровати и действительно обнаружила возле неё лежащую пару моих любимых, старых-старых кед, прошедших со мной столь великое множество испытаний, сколь много лет жизни даровано было им. – Ни-че-го себе. – Я с изумлением оглядела их. – вот это да. Целёхоньки! Кто бы мог подумать.

Да! Хвала кедам. в огне – не горят! в навозе не тонут... хе-хе...

Быстро переодевшись и не слушая Лиру, я что-то пробормотала о том, что мне надо повидать Горыныча, и выскочила из отеля наружу.

Мне предстояла небольшая работёнка.